

ბათუმის შოთა რუსთაველის სახელმწიფო უნივერსიტეტი

ჰუმანიტარულ მეცნიერებათა ფაკულტეტი

სლავისტიკის დეპარტამენტი

ვეფხვია ხალვაში

პრეცედენტული ფენომენების დინამიკა რუსული
და ქართული კულტურის წარმომადგენლების ენობრივ
აზროვნებაში

ფილოლოგიის დოქტორის აკადემიური ხარისხის მოსაპოვებლად წარმოდგენილი

დ ი ს ე რ ტ ა ც ი ა

სამეცნიერო ხელმძღვანელი - ფილოლოგიის მეცნიერებათა დოქტორი,
პროფესორი მარინე აროშიძე

ბათუმი

2015

Батумский государственный университет Шота Руставели

Факультет гуманитарных наук

Департамент славистики

Вепхвия Халваши

**ДИНАМИКА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ
В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ
И ГРУЗИНСКОЙ КУЛЬТУР**

Диссертация, представленная на соискание академической степени
доктора филологии

Научный руководитель - доктор филологических наук
Профессор М.В.Арошидзе

Батуми

2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I	
Языковое сознание и языковая картина мира	
1.1 Национальная маркированность языкового сознания.....	9
1.2 Языковая картина мира	15
1.3 Формирование языковой личности в условиях поликультуризма	28
Глава II	
Прецедентные единицы	
2.1 Понятие прецедентного феномена в современной лингвистике.....	38
2.2 Синхрония и диахрония прецедентов	66
Глава III	
Прецедентные единицы грузинского культурного пространства и особенности их перевода	
3.1 Макроуниверсальные прецеденты и наследие эпохи НОМО SOVIETICUS	101
3.2 Национальные феномены грузинского культурного пространства	108
3.3 Особенности перевода прецедентов	122
Заключение	146
Библиография	150

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития антропоцентрической лингвистической парадигмы большое внимание уделяется исследованию взаимосвязи языка и культуры. Ученые определили, что за языковой единицей всегда стоит какой-то культурный концепт, какое-либо культурологическое понятие, которое постепенно, по мере употребления в типовых ситуациях и в текстах данной культурной общности накапливает дополнительные коннотативные значения.

Каждый язык по-своему членит мир, имеет свой способ его концептуализации. У каждого народа, каждой нации есть свои собственные представления об окружающем мире, о людях, о представителях другой культуры, которые суммируются в целостной языковой картине мира. В обществе складываются определенные стереотипы – как относительно самих себя, относительно поведения и традиций в пределах своего культурного пространства, так и относительно представителей другого языкового и культурного пространства.

Языковая картина мира каждого народа метафорична по своей сути. Чтобы стать личностью и членом того или иного национально-лингво-культурного сообщества, человек должен усвоить большой объем материала, необходимого для восприятия механизмов метафоричности, должен пройти процесс социализации, или «путь вхождения в цивилизацию» (Леонтьев www.koob.ru). Сутью этого процесса является трансляция культурных концептов, основным средством выражения которых является язык. С самого раннего детства, на начальном этапе социализации личности культура транслируется в виде многочисленных фольклорных текстов, детской литературы; затем культура транслируется посредством видеоряда, путем усвоения этикетных формул и пр. Человек осваивает те единицы, которые входят в когнитивную базу данного социума, образуют «ядро» культурного пространства, языковую картину мира, которая формирует тип отношения человека к миру.

Важной составной частью языковой картины мира являются прецедентные единицы, которая образует прецедентное пространство, отражающий специфику

данной лингвокультурной общности, связанные с широко известными текстами или ситуациями.

Но современный человек живет в поликультурном мировом сообществе, поэтому в процессе освоения культурных коннотаций большое значение приобретают как макроуниверсальные, так называемые общечеловеческие культурные ценности, так и национальные особенности мировидения. Языковое сознание современного человека включает в себя несколько пластов культурных коннотаций, которые представляют собой интереснейший объект для междисциплинарных исследований.

Актуальность настоящей диссертационной работы объясняется интересом исследователей к вопросам взаимодействия языка, культуры, психологии народа. Особую актуальность приобретает систематизация прецедентных феноменов, какважных концептов общечеловеческой и национальных культур.

Научную новизну нашей диссертационной работы определяют следующие факторы:

- 1) анализируется роль прецедентных единиц в формировании грузинской языковой картины мира;
- 2) уточняется и углубляется типология прецедентов;
- 3) рассматриваются особенности миграции прецедентных единиц из одной культуры в другую;
- 4) исследуются проблемы трансформации прецедентных коннотаций в процессе перевода в русском и грузинском культурном пространстве.

Целью настоящей диссертационной работы является исследование прецедентных единиц и трансформации их коннотативных значений в русском и грузинском культурных пространствах.

Целевая программа нашего исследования включает решение ряда частных задач:

- 1) установление семиотической природы «прецедента» в свете теории номинации;
- 2) уточнение и углубление типологии прецедентных единиц;
- 3) анализ миграции прецедентных феноменов;
- 4) установление коннотативных значений прецедентных единиц в национальных культурах и анализ средств их выражения;
- 5) исследование проблем трансформации прецедентных коннотаций в процессе перевода в русско-грузинском культурном пространстве.

Эмпирический материал нашего исследования представлен большим корпусом публицистических текстов русской и грузинской современной масс-медиа (на материале газет «Квирис палитра», «24 саати», «Тбилисская неделя», «Головинский проспект», «Аргументы и факты»).

Методологическую основу нашего исследования составляет комплексная методика текстового анализа, которая включает: методы наблюдения, аналогии, лингвистического описания, сопоставительно-типологического исследования и метод установления межъязыковой эквивалентности.

Диссертационная работа имеет определенное **теоретическое и практическое значение**. Полученные данные представляют интерес для когнитивных исследований, касающихся теории номинации. Теоретическое значение имеют и обобщения, сделанные на основе изучения принципов передачи прецедентных коннотаций на другие языки. Широка сфера использования результатов исследования в смежных дисциплинах. Ею могут заинтересоваться такие научные дисциплины как: коммуникативная лингвистика, лингвокультурология, теория перевода, психолингвистика, социолингвистика, функциональная грамматика и т.д. Некоторые положения нашей работы могут найти практическое применение при чтении курсов «Лингвистика текста», «Когнитология», «Теория коммуникации», «Теория и практика

перевода», а также в курсе сопоставительной грамматики грузинского и русского языков.

Цель и задачи диссертационной работы во многом определили ее структуру. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографии.

Во введении аргументируются актуальность, научная новизна, нашего исследования, приводятся общие задачи и конкретизируются цели, теоретическая и практическая значимости его результатов.

В первой главе - **Языковое сознание и языковая картина мира** - мы рассматриваем роль прецедентных феноменов в формировании языковой картины мира (в частности, русской и грузинской) и языкового сознания человека, а также семиотический механизм явления прецедентности.

Во второй главе - **Прецедентные феномены** - два параграфа, в первом - анализируется понятие прецедентных феноменов в современной антропоцентрической лингвистической парадигме, во втором параграфе рассматриваются синхрония и диахрония прецедентных единиц.

В третьей главе - **Прецедентные феномены грузинского культурного пространства и особенности их перевода** - три параграфа, в первом исследуются макроуниверсальные прецедентные феномены и рассматривается наследие эпохи HOMOSOVIETICUS, во втором параграфе дается анализ национальных единиц грузинского культурного пространства, в третьем параграфе анализируются особенности перевода прецедентных единиц.

В заключении работы подводятся итоги нашего диссертационного исследования.

После предварительных замечаний по поводу актуальности, теоретической и практической значимости нашей работы, хотелось бы наметить основные подходы к решению поставленных в диссертационной работе задач. Попытаемся осмыслить семиотический механизм прецедентной номинации и на конкретном эмпирическом материале изложить основные теоретические положения, выносимые нами на защиту:

1) Прецедентные феномены по ареалу их функционирования обычно делят на две противопоставленные группы, так называемых общечеловеческие и национальные прецеденты, мы хотим обосновать неточный характер первого термина и предложить три группы прецедентных единиц:

а) макроуниверсальные (характерные для большинства культур);

б) региональные (ограниченные рамками общественно-политической общности или геополитического региона);

в) национальные, характеризующиеся особой культурной самобытностью.

2) Прецеденты всех трех уровней характеризуются единством противоположностей: с одной стороны, они статичны, передаются из поколения в поколение (в рамках одной культуры или большого числа культур), но, с другой стороны, они представляют собой открытую динамичную систему, которая характеризуется общеязыковыми процессами неологизации и архаизации. Являясь составной частью национальной картины мира прецеденты меняются вместе с ней, отражая закономерные процессы обновления общественно-политической парадигмы.

3) Прецедентные единицы представляют собой особую переводческую проблему, так как при трансформации прецедента из одной культуры в другую необходимо передать не только языковое воплощение прецедента, а его скрытое коннотативное значение.

ГЛАВА I

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

1.1 НАЦИОНАЛЬНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Языковое сознание – широко используемый в психолингвистике термин. Этим термином принято обозначать с трудом поддающийся определению феномен – вербализуемые лексическими средствами национального языка результаты ментальной деятельности. При более широкой трактовке языковое сознание включает психические механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности человека (Ушакова 2003:6-17). Исследованием языкового сознания активно занимаются представители Московской школы психолингвистики. Е.Ф.Тарасов считает принадлежностью языкового сознания все «овнешненное» содержание сознания (Тарасов 2000:45-53). В таком случае границы языкового сознания определяются возможностью вербализации результатов актов восприятия и переработки информации. Подробное рассмотрение определений языкового сознания и принципов его исследования можно обнаружить в работах Т.В.Ушаковой (Ушакова 2004:6-17). Т.В.Ушакова указывает на принципиальную равнозначность терминов «языковое сознание» и «речевое сознание» (Там же). Тем самым языковое сознание рассматривается как более широкое явление, чем лексикон (совокупность номинативных единиц), поскольку в речи может быть обозначен любой феномен, не имеющий специальной однословной или идиоматичной номинации. Как справедливо отмечает И.Н. Горелов, в принципе любое содержание сознания может быть вербализовано (Горелов 2007). Между тем, Н.В.Уфимцева обращает внимание прежде всего на лексикализованное, т.е. обозначенное единицей лексикона, содержание сознания и изучает языковое сознание русских на материале лексических ассоциаций (Уфимцева 2002). Разработанные Н.В.Уфимцевой принципы анализа позволяют моделировать актуальное состояние языкового сознания этноса и на основе этих данных восстанавливать предшествующее состояние языкового сознания (там же). Подобный подход к феномену языкового сознания в российской науке обнаруживаем у

Ю.Н.Караулова, который предложил модель языковой личности, включающей лексикон, семантикон и прагматикон (Караулов 2002). Семантикон языковой личности отражает индивидуальные смыслы, активируемые единицами лексикона национального языка.

Языковое сознание, насколько мы можем судить, охватывает семантикон в его отношении к лексикону: взаимосвязи лексических единиц, обусловленные личным когнитивным и коммуникативным опытом. Совпадения в когнитивном и коммуникативном опыте членов языкового коллектива, определяющие сходство семантикона, обуславливают возможность реконструкции языкового сознания этноса, использующего национальный язык. Заметим, что в мировой научной традиции наиболее последовательно подобный, в целом лексикоцентрический, подход реализует А. Вежбицка, рассматривающая национальную культуру и этнокультурную специфику сознания сквозь призму ключевых слов, именующих некоторые концепты и семантические примитивы (Wierzbicka 1997). Общераспространенным является положение об этноцентризме сознания как следствии взаимодействия национального языка и культуры, взаимообусловленности языка и мышления (Леонтьев 1993; Wierzbicka 1997). И.В. Привалова в теоретико-экспериментальном исследовании этнокультурной маркированности языкового сознания доказывает: «Культурнообусловленное сознание интегрирует знание о культурных предметах, а также правилах и нормах коммуникативного поведения.

Этноязыковое сознание – это ансамбль когнитивно-эмотивных и аксеологических структур, национальная маркированность которых обеспечивает их вариабельность от одной культуры к другой» (Привалова 2005:7). Кроме того, «образ этноязыкового сознания конституируют функциональные / операциональные единицы трех пространств: лингвистического, когнитивного, культурного. Эти пространства особым образом структурированы и состоят из функциональных единиц, каждая из которых несет отдельный квант информации» (Привалова 2005:7). Этноязыковое сознание приравнивается к языковому сознанию, описываемому в этническом аспекте как модель языкового сознания определенного языкового коллектива, обусловленная

национальной культурой. Национальный язык выступает и как средство трансляции культуры (Тарасов 2000), и как способ вербального воплощения культурной традиции, поскольку «язык — это продукт культуры, язык — это структурный элемент культуры, язык — это условие культуры. Фундаментальный смысл его в том, что язык концентрирует и воплощает в единстве все основания человеческой жизни» (Дейк Ван 1989:47). Между тем, национальная культура неоднородна, как неоднороден национальный язык в индустриальном и постиндустриальном обществе. Этноязыковое сознание также оказывается многомерным, отражает различия субкультур и вариантов национального языка.

Этноязыковое сознание представляет полилог, в котором можно обнаружить «множественность подходов, позиций, оценок, что создает основу для обмена разным содержанием и служит залогом, по М.М.Бахтину, возможности развития, создания нового содержания» (Уфимцева 2002:162). Соответственно, этноязыковое сознание интегрирует различные аксиологические системы, представленные в традиционной, массовой и элитарной субкультурах (Толстой 1995). Напомним, что необусловленное какой-либо из национальных культур сознание являет собой феномен более высокой степени абстракции, имеющий право на существование благодаря принадлежности каждой из культур человеческой цивилизации.

Наряду с языковым сознанием выделяют сознание коммуникативное и когнитивное (Стернин 2002). Когнитивное сознание объединяет всю мыслительную деятельность человека, т.е. когнитивное сознание равно когнитивной, или интеллектуальной сфере. Коммуникативное сознание – «это совокупность коммуникативных знаний и коммуникативных механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека. Это коммуникативные установки сознания, совокупность ментальных коммуникативных категорий, а также набор принятых в обществе норм и правил коммуникации» (Стернин 2002). Поскольку коммуникация предполагает знание и использование национального языка, постольку языковое сознание оказывается частью сознания коммуникативного. На наш взгляд, данные дефиниции обладают определенной ценностью, позволяя разграничивать

коммуникативную и речевую компоненты при анализе языкового материала, в том числе и полученного экспериментально. Между тем, как нам кажется, апелляция к отдельности типов сознания, обеспечивающих мыслительную, речевую и коммуникативную деятельность, довольно спорна. Насколько мы можем судить, разграничение коммуникативного и языкового сознания по существу совпадает с разграничением коммуникативной и языковой компетенции. В коммуникативное сознание, в отличие от коммуникативной компетенции, включены коммуникативные механизмы. Коммуникативные механизмы не определены, не оговаривается их отношение к механизмам речи, описанным в классической работе Н.И.Жинкина (Жинкин 1998). Определение языкового сознания предполагает разграничение содержания терминов сознание, мышление, образ (картина) мира. Каждый из терминов обозначает различные феномены. Термином сознание в русской научной традиции принято обозначать рефлексивную психическую деятельность, включающую перцепцию, переработку воспринятого и формирование целостной картины мира, содержащей знания и отношения, объекты и самого субъекта в отношении к ним (Рубинштейн 1998; Леонтьев 1975). Ключевым в данном случае является понятие рефлексии, т.е. отношения субъекта к объекту: субъект включен в картину мира как наблюдатель, фиксирующий пространственные, временные и прочие характеристики объекта с определенной субъективной позиции, точки зрения. Полагаем, что интерес к языковому сознанию и его этнокультурной специфике как раз и определяется потенциальной возможностью различных позиций субъекта при обработке воспринятой информации и воплощении знаний средствами национального языка.

Неслучайно исследование языкового сознания непременно затрагивает и сферу культуры, поскольку любая позиция члена социума (представителя этноса) культурно обусловлена. Как видим, картина (образ) мира является одним из компонентов сознания. Это целостное и системное отражение реальности составляет основу ориентировки и планирования поведения, в том числе и коммуникативного. Картина мира неоднородна. Общепринятым является разграничение вербальной (языковой) и невербальной картины мира на основании способа кодирования

информации (Касевич 1995). В свою очередь, на основании способа переработки необходимой для формирования картины мира информации различают наивную и научную картины мира (Касевич 1995). Наконец, в рамках языковой картины мира В.Б.Касевич предлагает выделять собственно языковую и текстовую картины мира, в зависимости от источника поступления вербальной информации (Касевич 1995:66). Научный образ мира представляет частный случай текстовой картины мира, поскольку складывается в результате восприятия и переработки информации, содержащейся в текстах, функционирующих в определенной социальной сфере (Касевич 1995:67). Думается, что разграничение научной и наивной картин мира принципиально важно, так как научная картина мира в силу принадлежности к узкой социальной сфере и направленностью на решение специфических задач стремится к нивелировке этнокультурных различий. По-видимому, языковая картина мира представляет собой, с одной стороны, результат функционирования языкового сознания, закрепленный в лексиконе и грамматике национального языка; другой стороны – основу для ориентировки в коммуникативной ситуации при порождении и восприятии речи. Мышление сопряжено с сознанием, но не равноценно ему. Мышление представляет одну из высших психических функций, обеспечивающих способность перерабатывать информацию с целью решения различных задач, так или иначе связанных с постановкой вопросов и поисков ответов на них при реализации простой или сколько угодно сложной деятельности. Мышление – необходимое условие становления сознания. Между тем, мышление, в силу направленности на постановку и решение задачи, стремится освободиться от национального языка.

В русской научной традиции, восходящей к культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, мышление и языковую способность рассматривают в качестве сопряженных результатов социально обусловленной деятельности (Выготский 1934). Слово представляет собой орудие психической деятельности – мышления. Речь, наряду с вниманием, памятью и мышлением, по мнению Л.Веккера, становится сквозным психическим процессом, пронизывающим все сферы индивида: интеллектуальную (когнитивную), волевую, эмоциональную (Веккер 2001). Мышление,

его различные типы (образное, операциональное, вербальное, символическое), позволяет сформировать картину мира. Различные типы мышления обеспечивают разнообразие способов переработки информации в процессе анализа актов перцепции и синтеза целостного образа мира.

Таким образом, в сознании языковой личности, являющейся членом определенной лингвокультурной общности, формируется и закрепляется целостная языковая картина мира, в которой отражается национальное видение мира, исторический опыт народа, род его деятельности, гео-политические условия проживания и пр. Формируется когнитивная база важнейших для данной общности концептов, имеющих языковое воплощение. Важной составной частью этой картины мира становятся прецедентные единицы, в сжатом виде передающие большой объем фоновой информации, часто приобретающей в тексте коммуникативную значимость.

1.2 ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

На современном этапе развития науки все очевиднее становится необходимость комплексного изучения языковых и социокультурных процессов в их функциональном взаимодействии в ходе исторического развития общества. Целесообразность подобного подхода обусловлена, в частности, невозможностью рассмотрения целого ряда важнейших языковых явлений в отрыве от условий функционирования общества, развития его культуры. Соответственно учёт языкового контекста имеет большое значение для адекватного освещения вопросов, находящихся в поле зрения таких смежных научных дисциплин, как культурология, социология, социолингвистика, лингвистическая антропология, история и т.д.

Среди множества вопросов, которые язык задает исследователям, один из самых интересных, как нам кажется, это вопрос о том, как язык формирует картину мира человека. Но прежде – несколько слов о том, что такое картина мира? Американский антрополог Роберт Редфильд определяет картину мира как такое видение мира, которое характерно для того или иного народа; это – представления членов общества о самих себе и о своих действиях, о своей жизни и своей активности в мире. Замечательно об этом сказано у философа Макса Фромма, «человек обладает разумом и воображением», и этот факт приводит его к необходимости не только иметь чувство собственной идентичности, но и интеллектуально ориентироваться в мире. Чем дальше развивается его разум, тем более адекватной становится его система ориентации, то есть тем более она приближается к реальности /.../. Вполне очевидно, что его картина мира зависит от развития его разума и знаний». (Фромм 2001:62-63). Об этом же пишет выдающийся немецкий философ М. Хайдеггер, утверждая, что человек воспринимает и понимает мир как картину; то есть, мир для него преобразуется в картину, и именно так человек осваивает мир (1985). К настоящему времени понятие «картина мира» в науке относится к числу фундаментальных, в котором выражается специфика не только познавательной, но и всей жизнедеятельности человека.

Познание, или когниция, это – философская проблема, и мы не будем здесь подробно ее касаться. За рабочее определение мы возьмем следующее: познание – специфический вид духовной деятельности человека, это процесс постижения мира. По данным психологии, в процессе познания человек использует не только разум, но и чувства. Что происходит в процессе познания? – Обработка информации внешнего мира. То есть, человек получает разнородные сигналы и классифицирует их по когнитивным категориям. Но на основании чего? – Он опирается на принятые в данной лингвокультуре (сформированные) признаки-сигнификаторы.

Роберт Редфильд напоминает, что сигнификат (от лат. *significo* — подаю знак, сигнализирую) – это понятийное содержание имени или знака. В сигнификате содержится информация-характеристика об обозначаемом предмете. Итак, в процессе познания мира человек руководствуется принятыми в его культуре и языке признаками-сигнификаторами.

Роберт Редфильд говорит, что познание – это процесс. А его результат – знание. Человек познает для того, чтобы получить представление о предметах, вещах, событиях; познает для того, чтобы получить и иметь знание о мире. И это то же философская категория. Но нам необходимо рабочее определение. Будем придерживаться следующего:

- Знание – это результат познания
- Знание – это идеальный образ, это представление о предмете или реалии.
- Знание – это сложнейшая система социальной памяти
- Знание формирует культуру – оно передается из поколения в поколение
- Культура влияет на стиль мышления

Таким образом, в основе формирования картины мира лежит когнитивность, познавательная деятельность человека. Не только процесс познания, но и его результат.

Итак, Человек воспринимает мир как картину

- Картина мира – это определенное видение и конструирование мира в соответствии с логикой миропонимания
- Картина мира возникает у человека в ходе всех его контактов с миром

- Картина мира – это глобальный образ мира, который никогда не является зеркальным отражением мира

- Картина мира – это такое видение мироздания, которое характерно для того или иного народа, как представления членов общества о самих себе и о своих действиях, своей активности в мире.

Какую функцию выполняет этот образ мира, лежащий в нашем сознании? Что является важным для нас с позиции языка? Картина мира – это определенное видение и конструирование мира в соответствии с логикой понимания мира, это – «определенный образ мира, который никогда не является его зеркальным отражением» (Серебрянников: 1988:60). Как не является одним и тем же, к примеру, дом и рисунок дома. Ведь один и тот же дом можно нарисовать по-разному, увидеть его с разных сторон. И разве можно сказать, что какой-то из рисунков будет неправильным?

Нас окружает общий мир, над головами у нас одно небо, нам светит одно солнце. Где бы ни жил человек, он любит, радуется, переживает, боится, надеется. Значит, мы видим и чувствуем одинаково? Чтобы найти ответ Роберт Редфильд попросит сказать, что такое вода? Сколько нас здесь человек? Вода – это жидкость. Вода – это бесцветная жидкость. Вода – то, что дает жизнь. Вода – это моря и реки и т. д. А если к этому разговору присоединились бы, скажем, физики, тогда мы услышали бы о физических свойствах воды. Потому что профессия, наши занятия так же влияют на образы мышления. Получается, что вода и одна и та же для каждого, но и разная для нас. Следовательно, вода и представление о воде не совсем одно и то же. Оказывается, что мы создаем в нашем сознании собственные образы мира. Но при этом мы в общем понимаем друг друга. Почему в общем? Вспомните, сколько раз вами или вам было сказано – *Ты меня неправильно понял!*

Как не похожи отдельные люди друг на друга, при том, что у нас много общего, так не похожи и отдельные народы, имея много общего. То, что у нас общее, называется универсалиями. Но если есть универсалия, то, по закону оппозиций, должны быть и уникальное, неповторимое. Разные народы также различаются, как и разные люди, как и у отдельного человека свое представление о мире, так и у

отдельного народа свое видение мира. Язык отражает общее представление всех говорящих на нем людей о том, как устроен мир. Язык – это зеркало, которое стоит между человеком и миром.

Одна из интереснейших концепций, объясняющих связь языка и культуры, принадлежит В.Гумбольдту, который считал, что национальный характер культуры находит отражение в языке посредством особого видения мира. Язык и культура, будучи относительно самостоятельными феноменами, связаны через значения языковых знаков, которые обеспечивают онтологическое единство языка и культуры. (Гумбольдт 1985:72).

Квалифицируя язык и культуру как автономные системы, отличающиеся друг от друга, как в субстанциональном, так и в функциональном отношении, следует иметь в виду их тесное взаимодействие, как опосредованное, так и непосредственное. В первом случае мы имеем в виду, что оба феномена соотнесены с мышлением и соответственно через эту связь соединены опосредованно друг с другом. Являясь неотъемлемым компонентом мышления, т.е. логико-рационального осмысления мира, язык принимает участие во всех видах духовного производства, независимо от того, используют ли они слово в качестве непосредственного орудия творчества. Материализуя общественное сознание, языковая знаковая система является носителем, а, следовательно, и хранителем информации, т.е. тех или иных понятий и суждений об окружающем мире. Язык и культура – вот что характеризует любой этнос, на какой бы стадии эволюции он ни находился. Они объединяют и роднят членов этноса перед силами природы и перед другими этносами. Язык и культура отличают один этнос от другого, и вместе с тем через них открываются способы общения и даже сближения разных этносов.

Каждый язык формирует у его носителя определенный образ мира, представленный в языке семантической сетью понятий, характерной именно для данного языка: и ассоциативные эксперименты, и трудности, возникающие в межкультурном общении и при переводе, доказывают это.

Культурно-этнический компонент, отражающий так называемую «языковую (наивную) картину мира» его носителей как факт обыденного сознания, воспринимается по фрагментам в лексических единицах языка, однако, сам язык непосредственно этот мир не отражает. Он отражает лишь способ представления (концептуализации) этого мира национальной языковой личностью, и поэтому выражение «языковая картина мира» в достаточной мере условно: образ мира, воссоздаваемый по данным одной лишь языковой семантики, скорее схематичен, поскольку его фактура сплетается преимущественно из отличительных признаков, положенных в основу категоризации и номинации предметов, явлений и их свойств, и для адекватности языковой образ мира корректируется эмпирическими знаниями о действительности, общими для пользователей определённого естественного языка.

В современной лингвистике признано, что каждый язык отражает свою собственную картину мира, которая отражается в языке. Поэтому в лингвистике мы говорим о языковой картине мира. В словах языка каждого народа отражается, как был увиден и понят мир. Вспомните примеры о том, как по-разному воспринимают время народы и культуры, о том, как они видят цвета, как меняет взгляд на мир местоимение или понятие рода в грамматике. Или, например, всем известный пример о снеге в языках некоторых северных народов. Для них снег – одно из базовых понятий мира. И поэтому в языке есть слова-названия для падающего снега, для падающего снега, для снега из которого можно строить иглу – делать блоки для жилища и т.д. А для нас такие детальные обозначения снега не нужны. А у африканцев его нет вообще – значит, нет и слова-наименования.

Действительность «проецируется» в естественный язык, и, прежде всего, в его семантику. Поэтому языковая картина мира отличается от мира действительности. Это объясняется, во-первых, специфическими особенностями человеческого организма (например, человек видит свет и цвет, и поэтому они есть в языковой картине мира, но не видит рентгеновские лучи, и они в ней не отражены). Во-вторых, языковая картина мира отличается от мира действительности в силу специфики конкретных культур, стоящих за каждым языком. Например, русское «берег» реки,

моря, озера и английское bank – берег реки, но shore – берег моря или большого озера. Или – принятое в разных культурах деление суток на периоды, которое мы подробно рассмотрели в прошлый раз. В конкретном языке происходит негласное коллективное соглашение (или конвенционализация) говорящих выражать свои мысли определенным образом (Рахилина 1998:283). Поэтому картина мира разных народов может по-разному категоризировать одни и те же предметные ситуации.

Что следует из всего этого?

- Каждый народ по-своему видит окружающую действительность, и этот факт находит отражение в языке.
- Носители разных языков по-разному членят окружающий мир на фрагменты, которые получают самостоятельные названия
- Наименования некоторых предметов и явлений не всегда имеют точное соответствие в других языках.
- Различия в восприятии мира проявляются в языке не только на уровне лексики, но и грамматики (время глагола), словообразования (изобилие в русском языке уменьшительно-ласкательных суффиксов), фразеологическом фонде, морфологии, грамматике. Но именно лексика языка, семантика слов в их прямых и переносных значениях является вместилищем, где сосредоточен опыт народа по постижению мира.

А теперь постараемся обобщить то, о чем мы говорили. Чем отличаются понятия «картина мира» и «языковая картина мира»?

- Языковая картина – «мир в зеркале языка». Факты языка – это не только как некий код и способ выражения мысли, но, по образному выражению Гумбольдта, и «отражение духа народа
- Картина мира – «отображение в психике человека предметной окружающей действительности (Леонтьев 1993:18; Красных 2003)
- «Соотношение между реальным миром и языком можно представить следующим образом: Реальный мир, Язык, Предмет, Явление, Слово. Однако между миром и языком стоит мыслящий человек, носитель языка» (Тер-Минасова 2000:39).

Общая картина мира, которую создает культура, материализуется в различных знаковых системах, наиболее универсальной из которых является язык. Поэтому язык по сути дела представляет собой «структурно» организованную классификацию человеческого опыта (Языковая номинация 1977:19; Кацнельсон 1972; Арутюнова 1979; Маковский 1980; Серебренников 1983; Складарская 1993). Мне очень нравится, как об этом сказал Борхес: «Всякий язык представляет собой алфавит символов, употребление которых предполагает некоторое общее с собеседником прошлое».

В недрах языка формируется языковая картина мира у человека. Но, как подчёркивает известный лингвист Елена Викторовна Падучева, «Нельзя на естественном языке описать «мир как он есть»: язык изначально задаёт своим носителям определённую картину мира, причём каждый данный язык – свою» (Падучева 1996:5-6).

Любой естественный язык отражает обыденную классификацию реальности, которая существует в коллективном языковом сознании носителей конкретного национального языка. Даже за самыми неразвитыми языками, не имеющими собственного языка науки, признаётся «каротинообразующая» функция. Модель мира, выстроенная на материале этих языков, будет примитивнее выстроенных другими языками, но она будет полностью отражена в языковом сознании их носителей.

При помощи естественного человеческого языка находят выражение и другие картины мира, которые создает человек в процессе познавательной деятельности. Ведь человек постигает мир посредством лексической системы своего языка. Так создаются и находят воплощение научная, философская, религиозная и другие картины мира, каждая из которых охватывает мир лишь в отдельных специфических аспектах. Сделаем вывод: при помощи языка опытное знание, полученное отдельными индивидами, превращается в коллективное достояние, коллективный опыт» (Постовалова 1988:11)

Напомню, что языковая картина мира не является научным отражением понятого мира. Язык аккумулирует в себе коллективное сознание этноса, в том числе, и донаучное. Опять приведу примеры из области понятия «время».

С точки зрения естественных наук, время существует вне сознания и, следовательно, не зависит от него. Но когда человек говорит о времени, то, как правило, опирается на ненаучное, обыденное, подсознательное представление о нем и о мире в целом. Время – это изначальная данность, как понятие оно имеет историю, складывающуюся на всем протяжении развития человеческого познания. Как пишет Надежда Дмитриевна Арутюнова, «У человека нет органа, специализированного на восприятии времени, но у человека есть чувство времени» (Арутюнова 1999:52). Чувство времени появилось у человека задолго до того, как его разум научился мыслить качественно иными абстракциями и категориями, такими, как направленность, асимметрия, причинность. И выяснилось, что для всех культур могут быть выделены некоторые универсальные черты, в истоке которых лежит, согласно мнению большинства ученых, общий для всех архетип сознания. С чем это связано? Развитие представлений о времени связано с умением фиксировать и сопоставлять естественные циклы природы: «Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит...». Древнейшей моделью времени, в которой проявляется, и его универсальная ценность и которую относят к первобытным и языческим культурам, принято считать «циклическое» время. Эта модель восходит к архаическому, космологическому, мифологическому сознанию. В основе такой модели лежит образ круговорота событий, их ритмического повторения. Эта модель характерная не только для европейской цивилизации так, древнекитайская мысль воспринимала время как огромный организм, который находится в циклическом процессе изменения. В цивилизации майя время также двигалось по кругу, о чем свидетельствуют изображения на древних обелисках. Культура Древней Месопотамии оставила в наследство не только символы двенадцати созвездий Зодиака, но и деление часа на шестьдесят минут, а минуты – на шестьдесят секунд, семидневную неделю, в основе которых также лежит идея движения времени по кругу. На языковом уровне отражение кругового движения времени эксплицировано, к примеру, в русском языке: давным-давно круглый год, во веки веков, грузинском *mtheli dge, ukunisi ukunisamde*. Как результат более позднего осмысления феномена в

культурологии рассматривается модель «линейное время». Линейное время может быть понято как разомкнутый сознанием и расправленный в линию круг. Следовательно, в нем появляются «начало» и «конец». И вот вам английское *all day long*. Появляется длина, линия, отрезки – час, минута, секунда.

Языковая картина мира, являясь посредником между человеком и реальностью, фиксирует национально-специфическое видение мира. Научное знание – объективно и вненационально. Научная картина мира – это плод профессиональной познавательной деятельности человека, в которой отражаются результаты научной деятельности всего человечества; эта картина отражает объективное знание о мире, актуальное на определенном этапе развития научной мысли. Языковая картина мира порождена обыденным сознанием. Исследователи называют такую картину мира наивной. Параллелизм этих систем в известной степени условен, эти системы взаимопроникаемы. А вот и элемент научной картины мира из фрагмента «время», который вошел в языковую – слово фаза, или этап. Следовательно, языковая картина мира вбирает в себя элементы различных систем ментальной организации знаний, то есть различных картин мира, которые выстраивает человек.

Понятие картины мира ещё не совсем очерчено в антропоцентрической лингвистической парадигме, и дело не только в том, что помимо языковой выделяют научную картину мира, наивную картину мира, концептуальную картину, когнитивную, помимо этого Н.Ф.Алефиренко обосновывает понятие модели мира (Алефиренко 2012:49). Языковая картина мира строится на изучении представлений человека о мире. Если мир – человек и среда в их взаимодействии, то картина мира – результат переработки информации о среде и человеке. Таким образом, представители когнитивной лингвистики справедливо утверждают, что наша концептуальная система, отображённая в виде языковой картины мира, зависит от физического и культурного опыта и непосредственно связана с ним.

Отдельные фрагменты картины мира, закодированные средствами языковой семантики, со временем могут оказываться в той или иной степени пережиточными, устаревшими (Маслова 2004:65). Человек осваивает мир – появляются

новые ареалы на языковой картине мира: электронные деньги, час пик, компьютер, кредитка, мониторинг...

В языковой картине мира отражается и его ценностная оценка, и по фактам языка можно проследить, как в ней отражаются универсальные общечеловеческие ценности и ценности, отмеченные национальным и культурными кодами, совокупность которых и образует определенный тип культуры. Универсальная колокация доброй ночи, *good night* в английском, но вдруг язык открывает новый ракурс в универсальном *laba naktis* в литовском что-то вроде «лучшей ночи», «хорошей ночи», или – *game mShvidobisa* (мирной ночи) в грузинском; но тут можно вспомнить русское спокойной ночи, получается соотношение мир-покой, и опять совпадение в восприятии мира: ночь должна быть мирной, покойной. Но хочу подчеркнуть, что грузинское языковое сознание все отрезки суток и пожелания основывает на значении мир, *дила мшвидобиса, сагамо мшвидобиса*, либо- победе. «Здравствуйте» в грузинском от слова победа: *гамарджоба-гамарджвеба*. Таким образом, мы видим, что ценностная шкала в культуре может реконструироваться по единицам языковой картины мира. Как? Через реконструкцию оценочных, моральных суждений, содержащихся в устойчивых выражениях языка.

Картина мира всегда характеризуется национально-культурной спецификой, поскольку формируется под влиянием исторических событий, географических условий и этнопсихологических особенностей отдельных народов. Именно на этом основании в современной науке язык определяется в качестве одного из ведущих признаков этноса. Но национально-культурная специфика устанавливается только на фоне общечеловеческого единства в мировосприятии: через анализ фактов языка открывается доступ к глобальному инвариантному образу мира, в котором высвечиваются универсальные, узловые понятия единого общечеловеческого межкультурного пространства.

В заключении хотелось бы привести определение Тер-Минасовой, которая считает, что язык отражает действительность «через два зигзага: от реального мира к мышлению и от мышления к языку» (Тер-Минасова 2000:40). И у каждого народа это

отражение характеризуется как общечеловеческими закономерностями, так и национальными особенностями: одной из важнейших составных частей языковой картины мира каждого народа является система прецедентных феноменов.

С.Г.Тер-Минасова различает окружающий человека мир в трех формах – это реальная картина мира, культурная (или понятийная) картина мира и языковая картина мира. Именно культурная картина мира различается у разных народов, что обусловлено многими факторами, такими как география, климат, социальное устройство, верования, традиции, образ жизни (Тер-Минасова 2000:41). Языковая картина мира, в свою очередь, отражает реальность через культурную картину мира. Тер-Минасова подчеркивает сложность вопроса о соотношении культурной и языковой картин мира, суть которого сводится к различиям в преломлении действительности в языке и культуре. Термин «языковая картина мира» – это не более чем метафора. Ибо в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определённой национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа (Тер-Минасова 2000:46).

Таким образом, понятие «языковой картины мира» связано с понятиями народ, этнос, нация и пониманием национального характера личности. Данное направление интенсивно разрабатывается в свете современных достижений социальных и гуманитарных наук. Этнолингвистика уделяет особое внимание выяснению вопроса, что объединяет людей в народ? Что определяет принадлежность людей к тому или иному народу, что сплачивает людей? Объединяющей и цементирующей силой является его история, которая сохраняется в социальной памяти, в культуре.

Но универсальным средством сохранения коллективной памяти, средством выражения и сохранения культуры народа является его язык. Исторический подход обуславливает необходимость понятия «народ» в двух контекстах:

- 1) народ как этническая (этногенетическая) общность;
- 2) народ как этносоциальная общность.

Этнос – социальная группа, членов которой объединяет этническое самосознание, которое формируется на основе его представлений о своём происхождении, о генетической связи с другими представителями этой группы. А формирование этнического самосознания, опять-таки происходит путем вербализации основных концептов.

По мнению С.Г.Тер-Минасовой, большое значение в рассмотрении этих вопросов имеют понятия этнической и национальной культуры. Этническая (народная) культура – наиболее древний слой национальной культуры, охватывает, в основном, сферу быта, обычаи, особенности одежды, народных промыслов, фольклора и т.д. У каждого народа есть свои этнические символы (кимоно – у японцев, клетчатая юбка – у шотландцев, «рушник» – у украинцев, самовар - у русских и т.д.), характерные блюда национальной кухни (овсяная каша - у англичан, борщ - у украинцев, «щи да каша» – у русских и т.д.). Соответственно, у каждой этнической группы есть и свойственные только ей черты характера: предприимчивость – у американцев, рационализм – у немцев, эмоциональность – у итальянцев и т.д. Национальная культура - более сложное образование. Она есть разновидность субкультуры, совокупность символов, верований, убеждений, ценностей, норм и образцов поведения, которые характеризуют духовную жизнь человеческого существа в той или иной стране, государстве (Тер-Минасова 2000:43).

Прекрасной метафорой, отражающей специфику формирования национальной культуры, является выражение - «многослойный пирог». Национальная культура грузин впитала в себя и этническую культуру этого древнего народа, и общечеловеческие культурные ценности, так или иначе, в большей или меньшей степени, в ней отражены и культурные концепты завоевателей (персы, арабы, турки-

османы, монголы и пр.), и культурные концепты, сформированные в период тесных русско-грузинских взаимоотношений.

Язык, мышление и культура взаимосвязаны настолько тесно, что практически составляют единое целое. Все вместе они соотносятся с реальным миром, противопоставляются ему, отражают и одновременно формируют его. Слово отражает не сам предмет реальности, а его видение, которое навязано носителю языка имеющимся в его сознании представлением, понятием об этом предмете. Далее, как подчеркивает С.Г.Тер-Минасова, путь от реального мира к понятию и затем к его словесному выражению различен у разных народов, что обусловлено различиями истории, географии, особенностями жизни этих народов, и, соответственно, различиями развития их общественного сознания (Тер-Минасова 2000:40).

Этническая культура – исходное начало национальной. Но национальная культура не сводится к этнической. Её богатство формируется на основе письменности и образования, воплощается в социально-политическом и технологическом развитии общества, литературе и искусстве, философии и науке. Отношения между этнической и национальной культурой весьма сложны и противоречивы. Этническая культура является источником народного языка, сюжетов, образцов для искусства и т.д. Но этническая культура консервативна, ей чужды перемены, в то время как национальная культура постоянно находится в движении. И чем более открыта национальная культура для связи, диалога с другими культурами, тем она богаче, выше развита. И если этнические культуры стремятся сохранить различия между локальными, местными особенностями культуры, национальные их нивелируют. Культурный процесс, развитие науки и техники – всё это сближает народы, стандартизирует условия их жизни, унифицирует их.

Начиная с В.Гумбольдта ученые интенсивно исследуют многогранную природу языковой картины мира, но до сих пор этот термин не характеризуется терминологической определенностью. Ю.Н.Караулов объясняет это метафорическим характером самого понятия (Караулов 2000:89).

1.3 ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИКУЛЬТУРИЗМА

В рамках современной антропоцентрической лингвистической парадигмы одной из важнейших проблем интердисциплинарного характера стала проблема "человек в языке и язык в человеке". Феномен *homoloquens*– «человек говорящий» - исследуется психологами, этнологами, лингвистами, лингвокультурологами и пр. (А.А.Леонтьев, Н.Д.Арутюнова, М.Бубер, Й.Вейсгербер, В.А.Маслова).

В концепции Ю.Н.Караулова языковая личность имеет трехуровневую структуру:

1) вербально-семантический уровень предполагает для носителя нормальное владение естественным языком;

2) когнитивный уровень представлен такими единицами, как понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную «картину мира», отражающую иерархию ценностей;

3) прагматический уровень включает цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности. Этот уровень обеспечивает в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире» (Караулов 1987:5).

Под языковой личностью Ю.Н.Караулов понимает человека, обладающего способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся:

- а) степенью структурно-языковой сложности;
- б) глубиной и точностью отражения действительности;
- в) определенной целевой направленностью».

Причем автор справедливо отмечает также, что концепция трехуровневого устройства языковой личности определенным образом коррелирует с тремя типами коммуникативных потребностей (контактоустанавливающей, информационной и воздействующей) и тремя сторонами процесса общения (коммуникативной,

интерактивной и перцептивной), подчеркивая при этом, что речь идет о коммуникативно-деятельностных потребностях личности (Караулов 1987:214-215).

Интересный подход к исследованию языковой личности мы находим в концепции Ю.Е.Прохорова, который анализирует прагматический уровень языковой личности и выделяет при этом три основных вектора:

во-первых, национально-детерминированные (при всей их межкультурной релевантности) принципы, конвенции, стратегии и правила общения;

во-вторых, эти правила реализуются на базе прагматических пресуппозиций, включающих национально-определенный набор общих фоновых знаний, в том числе и представлений о контексте;

в-третьих, важным вектором прагматического уровня можно считать национально-детерминированные ценностные характеристики прагматического контекста (Прохоров, 2004:113).

В процессе общения с помощью языка на первый план выступает субъект речевых действий, определяющий и очерчивающий некое прагматическое коммуникативное пространство, представляющее собой совокупность сфер речевого общения, в которой определенная языковая личность может реализовать в соответствии с принятыми в данном социуме языковыми, когнитивными и прагматическими правилами необходимые потребности своего бытия (Прохоров 2004:113).

Как отмечают И.Дзагания и М.Арошидзе, любая языковая личность является членом социальных структур, поэтому изменение социальной структуры общества приводит к изменениям языковой личности, что интересно проследить на примере Грузии (Дзагания, Арошидзе 2012:75).

Рубеж века двадцатого с веком двадцать первым стал периодом глобальных перемен в мировом сообществе и в национально-культурных общностях, причем очень серьезное изменение коммуникативного пространства произошло по целому ряду причин: научно-технический прогресс и всеобщая компьютеризация, разрушение иллюзий социалистического строя и вызванная этим перестройка общественно-

политической жизни огромного региона, миграция населения, как результат этнополитических конфликтов и природных катаклизмов.

На протяжении своей многовековой истории Грузия пережила интереснейшие в языковом отношении периоды: на раннем этапе развития грузинского языка сильным было влияние латинского и греческого языков, особенно после принятия христианства, когда на грузинский язык переводилось большое количество богослужебной литературы. Закономерным результатом многочисленных попыток грузинского народа отстоять свою независимость в борьбе с захватчиками стали заимствования из восточных языков. Известный исследователь грузинской культуры Иосиф Гришашвили назвал разговорную речь жителей Тбилиси «сплавом персидско-турецко-арабско-армянско-грузинских слов», но в конце-концов «многие века кропотливо и осторожно оттачивал Тбилиси слова-алмазы чужих языков, сообщал им свою свежесть и солнечность, и они поддались, вписались в грузинскую речь» (Гришашвили 1989:11).

С конца XVIII века после принятия протектората России грузинский язык стал испытывать влияние русского языка: билингвизм, насильственно насаждаемый в царской России, после образования Советского Союза сменился более тонкой и разумной политикой, провозгласившей русский язык «вторым родным языком». Большое количество русскоязычного населения, активные общественно-политические и культурные связи с Россией, высокий удельный вес русского языка как обязательного учебного предмета в сочетании с языковой средой позволяли активизировать приобретаемые навыки аудирования и говорения, что способствовало высокому уровню владения русской речью большей частью населения Грузии. Более того, русское телевидение, русская пресса, основательное изучение русской истории, культуры и литературы позволяло усваивать концепты русской культуры, реалии русской жизни, поэтому билингвизм языковой базировался на бикультуризме.

Резкая смена общественно-политического устройства Грузии после развала Советского Союза и периода перестройки, возникновение серьезных этноконфликтов в Абхазии и Осетии, отток русскоязычного населения, большое количество мигрантов и эмигрантов – все эти обстоятельства сильно изменили языковую ситуацию в Грузии.

Роль английского языка как медиатора международных отношений повсеместно выросла как следствие всеобщего процесса глобализации и интеграции, в современной Европе повседневной реальностью становится мультилингвизм, современный европеец – это человек, владеющий, как минимум, тремя языками, из которых один родной, а один из иностранных – чаще всего английский.

Но если естественный переход от билингвизма к мультилингвизму осуществляется добавлением к уже приобретенному языку нового языка (ведь каждый коллективный опыт усвоения языка – бесценен), то в Грузии произошло вытеснение русского языка английским: русский язык потерял статус обязательного предмета, если в средних школах его еще выбирают в качестве второго иностранного языка, то в высших учебных заведениях почти повсеместно студенты изучают лишь один иностранный язык – английский. Новые условия функционирования русского языка в современной Грузии это: резкое сокращение русскоязычного населения, почти полное отсутствие языковой практики (кроме учебной деятельности), «негласный» запрет на использование русского языка. Общение на русском языке, ранее охватывающее все стороны общественно-культурной жизни, сосредоточилось в основном в сфере профессиональной, круг людей, для которых доступны телевизионные передачи на русском языке и Интернет, довольно ограничен, к этому необходимо добавить, что язык интернет-сайтов демонстрирует размывание и расшатывание норм на всех уровнях языка, засилье заимствованной и нецензурной лексики.

Результатом всех вышеперечисленных процессов стала сложная языковая ситуация, когда интенсивное изучение английского языка не базируется на мультикультуризме: русские культурные реалии и советизмы уже агнонимичны для подрастающего поколения, а реалии англо-американской культуры еще далеко не привычны. Более того, необходимо учитывать и тот факт, что в школах и вузах молодежь изучает британский вариант английского, тогда как средства массовой информации и массовая культура тиражируют американизмы. Данная проблема имеет важное значение и в дидактическом аспекте – помимо вопросов *чему учить* и *как учить*

следует обдумать и проблему становления языковой личности в Грузии. В условиях современной глобализации и всеобщей интеграции студенты и молодые специалисты все чаще оказываются в инокультурной среде, когда владение иностранными языками становится необходимым условием их конкурентноспособности. Интеркультурное образование вызывает необходимость пересмотра требований к современному процессу обучения, включая такие гуманистические принципы, как: признание личностных чувств, отношений и восприятий как части культурных норм; осознание ценности этнического и культурного многообразия как основы социального обогащения.

Изменение языковой ситуации в масштабе всей страны не могло не найти отклика в научной сфере. Рубеж двадцатого и двадцать первого веков ознаменовался усиленным интересом грузинских лингвистов к проблемам социолингвистического характера. Достаточно вспомнить труды таких известных ученых как Т.Гамкрелидзе, З.Кикнадзе, И.Шадури, Н.Шенгелая, Г.Лебанидзе, Н.Ладария, М.Гвенцадзе, Д.Гоциридзе, С.Омиадзе и др.

В своем фундаментальном труде «Курс теоретического языкознания» (Тбилиси, 2008) академик Тамаз Гамкрелидзе рассматривает все направления современного языкознания, которые представлены креолизованными дисциплинами (Гамкрелидзе 2008:399). В седьмой главе, которая так и названа – Новые отрасли языкознания – Т.Гамкрелидзе анализирует специфику психолингвистики, когнитологии, лингвистики текста и социолингвистики, определяя последнюю как науку, которая «изучает взаимоотношения языка и общества», причем и «общество, и язык представлены как определенные структуры, а цель социолингвистики – исследовать взаимонаправленность языковой системы и социальных структур» (Гамкрелидзе 2008:449).

Особое внимание Т.Гамкрелидзе уделяет понятию языкового планирования, в котором заинтересованы лингвисты, работники сферы просвещения, политики и члены администрации, которые осуществляют официальную языковую политику. Он подчеркивает важность языкового планирования в многонациональном государстве и

необходимость выработки гибкой языковой политики, которую осуществляет правительство для урегулирования языковой ситуации (Гамкрелидзе 2008:457).

Автор учебника «Социоллингвистика» (Тбилиси, 2002) Нодар Ладария уделяет большое внимание проблемам языковых контактов и мультикультуризма, он исследует причины возможных языковых конфликтов и дает определение контактной лингвистики (Ладария 2002:102). Зародилась контактная лингвистика в пятидесятые годы прошлого столетия, объектом ее изучения являются языковые контакты и социальные факторы, которые могут спровоцировать языковые конфликты (Ладария 2002:101).

Социоллингвистическая проблематика отражена и в трудах грузинских авторов коммуникативной грамматики – М.А.Гвенцадзе, Г.Лебанидзе. Гурам Лебанидзе, изучая коммуникативную лингвистику в одноименной монографии (Тбилиси), также акцентирует внимание на проблемах социоллингвистического характера, в частности, его интересует явления билингвизма и мультикультуризма; автор исследует проблему взаимоотношений языка, культуры и социума (Лебанидзе 2004:35).

Саломе Омиадзе анализирует лингвокультурологическую парадигму современной Грузии и подчеркивает необходимость тесной взаимосвязи между изучаемым иностранным языком и культурой, ибо сформированные на базе национальной культуры концепты могут не совпадать усваиваемой вместе с иностранным языком концептуальной базой (Омиадзе 2010:126).

Социальная сущность современного мультилингвального образования состоит в формировании не просто языковой, а широкой социокультурной компетенции и прагматических параметров успешной межкультурной коммуникации представителей разных культур. Оно решает задачи этнических статусов, критического осознания мира с развитием коммуникативных возможностей и глубоко рефлексивного отношения к собственной культуре и языку – что делает процесс социокультурной трансляции этнических ценностей более стабильным, защищенным и управляемым, способствует осознанному сохранению национальной культуры носителями языка и социокультурного опыта конкретного общества.

Языковая личность в современной Грузии формируется на всех образовательных ступенях: сначала в дошкольных учреждениях, о чем свидетельствует большое количество детских садиков, специальных студий, обучающих малышей иностранным языкам, в первую очередь английскому; затем в средних общеобразовательных школах, в которых почти повсеместно английский выступает как первый иностранный язык в сочетании со вторым иностранным языком, роль которого выполняет немецкий, русский, французский и даже турецкий языки; и, наконец, в высших учебных заведениях, где опять-таки приоритет прочно удерживает английский язык. Современный участник межкультурного диалога в Грузии – это языковая личность, владеющая как минимум тремя языками. Чаще всего это родной язык, английский и второй иностранный, в роли которого выступают разные языки. Пока еще в массе жители владеют разговорным русским языком, хотя русский язык перестал быть обязательным предметом в средней и высшей школе, а в случае выбора иностранного языка обычно уступает английскому языку. Знание русских культурных реалий, владение определенным объемом русских страноведческих фоновых знаний и пр. сохраняет статус русского языка как второго иностранного. А в некоторых регионах Грузии, например, в Аджарии, благодаря новой социо-культурной среде, благодаря все усиливающимся политическим и экономическим связям с Турцией, роль второго иностранного языка с успехом выполняет турецкий язык, тем более, что этот язык усиленно пропагандируется, даже организованы систематические бесплатные курсы по изучению турецкого языка.

Необходимо отметить, что в Грузии делается очень многое, чтобы облегчить процесс изучения английского языка: идет широкомасштабная подготовка и переподготовка учителей английского языка для грузинских школ, выпускается специальная методическая литература, для преподавания английского языка в грузинских школах (в первую очередь в деревенских школах) привлечены волонтеры – носители английского языка. Обучение иностранным языкам приведено в соответствие с принятыми в Европе языковыми уровнями (А-В-С). Но если в школе учащиеся имеют

возможность помимо английского усваивать еще один иностранный язык, то в вузах они этой возможности почти полностью лишены.

По глубокому убеждению И.Дзагания и М.Арошидзе, билингвизм – это вчерашний день, нельзя одну разновидность билингвизма заменять другой разновидностью, современное общество движется от билингвизма к мультилингвизму, который должен базироваться на мультикультуризме, и грузинская молодежь тоже должна иметь подобные возможности (Дзагания, Арошидзе 2012:78).

На процесс формирования языковой личности в современной Грузии большое влияние оказывает межкультурное общение в глобальной сети Интернет. Такие достижения человечества, как почта, телеграф, телефон уже давно отступили назад перед преимуществами нового мира цифровых технологий: электронная почта, скайп, всевозможные форумы, онлайн-конференции, многочисленные интернет-журналы и газеты, электронные библиотеки, электронные магазины – вот далеко не полный перечень огромных возможностей мировой глобальной сети, но самое главное – благодаря функционированию специальных социальных сетей растет число коммуникантов, общающихся посредством Интернета. Охватывая практически почти все уголки нашей планеты, интернет превратился в мощное средство межкультурной коммуникации, которая обнаруживает как универсальные, так и специфические особенности ее протекания.

Межкультурная коммуникация – во многом еще не познанный феномен, особенно это касается ее электронных разновидностей. Необходимо систематически изучать условия успешности подобного общения и выявлять причины коммуникативных неудач. Принадлежность коммуникантов к одной лингвокультурной общности облегчает адресату процесс «развертывания» информации. Одинаковый образ жизни, социальные стереотипы, привычные коннотации, схожие фоновые знания позволяют легко понять коммуникативные намерения автора.

На коммуникативные удачи и неудачи влияют близость коммуникантов во времени и совпадение/несовпадение их систем знаний, прошлый опыт коммуникантов,

который задает ожидание и прогнозирует вероятность появления в тексте какой-либо информации; их образовательный уровень как часть прошлого опыта и личностное отношение к сообщаемому, организующее выборочный характер восприятия; существующие в коммуникативной среде стереотипы и предрассудки; а также тезаурус и фоновые знания участников коммуникации.

Распространение новейших технологий и компьютерных форм коммуникации приобретает особую роль в современном мультилингвальном образовании, они не только расширяют образовательные возможности, но заставляют задуматься о разумном балансе межличностного и опосредованного общения в процессе преподавания. С одной стороны, наличие инновационных методик и современных технических средств открывает большие возможности для обмена опытом и творческого подхода к преподаванию; с другой стороны, в чрезмерном увлечении компьютерами и Интернетом важно не растерять годами проверенные и доказавшие свою эффективность традиционные методы обучения.

Компьютерные формы коммуникации позволяют организовывать учебный процесс в постоянном сотрудничестве студентов разных стран, использовать включенные лекции, обмен опытом работы и учебным материалом, все это позволяет расширять кругозор студентов, преодолевать культурные и психологические барьеры (стереотипы) по отношению к представителям других культур.

Современная жизнь властно диктует свои требования: при составлении учебных образовательных программ необходимо ориентироваться на требования рынка и потенциальных работодателей, растет число выпускников грузинских вузов, для которых незнание русского языка становится фактором, мешающим получить престижную, высокооплачиваемую работу. А это значит, что времена билингвизма давно прошли - сегодня необходимо изучать английский язык не *вместо* русского, а *вместе* с русским языком. Рассматриваемая проблема формирования и социализации мультикультурной языковой личности в современной Грузии имеет огромное значение для будущего нашей талантливой молодежи, поэтому столь важно провести комплексное интердисциплинарное исследование всех этапов формирования языковой

личности, ее когнитивной базы, национальной картины мира, особенностей ее трансформации в процессе изучения иностранных языков и усвоения инокультурных концептов, особое внимание следует уделить выработке дидактических стратегий и продуманной языковой политики.

Резюмируя все вышесказанное хотелось бы отметить, что наша страна стремится влиться в общеевропейское пространство, для которого уже давно стали нормой интеграция и всеобщая глобализация. Эти процессы стимулировали многочисленные интердисциплинарные исследования языкового сознания и языковых картин мира отдельных народов, так как поликультуризм, ставший в современной Европе уже нормой, влияет на формирование когнитивной базы молодых европейцев. Важной составной частью когнитивной базы каждого народа являются прецедентные единицы, функционирование и трансформация которых заслуживают самого пристального внимания лингвистов.

ГЛАВА II

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ЕДИНИЦЫ

2.1 Понятие прецедентности в современной лингвистике

Термин «прецедентный текст» был введен в научный обиход Ю.Н. Карауловым. Прецедентные тексты определены им как тексты, «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» (Караулов 2007:216).

Прецедентные тексты Ю.Н. Караулов характеризовал через понятие «хрестоматийность», которое распространяется не только на художественные тексты известных классиков литературы, включенных в общеобразовательный курс литературы. Для представителей русской культуры такими хрестоматийными текстами, вне сомнения, являются произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя и др. В круг прецедентных текстов также входят тексты, существовавшие до художественной литературы «в виде мифов, преданий, устно-поэтических произведений», а также «библейские тексты и виды устной народной словесности (притча, анекдот, сказка и т.п.), публицистические произведения историко-философского и политического звучания». В число хрестоматийных текстов, таким образом, не обязательно входят тексты, включенные в программу общеобразовательной школы, а тексты, о которых «говорящие так или иначе знают» (Караулов 2007:216). Следствием хрестоматийности и общеизвестности прецедентных текстов является их «реинтерпретируемость», в результате которой прецедентные тексты «перешагивают рамки словесного творчества, где исконно возникли, воплощаются в других видах искусств (драматическом спектакле, поэзии, опере, балете, живописи, скульптуре)» (Караулов 2007:217). Таким образом, к определяющим характеристикам прецедентных

текстов Ю.Н.Караулов относит: хрестоматийность и общеизвестность; эмоциональную и познавательную ценность; реинтерпретируемость, проявляющуюся в их многократной интерпретации (воспроизводимости) в различного рода текстах и дискурсах, это в итоге ведет к тому, что такие тексты становятся «фактом культуры» (Караулов, 2007:217).

Выдвигая критерии отнесенности текста к категории «прецедентный», Ю.Н.Караулов говорит о том, что к этому разряду нельзя отнести: 1) заявление об отпуске («этот жанр не обладает эмоциональной и познавательной значимостью, хотя является повторяющимся»); 2) текст газетного фельетона (этот текст характеризуется кратковременностью своей жизни, недостаточной одновременной информативностью для членов общества); 3) тексты специальных работ («Для ученого не должны считаться прецедентными тексты специальных работ – по тем же причинам») (Караулов 2007:216).

Термин «прецедентный текст» оказался востребованным в среде ученых, в результате чего данный термин в ходе своего эволюционного развития, о котором пойдет речь в работе, приобрел множество «терминов-собратьев», включающих в свой состав определение «прецедентный». Наряду с узким толкованием это понятие получило широкую трактовку; явилось объектом дифференцированного подхода к его изучению; расширило свое изначальное терминологическое значение за счет уточнения, понятийных составляющих термина.

Термин «прецедентный текст» оказался весьма плодотворным в плане создания множества производных терминов, среди которых «прецедентное имя» (Вацковская 2008; Гудков 1999; Красных 1998; Прохоров 2004; Сергеева 2003), «прецедентные онимы» (Фомин 2003), «прецедентный топоним» (Березович 2002); «прецедентное высказывание» (Гудков 1999; Красных 1998; Прохоров 2004), «прецедентная ситуация» (Гудков 1999; Красных 1998; Прохоров 2004), «прецедентные феномены» (Гудков 1999; Красных 1998; Прохоров 2004; Смирнова 2008), «прецедентный жанр» (Проскурина 2004), «прецедентный мир» (Балашова 2008; Красных 1998; Слышкин 2000), «прецедентный образ» (Чумак-Жунь 2005) и некоторые другие.

Термин «прецедентный феномен» получил родовое значение по отношению к терминам «прецедентный текст», «прецедентное высказывание», «прецедентная ситуация» и «прецедентное имя» (Д.Б. Гудков, В.В. Красных; Ю.Е. Прохоров). Далее приведем дефиниции данных терминов по Ю.Е. Прохорову, при этом заметим, что его трактовки перекликаются с определениями Д.Б. Гудкова и В.В. Красных. Под прецедентным текстом понимается «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, (поли)предикативная единица; сложный знак», знакомый «любому среднему члену лингвокультурного сообщества»; «обращение к нему многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом высказывания и символы» (Прохоров 2004:150–152). Прецедентное высказывание – это «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, которая может быть и не быть предикативной» (Прохоров 2004:150–152). Типичным прецедентным высказыванием является цитата. Прецедентная ситуация – это «некая “эталонная”, “идеальная” ситуация с определенными коннотациями». Примером прецедентной ситуации может служить ситуация предательства Иудой Христа, которая понимается как эталон предательства вообще. Прецедентное имя – это «индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом, относящемся, как правило, к числу прецедентных (например, Обломов, Тарас Бульба), или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (например, Иван Сусанин, Колумб)» (Прохоров 2004:150–152).

Термин «прецедентный феномен» достаточно емкий. Как к родовому термину к нему следует причислить такие термины, как «прецедентные онимы», «прецедентный топоним», которые к тому же входят в качестве гипонимов в прецедентное имя, а также термин «прецедентный жанр» и «прецедентный образ» (последний является гипонимом термина «прецедентный текст»).

Известен термин «прецедентный мир» (Л.В. Балашова, В.В. Красных, Г.Г. Слышкин). Под прецедентным миром понимаются «комплексные лингвоконцептологические образования, интегрирующие отдельные прецедентные

феномены» (Балашова 2008:4). Так, можно говорить о прецедентном мире «Детство» (Там же), прецедентном мире отдельного художественного произведения, идиостиля, литературного направления, прецедентном мире политического дискурса и т.п.

По определению Е.А. Баженовой, автора статьи об интертекстуальности, помещенной в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка», прецедентный текст – это потенциально автономный смысловой блок речевого произведения, актуализирующий значимую для автора фоновую информацию и апеллирующий к «культурной памяти» читателя; прецедентный текст – это результат «смысловой компрессии исходного текста» и форма «его метонимической замены»; прецедентный текст «характеризуется признаками автосемантической, дейктичности и реинтерпретируемости, то есть многократной повторяемости в интертекстуальном ряду»; прецедентный текст может быть извлечен из текста-источника «без потери познавательной-эстетической ценности и использован как самостоятельное утверждение в виде отдельного мини-текста или в других текстах» (Баженова 2006:107). Исследовательница не случайно дает определение прецедентного текста в статье, посвященной интертекстуальности, поскольку и сам термин «прецедентный текст», а также «прецедентность» и многочисленные производные, включающие определение прецедентный, достаточно прочно вошли в терминологический аппарат теории интертекстуальности. Здесь можно привести определение Г.Г. Слышкина и М.А. Ефремовой, которые под прецедентностью понимают «наличие в тексте элементов предшествующих текстов» (Слышкин, Ефремова 2004:7). В принципе, данное определение сближается с понятием интертекстуальности. Для сравнения приведем определение интертекстуальности В.А. Лукина: интертекстуальность – это «наличие в тексте элементов (частей) других текстов» (Лукин 2005:78).

Если исходить из разных толкований понятия «текст», то определение прецедентного текста Е.А. Баженовой следует отнести к узкой трактовке, ограниченной исключительно вербальными текстами. Однако наряду с узкой трактовкой термина «текст» в настоящее время принято и его широкое толкование. В семиотике говорят о текстах «типа живописного полотна, рисунка, скульптурной

композиции, архитектурного здания, фильма (в особенности с использованием минимума короткого монтажа и непрерывной точки зрения камеры), музыкального сочинения», поскольку все они «функционируют как непрерывные единства» (Иванов 2004:123).

Как следует отметить, широкая трактовка термина «текст», которая включает и толкование текста как вербального образования, утвердилась в рамках семиотической теории культуры. Основным постулатом семиотической теории культуры является положение о культуре как системе знаков. Согласно этому положению, каждая культура представляет собой определенную систему конвенциональных знаков. Естественный язык, язык математики, нотная запись и т.д. – примеры знаковых систем, при помощи которых осуществляется кодирование феноменов культуры, хранение знаний человека о мире. Феномены культуры становятся, таким образом, знаковыми сущностями, в которых внешне воспринимаемая форма наделена значением.

Однако доступ к значению является уделом посвященных, то есть тех, кто владеет знаниями о кодировании и декодировании семиотических систем. В связи со сказанным можно утверждать, что культурные знаки – это знаки, наделенные неким тайным значением (Сакун 2001:249). Из положения о культуре как знаковом образовании вытекает тезис о культуре как тексте или мире как тексте. Все явления культуры, исходя из данного тезиса, есть тексты.

Идеологом концепции сплошной текстуализации, или теории «текста без берегов», является Ж. Деррида, которому принадлежит следующее высказывание: «Для меня текст безграничен. Это абсолютная тотальность... Это означает, что текст – это не просто речевой акт. Допустим, этот стол для меня текст. То, как я воспринимаю этот стол, – долингвистическое восприятие – уже само по себе для меня текст» (Хализев 2000:246). Поскольку все, что существует в мире, есть текст, субъект неизбежно находится внутри текста. В результате его сознание есть тоже некая сумма текстов. Под текстом, таким образом, понимается решительно все, что порождает и воспринимает человек. Весь мир, в конечном итоге, есть безграничный и бесконечный текст.

В рамках семиотического подхода, исходящего из широкого понимания текста, термин «прецедентный текст» также получил широкую трактовку. В.В. Красных, в частности, утверждает, что в систему прецедентных текстов входят не только вербальные, но и невербальные прецеденты (произведения живописи, скульптуры, архитектуры, музыки и т.д.) (Красных 1998). Приведем также определение прецедентного текста Г.Г. Слышкина и М.А. Ефремовой: «Под прецедентными текстами мы будем понимать любую характеризующуюся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающую ценностной значимостью для определенной культурной группы. Прецедентным может быть текст любой протяженности: от пословицы или афоризма до эпоса. Прецедентный текст может включать в себя помимо вербального компонента изображение или видеоряд (плакат, комикс, фильм) (Слышкин, Ефремова 2004: 45). Последние известны также под термином «креолизованные прецедентные тексты» (Проскурина 2004: 5).

Что касается дифференцированного подхода к прецедентному тексту, а шире – к понятию «прецедентный феномен», то здесь, прежде всего, следует выделить работы, направленные на их систематизацию. По мнению Ю.Е. Прохорова, прецедентные феномены, целесообразно соотнести с уровнями языковой личности (Прохоров 2004:14). Эта точка зрения прежде высказывалась Д.Б. Гудковым и В.В. Красных. Далее остановимся на систематизации прецедентных феноменов, а, следовательно, и прецедентных текстов в изложении Ю.Е. Прохорова, который, как следует отметить, сам говорит о том, что в теоретических построениях он опирался на работы Д.Б. Гудкова и В.В. Красных.

Проблема исследования прецедентных текстов остаётся актуальной в наши дни и обусловлена возрастающей нелинейностью, глубиной и многомерностью речевой информации в современном мире. Оставшиеся в текстах следы разных этапов освоения человеческим сознанием окружающей действительности не помещаются в привычнойлинейной схеме бытования языка (Костомаров, Бурвикова 1996). В сложившейся ситуации использование в речи прецедентных текстов и, что особенно важно, их трансформация на различных уровнях языка помогают наиболее точной

передаче смысловых оттенков при вербализации представлений личности и социума об окружающем мире.

Под прецедентными мы понимаем «тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной личности» (Караулов 1987).

Как правило, в дискурсе, особенно в его художественной разновидности, прецедентные тексты, вводимые автором, подвергаются разного рода семантическим и формальным трансформациям, что, в частности, позволяет им выполнять разнообразнейшие художественные задачи.

В. Пелевин, автор «Generation «П» «трансформируя прецедентные тексты, пародирует на страницах своего романа различные явления российской действительности. Нижеследующий рекламный слоган представляет собой пример контаминации прецедентных текстов в романе. Под термином *контаминация* понимается соединение в одном контексте прецедентных текстов, принадлежащих к различным культурным пластам (Радбиль 1999). Сочетание имени философа и названия популярной эзотерической телепередачи, наконец, сама модель слогана, напоминающая частушку, передают ироничное отношение писателя к создаваемой в 90-ые годы рекламе: «Ни иконы, ни Бердяев, // Ни программа «Третий глаз» // Не спасут от негодяев, // Захвативших нефть и газ!» (Пелевин 2001).

Посредством трансформации текста песни популярной рок-группы 90-х годов В.Пелевин передает разочарование людей постсоветского общества в идеалах социалистического прошлого, ощущение безысходности, ненужности своему государству: «Что такое вечность - это банька, // Вечность - это банька с пауками. // Если эту баньку // Позабудет Манька, // Что же будет с Родиной и с нами?» (Пелевин 2001). Автор заимствует прецедентный текст на грамматическом (синтаксическом) уровне, т.е. прецедентной становится структура, синтаксическая модель пратекста (Костомаров, Бурвикова 1996), ср.: «Что такое осень - это небо...»

В романе встречаются случаи перестройки исходной словесной формулы на уровне прагматики, при этом часто используется прием паронимической аттракции. Так, автор трансформирует поговорку «*как грибы после дождя*» в выражение «*как гробы после вождя*». Тем самым передается ироничное отношение писателя к культурным идеалам советской эпохи: «*Эти агентства множились неудержимо - как грибы после дождя* или, как Татарский написал в одной концепции, *гробы после вождя*» (Пелевин 2001).

Современная ориентация российского общества на американскую социокультурную модель передаётся, прежде всего, с помощью прецедентных текстов английской языковой природы: *В фольклоре этот принцип отражён в поговорке «To keep up with the Joneses». (Не отставать от Джонсов)* (Пелевин 2001).

Кроме того, автор привлекает популярные в молодежной речи американизмы. «*Ното homini lupus est*» - гласит один крылатый латинизм. *Но человек человеку давно уже не волк. <...> Всё гораздо страшнее и проще. Человек человеку вау...*» (Пелевин 2001).. Трансформируя прецедентный текст на уровне прагматики (в нашем случае в качестве прецедентного текста выступает крылатый латинизм), писатель привлекает ставшее популярным в последнее время американское междометие «wow». Можно предположить, что В. Пелевин таким образом обращает внимание читателя на засилье американизмов в современном русском языке.

Очевидно, преобразования разного типа при вводе в художественный дискурс прецедентных текстов служат в романе созданию культурного колорита России 90-х годов, а также выражению основной авторской идеи о несостоятельности культурных идеалов современности.

В лингвистике XX века, по замечанию Г.А. Золотовой, наблюдалась тенденция к укрупнению единиц для их изучения: от фонемы к слову, словосочетанию, предложению, синтагме или синтаксеме, высказыванию, абзацу, прозаической строфе, сверхфразовому единству, тексту. В новом тысячелетии этот ряд расширяют «глобальные группировки текстов». Они базируются на принципах увязки внеязыковых факторов с языковой действительностью и соотносятся с разновидностями

употребления языка, оказываются приоритетными категориями речеведения, синонимизируемого с текстообразованием (Костомаров 2005).

В исследовании языка нельзя не заметить движение, устремлённое к наиболее абстрактным, глобальным смыслам в системной организации лексики (ср. концепция местоимений как «смысловых исходов» Н.Ю. Шведовой, «категоризации семантики» в системе функциональной грамматики А.В. Бондарко). Тенденцию к глобализации¹ через «категоризацию мира» поддерживает Ю.Н. Караулов, выделив в отдельную парадигму сеть *прецедентных текстов* (Караулов 2003). Новая теория категоризации, по мнению лингвистов, является одним из основных достижений когнитивной лингвистики на сегодняшний день (Васильев 1998). Решая проблемы «категоризации мира», когнитивная лингвистика, таким образом, набирает силу.

В нашем случае речь идёт также о «категоризации семантики», точнее, о дальнейшей разработке новой языковой категории, *категории прецедентных единиц*, категории более высокого уровня абстракции в сфере мыслительного (смыслового) содержания, находящего выражение в языках разных типов. Л. Талми разработал понятие *когнитивной репрезентации объекта*, разные компоненты которой характеризуются лексической и грамматической подсистемами языка. При этом предложение или какая-либо другая часть дискурса активизирует в сознании слушающего определённую часть его опыта, которая и является когнитивной репрезентацией (Talmy 1985).

Прецедентные единицы (в дальнейшем – *ПЕ*) можно считать одной из доминирующих моделей речетворчества, для которой важнейшим условием её продуктивности и функционирования является *когнитивная репрезентация*, по Талми, или в расширительном значении *когнитивная база* лингво-культурного сообщества, как её понимает Д.Б. Гудков. А именно, под когнитивной базой понимается определённым образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного лингво-культурного сообщества. Когнитивную базу формируют не столько представления как таковые, сколько инварианты существующих и возможных представлений о тех или иных феноменах,

которые хранятся в эволюционизированном, редуцированном виде (Гудков: <http://www.infolex.ru/SM11htm>).

Когнитивной базой для ПЕ служат прецеденты в широком смысле. Поэтому ПЕ функционируют как *образцовые языковые факты, служащие моделью для воспроизводства сходных фактов и представленные в речи определенными вербальными сигналами, которые актуализируют стандартное или нестандартное (по своей креативности) содержание*. В этом широком понимании прецедентов в них включаются языковые клише и штампы разного уровня, стереотипы, фрейм-структуры, репрезентанты гипо-гиперонимической связи, устойчивые сравнения и т.п. единицы. Прецедент в данном значении представляет собой определённый «стереотипный образно-ассоциативный комплекс», значимый для определённого социума и регулярно актуализирующийся в речи представителей этого социума (Телия 1988).

Таким образом, под ***прецедентными единицами*** (лат. *praecedens, praecedentis* – идущий впереди, предшествующий) понимаются *когнитивные трансформы*. Прецедентные единицы есть результат семантической деривации во взаимодействии с прагматическими факторами, они являются *лингвокогнитивными знаками прецедентов в широком смысле*. Это есть единицы, производные от языковых знаков, имевших ранее место в языке и служащие примером, основанием (смысловым и структурным элементом) для последующих случаев их языкового употребления в новой констелляции.

Внутри прецедентов в широком понимании учёными выделяется группа прецедентов, которые фигурируют как ***прецедентные феномены (ПФ)***. Д.Б. Гудков подчеркивает, что содержание этого термина не исчерпывается его внутренней формой, не равно сумме значений составляющих его слов, т.е. далеко не каждый феномен, обладающий прецедентностью, может быть назван прецедентным феноменом. Основным отличием прецедентных феноменов от *прецедентов иных типов* является то, что первые оказываются связанными с коллективными инвариантными представлениями конкретных «культурных предметов», национально детерминированными минимизированными представлениями последних (Гудков, там

же). Таким образом, прецедентные феномены представляют собой особую группу вербальных или вербализуемых феноменов, относящихся к национальному уровню прецедентности.

Прецедентные единицы в нашем понимании могут относиться и к *прецедентам другого типа*. Они, так же как и некоторые прецедентные феномены (прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентное имя), образуют группу вербальных ментальных репрезентаций. Но в отличие от ПФ ПЕ носят универсальный языковой характер, потому что наблюдаются во многих языках и относятся как к *системно-языковому*, так и *индивидуумному уровню прецедентности*. Именно на этом основании разного рода квази-цитации и скомпилированные пословицы, поговорки и хорошо известные изречения можно причислить к ПЕ, которые являются не ПФ, а их производными, но в работах многих авторов фигурируют, тем не менее, как ПФ. Ср.: *Модники и модницы, объединяйтесь!* (рекламный щит). Последнее позволяет судить о степени феноменологичности ПЕ.

Формируя номинативную систему, прецедентные единицы представляют собой совокупность разнородных формальных, грамматических, лексических и прагматических средств языка, которые объединяются в сложное целое, созданное по единой понятийно-знаковой, когнитивно-значимой модели – *прецедентеме*. Прецедентеме реализуют разноуровневые лингвоментально ценные единицы, слова-понятия, которые имеют *прецедентное значение*, а именно *фактитивность знания* о событии, предмете, образе, его качестве или свойстве. Прецедентное значение мы рассматриваем как *пресуппозицию существования языковой единицы*. Суть данных номинативных единиц обуславливается прецедентным содержанием, их когнитивная функция заключается в хранении общеизвестных или нестандартных/необычных когнийций.

Исходя из сформулированного выше определения ПЕ, при их рассмотрении должны найти место такие понятия как прецедентема, прецедентный феномен: прецедентная лексема, прецедентное имя, прецедентное слово, прецедентный текст,

прецедентное высказывание, прецедентная ситуация и связанные с ними многие языковые явления: словообразование, вторичная номинация, повторная номинация, семантическая деривация, отсылка, метафора и т.д.

Из сказанного следует, что за ПЕ всегда стоит когнитивная структура, имеющая феноменологический и/или лингвистический статус. Когнитивная структура как результат когнитивной репрезентации является формой кодирования и хранения информации и представляет, по определению Л.В. Лаенко, «неделимую и нечленимую когнитивную единицу, хранящую «свернутое» знание и/или представление» (Лаенко 2004). Автор делит все когнитивные структуры на *феноменологические* и *лингвистические*. Первые формируют совокупность знаний и представлений о феноменах экстралингвистической и собственно лингвистической природы: исторических фактах, реалиях личностей, законах природы, произведениях искусства, в том числе литературных. Лингвистические когнитивные структуры лежат в основе языковой и речевой компетенции. Они формируют совокупность знаний и представлений о законах языка, его синтаксическом строении, лексическом запасе и т. д. (Лаенко 2004).

При функционировании ПЕ в дискурсе могут актуализоваться одновременно оба вида когнитивных структур, что не исключает также реализации только одного вида, а именно, лингвистической когнитивной структуры. Последнее связано с разными типами ассоциаций, т.е. с разными установками на использование когнитивной базы Говорящего. Это обстоятельство является определяющим при классификации ПЕ.

Важнейшую роль в появлении и функционировании ПЕ играет *мотивационный уровень*. Он многогранен и таит в себе многочисленные коды взаимосвязей ПЕ с их прототипами и аналогами. Несомненно, он сложен для исследователя, потому что отражает интересы, устремления, цели и номинативные стратегии носителя языка не только в синхронии, но и в диахронии, синтезирует все языковые уровни.

Являясь в большинстве своем производными знаками, ПЕ функционируют в виде «уже готовых» языковых формул, или в качестве новых, ранее неизвестных по форме, функции и смыслу словных обозначений, создающих «прецедент» для их последующего употребления. К их категориальным характеристикам относятся *ментальность*, *производность*, *реляционность*, *отсылочность*, *репрезентационность*, *стереотипность* (повторяемость, узнаваемость), с одной стороны, и *гетерономинативность* (номинативно-знаковая вариативность), *лингвокреативность* (неординарность, словотворческое новаторство), с другой.

Как известно, языковой знак любого уровня не лишен соотношения двух референциальных составляющих: предметно-логической и эмоционально-экспрессивной, даже если одна из них представлена нулевым значением. Первая компонента соотносит его непосредственно с денотатом и не допускает его замены синонимами (если иметь в виду, что в языке нет абсолютных синонимов) или же другими коррелирующими средствами обозначения. Вторая компонента означаемого предполагает наличие парадигматических связей: его заменяемость синонимами, антонимами и иными эмоционально окрашенными, «сниженными» или «возвышенными» выразительными средствами. И, как справедливо отмечает В.Г. Костомаров, «во избежание штампования в условиях интенсивной повторяемости они постоянно обречены на немедленную сменяемость» (Костомаров 2005). Этот фактор принципиально важен для формирования генетического кода ПЕ.

В этой связи нельзя не согласиться с Л.И. Гришаевой в том, что «каждый текст – независимо от его принадлежности к определенному типу и от его функционально-стилистической вариативности – представляет собой упорядоченный комплекс вербальных и невербальных (аудиальных, визуальных, кинестетических) сведений, которые неразрывно связаны между собой. Поэтому каждый текст можно мыслить как некий фрагмент из соответствующих национально-специфической концептуальной и языковой картин мира» (Гришаева 1998). Этот «некий фрагмент» может повторяться.

Прецедентный текст, «можно считать коммуникативным прецедентом, образцом, который помогает в сходных условиях в будущем решать стоящие перед коммуникантами задачи: номинативные, коммуникативные и прочие (Гришаева 1998). «Коммуникативный прецедент» служит для ПЕ «гносеологическим прототипом» в терминологии Л.И. Гришаевой, и он принципиально важен для формирования коммуникативного кода ПЕ. Именно он является коммуникативной составляющей ПЕ, проецирует *отсылочную* часть при возникновении коммуникативных (дискурсивных) синонимов, отражает их прагматическую релевантность. Однако коммуникативная составляющая должна иметь свою языковую форму воплощения в номинативном содержании прецедентной единицы, и она её находит.

Проследим схематично функционирование когнитивных структур (ментефактов) на когнитивной базе прецедентных текстов, существование которых сводится, по Караулову, к трем способам. Первый, натуральный способ, доносит до читателя первичный текст «как прямой объект восприятия, понимания, переживания, рефлексии» путем его простого и полного воспроизведения (повтора). Второй способ, трансформационный, представляет собой «вторичные размышления по поводу исходного текста» и находит своё применение в критических статьях, рецензиях и исследованиях. Наконец, третий способ, семиотический, репрезентирует оригинальный текст через намёк, отсылку, выделение признака. Тем самым в процесс коммуникации включается либо весь текст, либо соотносимые с ситуацией общения отдельные его фрагменты (Караулов 2003). Третий способ представляет для нас наибольший интерес, так как он реализует номинативную (лингвосемиотическую) природу ПЕ.

Для этого отвлечёмся от понятия «прецедентный текст» в традиционном понимании и заметим, что тексты имеют свойство быть воспроизводимыми. Но любой текст, если он не заучивается и не воспроизводится специально в полном объёме, редко повторяется в процессе коммуникации целиком, чаще всего он вводится в компрессированном, усеченном виде. Средством включения обычного текста в дискурс является прецедентная единица, она актуализует его в интеллектуально-

эмоциональном поле Говорящего, т.е. текст как лингвоментальная единица выступает базовым референтом ПЕ. Из этого вытекает номинативная природа соотношения текста, прецедентного в том числе, и ПЕ.

В номинативной структуре всякого производного слова представлены две части. Одна из них, *собственно-лексическая*, выступает мотивирующим компонентом в новом обозначении, так как отсылает к известному (лексическому) источнику деривации. Эта часть является *отсылочной*. Этот фактор является важным для формирования номинативного кода ПЕ.

В целом ПЕ семантически воспроизводят то, на что указывают, и, как правило, с приращением смысла. Здесь необходимо заметить о нюансировании отсылочного компонента в семантической структуре ПЕ. Для одних из них лексический компонент существенным образом зависит от их семантического прообраза, как в нижеследующих примерах:

Из приведенных примеров видно, что ПЕ базируются на предикате высказывания и составляют семантический эквивалент пропозитивной части. На этом основании эти ПЕ являются предикатными знаками.

Но ПЕ не всегда могут сохранить собственно-лексический элемент источника деривации (пропозиции) из-за его смысловой емкости или разнородности. Тогда эту лексическую лакуну заполняет сема ментальности, которая является общим лексическим знаменателем ПЕ как результат обобщающей, абстрагирующей речемыслительной деятельности Говорящего. *Ментальность* выступает, таким образом, отсылочной частью производных текстовых единиц. Поэтому для определённого разряда ПЕ анализ семантических свойств текста необязателен, так как их лексический компонент остается неизменяемым в пределах семантической группы ментальных глаголов. Таким способом ПЕ маркируют структурно-семантическую деривацию фрагмента или целого текста.

Повышение удельного веса лексического компонента ПЕ снижает, как правило, коэффициент её отождествления с производящей номинацией (будь то простой или

сложный номинативный знак), который может сводиться к подобию за счет внесения в ПЕ семантических осложнений субъективного плана.

Ментальность – семантическое свойство отсылочных языковых знаков, которое характеризует их как продукт сложного комплекса явлений, основанного на умственной и психической деятельности субъекта речи. Ментальность корреспондирует с *отсылочностью* ПЕ. Эти два категориальных свойства обуславливают *интерпретационность* ПЕ, ибо, по замечанию Ю.Д. Апресяна, чаще всего интерпретируются физические, речевые или ментальные действия, либо мнения человека, т.е. его контролируемые ментальные состояния (Апресян 2004).

Абстрагирование от конкретного семантического значения базового референта при помощи отсылочных единиц даёт возможность вторичного означивания семантики пропозиции. Реальность, к которой отсылают эти знаки, – речь и аналитическая работа мысли Говорящего.

ПЕ означает информативно-мыслительные сгустки, представляют речемыслительный акт в миниатюре. Как номинативные знаки они отражают результат интеллектуальной деятельности человека, дают имена «информационным объектам», определяют поведенческие акты реципиента. ПЕ переносят уже имеющие место суждения, мнения, утверждения, сообщения или факты в смысл речевого произведения, констатируют результат достигнутого знания в сознании коммуникантов. Они устраняют акцидентные характеристики замещаемого речевого процесса, сохраняют лишь его сущность, бытие, являются *вторичным речевым сигналом*. Эти дискурсивные единицы не только формируют «языковую личность автора» (термин Ю.Н. Караулова) в тексте, но и определяют параметры коммуникативного пространства.

В свете сказанного изучение ПЕ мыслится в рамках когнитивной науки: когнитивной лингвистики и когнитивной психологии. Именно «принципы увязки внеязыковых факторов с языковой действительностью» являются главным объектом когнитивной лингвистики, цель которой заключается в том, чтобы понять, как языковое знание, закрепленное в семантической системе языка (в лексических и

грамматических значениях), связано с внеязыковым знанием, как естественный язык взаимодействует с ментальным языком (языком мысли). В свою очередь, как отмечает Е.С. Кубрякова, «...когнитивная психология, по словам её создателя У. Найссера, должна заниматься всеми процессами, в ходе которых сенсорные данные на входе трансформируются, редуцируются, обогащаются, откладываются для их хранения и используются». И далее: «Именно при описании языковой способности, как одной из когнитивных способностей человека были впервые описаны знания языка, хранящиеся в голове человека и выступающие в виде *ментальных репрезентаций*. «Сам вопрос о представлении знаний в голове человека, об их репрезентации, а также положение о том, что совокупность подобных представлений формирует разум и интеллект человека – центральные вопросы для когнитивной науки» (Кубрякова 2004: 4).

Дискурс как когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, представляет собой благодатную почву для выявления всякого рода ментефактов, которые есть не что иное, как субституты событий, явлений, фактов, информационных состояний, подменяющие собой реальность / действительность (Сулимов 2006). Ментефакты – это когнитивные трансформации, которые приобретают постоянный, а потому закономерный характер, и меняют традиционную роль и характер рассмотрения некоторых лингвистических явлений. Ментефакты позволяют превратить многие языковые приёмы в продуктивные модели речевой деятельности (ср. номинация как приём номинативной техники и номинация как языковая единица, результат процесса номинации; метафора как стилистический приём и метафора как текстема, текстовая единица).

Являясь объектом когнитологии, теория *прецедентных единиц* (ТПЕ) находится в излучине многих языковых теорий: словообразования, номинации, теории текста, интертекстуальности, коммуникации, речевых актов, референции, концепции логоэпистем; вторичных концептов, номинализации, субституциональной, интеракциональной, (ре)презентационной, антропоцентрической и является, таким образом, синтезирующей частью теории языка. ТПЕ базируется на *теории системности*, которая, по замечанию А.В. Бондарко, коренится в языковедческой традиции и играет

важную роль в лингвистических теориях XX века, сохраняет в полной мере свою актуальность и включает в себе возможности дальнейшего развития (Бондарко 2006: 22).

Науку об именах, о природе наименования, о средствах обозначения и их типах называют *ономасиологией*. Основной целью ономасиологии можно считать создание теории номинации, её главной задачей – «изучение средств и способов называния отдельных элементов действительности» (Матезиус 1967:228). Подобные средства, складывающиеся в каждой языковой системе, разнообразны и неоднородны. По существу, каждый уровень строения языка, каждая его подсистема вносят свой вклад в образование новых наименований.

С постоянным созданием необходимых языковому сообществу новых наименований связано, как известно, такое звено в языковой системе как словообразование в широком смысле. Оно включает в себя понятия первичной, производной, вторичной и повторной номинации, ментефактов, языковых и речевых артефактов (глобализмов, окказионализмов и т. д.) и соответствует тем самым определённой системе языковых средств, единиц, связей, отношений, моделей и парадигм.

Определяя общие точки соприкосновения разных аспектов теории номинации, можно выделить такую область исследования, которая была бы посвящена *специальному ономасиологическому аспекту, анализу именованию тех языковых единиц, которые имеют единую гносеологическую (логико-понятийную) основу их существования в языке*. В настоящей работе мы попытались определить предмет этой специфической области и очертить контуры, которые раздвигают границы учения о номинации сферой *прецедентных единиц (прецедентных номинаций)*. Этот аспект мы будем именовать *прецедентной ономасиологией*. Задача прецедентной ономасиологии видится, прежде всего, в выявлении закономерностей существования и использования новой ономасиологической категории – *прецедентные единицы*, а также определении возможностей их *моделирования и классификации*, так как обращение к этим языковым и речевым знакам постоянно.

Формируя номинативную систему, прецедентные единицы представляют собой совокупность разнородных формальных, грамматических, лексических и прагматических средств языка, которые объединяются в сложное целое, созданное по единой лингвокогнитивной (понятийной) модели «*прецедент*». При этом концепт «прецедент» структурируется не только способом обращения к «прошлому» опыту/знанию, но и зачастую как способ актуального обретения слушателем нового, неизвестного, но оригинального, нестандартного представления какой-либо сущности, явления, события, факта или вещи. Ср.:

По словам Орловой, это достаточно необычная **прецедентная новость**.

Или: Предлагаем Вашему вниманию хронологию событий, имевших **прецедентное значение** для развития Вашего бизнеса.

Из сказанного вытекает основная исследовательская гипотеза – соотношение прецедентных единиц и средств их включения в дискурс языковой личности имеет номинативную природу. Эти средства коррелируют с любым номинативным знаком, включая текст, который объективирует прецедентные номинации по разным критериям. Здесь *текст* понимается как лингвистическая единица, имеющая прецедентное значение, как номинативный знак, именующий семантическую ситуацию, но не как текстовый жанр (пословица, поговорка, афоризм и т.д.), широко трактуемый в лингвистической литературе. Обусловить появление ПЕ в языке и речи могут содержательные или формальные признаки, эстетические мотивы или определённые эмоциональные состояния, сходные или артефактные ситуации, т.е. *прецедентные феномены* в широком понимании.

Исходя из сформулированного выше определения ПЕ, при их рассмотрении должны найти место такие понятия как «прецедентема», «логоэпистема», «презентема», «прецедентный феномен», «прецедентное значение». С этими понятиями связаны многие языковые процессы: словообразование, вторичная номинация, повторная номинация, семантическая деривация, текстообразование, реноминализация, кросс-референция, а также их результаты: производная единица, интертекстуальность, отсылка, презентема, вторичный концепт, пресуппозиция, внутренняя форма слова,

метафора. Данные языковые явления и факты указывают на номинативную, грамматическую, прагматическую и коммуникативную реляционность этих единиц. Перечисленные понятия, вовлеченные в орбиту семантической категоризации, а именно «искусственной классификации», базирующейся на значимом когнитивном признаке «прецедентность», отражают в свою очередь разные лингвистические теории, подходы и взгляды, которые неизбежно пересекаются, трансформируются и, таким образом, развиваются.

Все ПЕ реализуют единую понятийно-знаковую, когнитивно-значимую модель – *прецедентему*, ср. понятия «логоэпистема» (Костомаров 2005), «презентема» (Олянич 2004). Н.Д. Бурвикова и Е.М. Верещагин понимают под «логоэпистемой» языковое средство, которое развилось в своей семантической структуре некий особый «культурный» смысл, порожденный каким-то авторитетным текстом. (Костомаров 2005:56). Прецедентему, как и логоэпистему, реализуют разноуровневые лингвоментально ценные единицы (слова-понятия), которые имеют *прецедентное значение – фактитивность знания о событии, предмете речи, образе, его качестве или свойстве*. Суть данных номинативных единиц обуславливается прецедентным содержанием, их когнитивная функция заключается в хранении общеизвестных или нестандартных/необычных когниций. Они, в свою очередь, выражаются разными ПЕ, единицами осмысления и измерения жизненных и интеллектуальных ценностей человека, преобразованных в его языковую компетенцию (ср. метафору-текст, поговорку, поэтическое имя собственное, речевой окказионализм или просто сложное слово).

Существенное свойство всех ПЕ заключается в их смысловой ёмкости и цельнооформленности. Прецедентные единицы изыскивают адекватные прецедентные феномены, в нашем понимании языковые и коммуникативные прецеденты, которые служат для них когнитивной базой в системе других единиц и в коммуникации. Все номинативные знаки, именуемые прецедентные феномены в их традиционном понимании, мы рассматриваем как ПЕ, но они не входят в задачи нашего рассмотрения и систематизации в данной работе, так как имеют достаточно подробное описание в

трудах других авторов. В качестве коммуникативных прецедентов выступают в т.ч. «фоновые знания», которые создают когнитивные проекции для системы прецедентных единиц. Коммуникативные прецеденты могут иметь политическую, социумную, лингвострановедческую, религиозную, психическую, профессиональную, интеллектуально-фоновую направленность. В функции ПЕ фигурируют в лингвистике «советизмы», «народные номинации», «семейный нарратив», определяющий культурный социогенез ребенка. ПЕ встречаются в неофициальном студенческом дискурсе. Традиционно прецедентный характер носит тезоименность как способ именованья людей в современном христианском мире, т. наз. теонимы (собственные имена божеств), идеонимы (собственные имена духовной культуры), отономастические номинации (персонажи библейско-христианской традиции). Прецедентное значение имеют также окказиональные антрополексемы.

Прецедентные имена относятся в нашем понимании к логоэпистемам и являются, таким образом, лингвокультурологическими единицами: культурными «знака...ми» и «скрепами» (Л.И. Гришаева), которые обладают не только эпистемической, символической, коннотативной, но в нашем толковании и номинативной, информативной, экспрессивной, модальной и другими функциями, присущими номинативному знаку. Порождённые каким-либо (авторитетным) источником, они устойчивы и в отрыве от него способны менять первоначальный смысл и стилистическую тональность. Тем самым они становятся удобным, хранящим языковую и культурную преемственность средством манифестации прецедентного феномена.

Структурно-синтаксическая характеристика ПЕ не является однородной. Это может быть простое или производное слово, словосочетание, предложение (текстема), макротекст в виде литературного произведения. Тезаурус ПЕ, другими словами, прецедентного слова в широком смысле, наполняется именами собственными, модальными формулами речи, паремиологическими единицами, прямыми цитатами и квази-цитатами, пословицами и поговорками, риторическими вопросами и клише, метафорой и афоризмами, прецедентными «переводами», глобализмами, семейными

текстами, гипонимами / гиперонимами и т.д. Под *глобализмами* мы понимаем, вслед за С.П.Денисовой, слова, словосочетания, выражения, которые связаны с *глобализацией*, процессом распространения информационных материалов, связей, средств и систем в транснациональных масштабах. (www.philol.msu.ru/~rlc2004/files/sec/17.doc).

Учитывая только лишь одно из категориальных значений ПЕ – производность, можно было бы без труда перевести предмет нашего обсуждения в русло деривационной ономазиологии. Однако задачи *прецедентной ономазиологии* значительно шире. ПЕ представляют собой не только «своеобразное свертывание и семантическую компрессию того или иного синтаксического целого, в том числе и предложения», что присуще структуре многих *производных* в виде «универбализованного синтаксического единства» (Кубрякова 1977:233), но и эксплицитно выраженные, развёрнутые предложения и их грамматические аналоги, которые не являются вторичными языковыми образованиями. К тому же кроме производных инвентарь ПЕ располагает простыми словами, стереотипными лексикализованными и грамматикализованными языковыми единицами, т.е. именованными знаками разной сложности. Многие ПЕ выстраиваются в словосочетания и высказывания на основе элементарных пословных обозначений.

Совершенно очевидно, что бóльшая часть ПЕ принадлежит к субкатегории производных и автоматически переходит в субкатегорию *вторичных номинаций*, представляя собой результат морфологических и смысловых преобразований. Одновременно за ПЕ стоят процессы синтаксической и/или семантической транспозиций, ведущих к их фразеологизации и грамматическому идиоматизму. Однако и этот номинативный ресурс ПЕ не исчерпывает полностью их системной языковой значимости, так как среди них имеют место *повторные номинации*. Будучи наделенными категориальным свойством «прецедентность», ПЕ могут быть *первичными номинациями* (ср. окказионализм *глокая куздра*).

Таким образом, все вышеназванные номинативные субкатегории имеют общие гносеологические корни – логико-понятийную основу «иметь прецедент» или «стать

прецедентом», т. е. обладают категориальным свойством *прецедентности*. Это даёт нам полное право рассматривать эти номинативные субкатегории в рамках единой номинативной категории *прецедентных единиц – прецедентных номинаций*.

Исходя из сказанного, в основу исследования ПЕ нами закладывается *метод – рассуждения на основе прецедентов*. Рассуждения на основе прецедентов составляют совокупность приемов поиска решения некоторой проблемы, в данном случае именованная прецедентной ситуацией, при известных решениях подпроблем (первичная референция объекта речи). В частном случае подпроблема может совпасть с проблемой, например, когда первичная номинация является одновременно прецедентным именем (имена собственные, уникамы, окказионализмы и т. д.).

Основными задачами в моделировании рассуждений на основе прецедентов являются: идентификация текущей проблемы; поиск подходящего прецедента; использование найденного прецедента для решения текущей проблемы; часто для этого следует выполнить адаптацию старого решения к текущей ситуации.

Некоторые алгоритмы данного метода основаны на *сравнении между прецедентами* (точнее той их части, которая обозначается как *случай*) и *целевой проблемой* и на *зависимостях внутри прецедентов*. Предложенный метод исследования позволит

- определить номинативный статус ПЕ, выявить их положение в языковом сознании коллектива и роль в дискурсивном процессе;
- установить степень прецедентности и феноменологичности языковых единиц, входящих в определённые языковые и речевые структуры, выстроить их прецедентное соотношение (сравнительные конструкции, обособления, парантетические вставки, грамматикализованные словесные комплексы, речевые артефакты);
- проследить роль прецедентных (ключевых) единиц в формировании когнитивного поля и представлении когнитивной структуры, означаемым которых они выступают;

- установить языковую и дискурсивную сферу – источник функционирования ПЕ;
- овладеть смыслами, стоящими за ПЕ как единицами языка и речи; проанализировать прецедентное содержание – соотношение языковых и коммуникативных прецедентов и прецедентных номинативных единиц, их выражающих;
- выработать алгоритм классификации ПЕ.

По Ю.Е. Прохорову, прецедентность имеет четыре уровня. Первый уровень прецедентности соответствует языковой личности как индивидууму «со своим собственным сознанием, объемом памяти, лексиконом». Второй уровень прецедентности характеризует языковую личность как члена определенного социума (семейного, конфессионального, профессионального и др.). Языковая личность этого уровня имеет «общие знания, представления, ценностные ориентации и средства их семиотизации с другими членами этого социума» (Прохоров 2004:148). Третий уровень прецедентности свидетельствует о сформированности языковой личности как члена, определенного национально культурного сообщества, «который владеет неким общим для всех включенных в данное сообщество набором “культурных предметов” и их символов» (Прохоров 2004:148). Четвертый уровень прецедентности – это языковая личность как член рода человеческого, «обладающий общими для всех людей знаниями и представлениями» (Прохоров 2004:148).

В соответствии с уровнями языковой личности или, точнее, уровнями сознания языковой личности, выделяются уровни прецедентности: автопрецедентный, социумно-прецедентный, национально-прецедентный и универсально-прецедентный уровни. Для каждого уровня, как отмечает Ю.Е. Прохоров, характерны свои прецедентные феномены (Прохоров 2004:148).

Автопрецедентному уровню соответствуют автопрецедентные феномены, или автопрецеденты, в терминологии Ю.Е. Прохорова. Они «представляют собой отражение в сознании индивида некоторых феноменов окружающего мира, обладающих особым познавательным, эмоциональным, аксиологическим значением для данной личности,

связанных с особыми индивидуальными представлениями, включенными в неповторимые ассоциативные ряды» (Прохоров 2004:148). В качестве примера автопрецедента Ю.Е. Прохоров приводит образ зеленой водокачки, который может ассоциироваться с детством конкретного индивида: «подобные ассоциации весьма индивидуальны и далеко не для всех представление о водокачке является прецедентным и обладает указанным значением» (Прохоров 2004:148). Социумно-прецедентный уровень характеризуется через социумно-прецедентные феномены, которые «известны любому среднему представителю того или иного социума и входят в коллективное когнитивное пространство». В качестве примера социумно-прецедентного феномена Ю.Е. Прохоров приводит текст Евангелия, который является прецедентным для любого представителя христианского социума. Он также высказывает мысль о том, что в случае ограниченности социума рамками семьи, социумно-прецедентные феномены могут сближаться с автопрецедентными (Прохоров 2004:149). Национально-прецедентному уровню свойственны национально-прецедентные феномены, которые «известны любому среднему представителю того или иного ЛКС и входят в когнитивную базу этого сообщества» (ЛКС – лингвокультурное сообщество) (Прохоров 2004:149). Универсально-прецедентный уровень представлен универсально-прецедентными феноменами, которые «известны любому современному полноценному *homo sapiens* и входят в универсальное когнитивное пространство человечества» (Прохоров 2004:149).

В.В.Красных, в отличие от Ю.Е.Прохорова, выделяет три типа прецедентных феноменов: социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные (Красных 1998:96).

Несколько иную трехуровневую классификацию прецедентных текстов, входящих в «интертекстуальную энциклопедию», предлагает Г.В. Денисова. Использование термина «интертекстуальная энциклопедия» связано с адаптацией понятия о прецедентных текстах к теории интертекстуальности. Под «интертекстуальной энциклопедией» Г.В. Денисова понимает набор прецедентных текстов языковой личности (Денисова 2003:148), что в принципе согласуется с

определением С.Г. Филипповой, которая интертекстуальную энциклопедию определяет, как «совокупность знаний языковой личности, формируемых прецедентными текстами и составляющих неотъемлемую часть ее КМ» (КМ – картина мира) (Филиппова 2007:49).

Г.В.Денисовой различаются три типа интертекстуальной энциклопедии: универсальная, национальная и индивидуальная. Универсальная интертекстуальная энциклопедия включает тексты мировой литературы, известные представителям разных лингвокультурных сообществ. Национальная интертекстуальная энциклопедия представлена текстами национальной культуры, общими для представителей одной лингвокультурной общности. Тексты, представляющие интерес для отдельной языковой личности, входят в индивидуальную интертекстуальную энциклопедию, разновидностью считается профессиональная энциклопедия. Индивидуальная интертекстуальная энциклопедия варьируется от личности к личности, формируется в контексте универсальной и национальной интертекстуальных энциклопедий, но не совпадает с ней полностью: только ее часть может считаться принадлежностью национально и / или универсальной энциклопедии (Денисова 2003:148–150).

Очевидна тенденция к расширению значения изначально введенного Ю.Н. Карауловым термина «прецедентный текст». Г.Г. Слышкин и М.А. Ефремова к прецедентным текстам причисляют «любую характеризующуюся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающую ценностной значимостью для определенной культурной группы» (Слышкин, Ефремова 2004:45). В соответствии с данным определением в число прецедентных текстов входят: 1) «тексты, обладающие ценностной значимостью в течение относительно короткого времени», 2) «тексты, прецедентные для сравнительно узкого круга лиц (семейной группы, студенческого коллектива, например, рекламный ролик или анекдот)» (Слышкин, Ефремова 2004:40).

Расширение значение термина «прецедентный текст» касается и соотносимых с данным термином определяющих моментов, в частности таких, как ценность и усвоение текстов. Ценность, по мнению Г.Г. Слышкина и М.А. Ефремовой, не

обязательно может быть положительной. Она может быть и отрицательной. Усвоение текста языковой личностью может быть, как «актом доброй воли», так и результатом «текстового насилия». При текстовом насилии, осуществляемым либо индивидуумом, либо общественными институтами, происходит «усвоение текста при отсутствии у адресата самостоятельно сформировавшейся интенции ознакомления с текстом» (Слышкин, Ефремова 2004:40). В качестве примеров прецедентности такого типа авторы приводят трилогию Л.И. Брежнева «Малая земля», «Целина», «Возрождение» или текст любого рекламного ролика (Слышкин, Ефремова 2004:40).

Временной критерий и соотносимый с данным критерием ценностный аспект и аспект реинтерпретируемости оказываются относительными величинами при вычлениении понятия «прецедентный текст», поскольку круг прецедентных текстов исторически изменчив (И.В. Арнольд, Ю.Е. Прохоров и др.). Текст культуры не задан раз и навсегда, ведь бывает и так, что этот текст переписывается. Обычно это происходит при смене эпох, непременно сопровождаемой переоценкой Мира Ценностей (термин «Мир Ценностей» заимствован у А.Н.Уайтхеда (Уайтхед 1990)).

Примером может служить текст Библии, который является прецедентным текстом в религиозном христианском дискурсе. В других типах текстов или дискурсах текст Библии может выступать либо в качестве признанного, либо даже в качестве нежелательного образца для воспроизведения. Было доказано, что текст Библии является очень значимым текстом-образцом при текстопорождении художественных произведений как в английской, так и американской культуре (Петрова 2005), чего не скажешь о художественных и иных текстах советского периода, когда существовал своего рода запрет на использование текста Библии в качестве текста-образца для воспроизведения. Такое отношение к Библии приводило к тому, что цитаты из Библии «при нашем современном невежестве к вопросам религии», как точно подметила И.В.Арнольд, чаще всего не вызывают никаких ассоциаций, стимулирующих интеллектуальную деятельность (Арнольд 2004:74). В результате огромный смысловой пласт произведений досоветского периода, содержащий ссылки на Библию, а также

произведения зарубежных авторов, не воспринимается читателем в задуманном писателем русле.

Тенденция расширения содержания, введенного Ю.Н. Карауловым термина «прецедентный текст» прослеживается и при выделении автопрецедентного уровня, по Ю.Е.Прохорову, или индивидуальной интертекстуальной энциклопедии, по Г.В.Денисовой, с входящей в нее профессиональной энциклопедией, в которую закономерным образом войдут специальные научные работы, значимые для той или иной профессиональной личности. Еще раз напомним, что Ю.Н. Караулова не относил специальные научные работы к прецедентным текстам в силу кратковременности их действия и ограниченной воспроизводимости. Вместе с тем исследователь говорил о хрестоматийности, имея в виду главным образом программные литературные произведения. Как представляется, понятие хрестоматийности не ограничивается исключительно литературными текстами. В общеобразовательный курс входят такие предметы, как физика, математика, химия, биология, построенные на признанных научных теориях и именах ученых. Цель общеобразовательной программы состоит не только в том, чтобы приобщить учеников к миру ценностей в области литературы, но и в том, чтобы дать им некий общий фонд знаний в области науки и техники, некую теоретическую базу для их будущей профессии.

Выделение автопрецедентного уровня позволяет отнести к прецедентным текстам даже те тексты, которые представляют ценность для определенной личности, поэтому любые, выявленные при исследовании индивидуального стиля писателя тексты, на которые имеются ссылки, могут считаться прецедентными.

2.2 СИНХРОНИЯ И ДИАХРОНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ЕДИНИЦ

Ю.Д.Апресян подчеркивал донаучный характер языковой картины мира, называя ее наивной картиной. Языковая картина мира как бы дополняет объективные значения о реальности, часто искажая их (Апресян 1995:124). Поскольку познание мира человеком не свободно от ошибок и заблуждений, его концептуальная картина мира постоянно меняется, «перерисовывается», тогда, как языковая картина мира ещё долгое время хранит следы этих ошибок и заблуждений.

Прекрасным примером этого являются лексемы, схожие во многих языках и связанные с движением планет, в том числе и Земли, вокруг солнца:

солнце встает (русский) – *mzeamodis* (грузинский);

солнце садится/заходит – *mzechadis*.

По мнению В.Б.Касевича, картина мира, закодированная средствами языковой семантики, со временем может оказаться в той или иной степени пережиточной, реликтовой, лишь традиционно воспроизводящей былые оппозиции в силу естественной недоступности иного языкового инструментария; с помощью последнего создаются новые смыслы, для которых старые служат своего рода строительным материалом. Иначе говоря, возникают расхождения между архаической и семантической системой языка и той актуальной ментальной моделью, которая действительна для данного языкового коллектива и проявляется в порождаемых им текстах, а также в закономерностях его поведения (Касевич 2001:71).

Мы разделяем точку зрения Ю.Д.Апресяна, В.Б.Касевича и считаем, что в каждый судьбоносный для этноса период (войны, захват территорий, социальные революции, научно-технические революции, природные катаклизмы и пр.) происходят изменения в языковом воплощении картины мира, ее обновление, причем в разных общественно-политических условиях этот процесс протекает по-разному.

Историческая динамика вербальных систем - это универсальная закономерность, давно и тщательно изученная на материале самых различных языков. При конкретном описании словарного состава каждого естественного языка

последовательно выделяются архаизмы, историзмы, неологизмы, окказионализмы. В этом контексте требует специального рассмотрения вопрос об исторической динамике прецедентных единиц, к числу которых, вслед за Карауловым, мы относим широко известные имена собственные, которые регулярно используются метафорически без дополнительного пояснения, зоонимы, прецедентные высказывания, прецедентный текст.

Синхрония – описание текущего (или любого фиксированного в прошлом) состояния языка; диахрония – это описание его истории, смены синхронных состояний. Лингвистика нового времени зарождалась в первую очередь из интереса к родству индоевропейских языков. Как следствие, вплоть до конца 19-го века в языкознании в целом преобладал интерес к истории языка. Соссюр оказался ключевой фигурой в переключении внимания лингвистов на описание текущего состояния языка. Отчасти это было логически связано с его тезисом о системности (реляционности) языкового знака – историческая лингвистика изучала в первую очередь отдельные знаки в их историческом развитии, в то время как синхронно отдельный знак не представлял никакого интереса; поэтому интерес к системе, к соотношению между знаками, был (или казался в то время) единственным возможным приложением идей синхронической лингвистики. В то время как Соссюр указал на саму возможность синхронической лингвистики, противопоставляя ее диахроническому изучению, но не отрицая последнего.

Исследование системы прецедентных единиц, функционирующих в рамках конкретной лингво-культурной общности, интересно как в плане синхронии (каким набором единиц представлена данная система в настоящее время, каковы ее структурные особенности, взаимосвязи и пр.). так и в диахроническом аспекте (как изменение общественно-политической парадигмы способствует обновлению системы прецедентных единиц, процессы архаизации и неологизации в этой системе и пр.). В настоящее время Грузия переживает очень важный период своего развития: резкая смена общественно-политической парадигмы повлекла за собой серьезные изменения во всех сферах жизни социума, что не могло не отразиться на функционировании прецедентных единиц в грузинских медиатекстах.

Теоретические проблемы номинации представляют большой интерес для когнитивных исследований, особенно проблема имени собственного как социального знака. В художественной литературе помимо реальных онимов (антропонимов, топонимов, астронимов), отражающих окружающий человека мир, употребляются и нереальные онимы (мифонимы, поэтонимы, теонимы, библионимы). Но особый интерес вызывает употребление имен собственных в качестве прецедентных феноменов, аккумулирующих культурные коннотации любой национальной культуры.

К прецедентным онимам, в первую очередь, относятся имена собственные, обладающие богатыми ассоциативно-семиотическими возможностями, некоторые из них перерастают в подлинные символы культуры.

Разделяя точку зрения Ю.Н.Караулова, мы считаем прецедентными феноменами те явления культуры, которые 1) хорошо известны всем представителям национально-лингво-культурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»);

2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане;

3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества (Караулов 2010:187).

Прецедентный феномен «хорошо известен всем представителям данной лингвокультурной общности постольку, поскольку последние знают (как минимум) о его существовании и имеют некий общий, обязательный для всех носителей данного ментально-лингвального комплекса национально-детерминированный минимизированный инвариант его восприятия. Другими словами, за прецедентным феноменом всегда стоит некое представление о нем, общее и обязательное для всех носителей того или иного национально-культурного менталитета, или инвариант его восприятия, который и делает все апелляции к прецедентному феномену «прозрачными», понятными, коннотативно окрашенными (Караулов 2010:189).

Функционирование прецедентных онимов в условиях современного информационного бума характеризуется повышенной интенсивностью, причем

наблюдаются интересные примеры сужения/расширения семантики прецедента, которые культивируются в современных медиатекстах, в многообразных проявлениях массовой культуры. Причем в некоторых случаях изменения прецедента обусловлено особенностью национальной культуры, в других же случаях имеет место обновление прецедента в новых исторических реалиях. Рассмотрим данное явление на следующих примерах.

Очень популярен (и не только среди детей) прецедентный оним Золушка, проанализированный нами в работе «Прецедентные имена в русском и грузинском дискурсах» (Батуми, 1999): Золушка скромная и трудолюбивая девушка с трудной судьбой, жизнь которой неожиданно изменил счастливый случай. По данным лингвокультурологического словаря «Русское культурное пространство» современные русские могут называть Золушкой или обращаться к образу Золушки для характеристики:

1) женщины (девушки), занимающейся тяжелым трудом, за который она не получает никакой награды; при этом может подразумеваться, что те, на кого она работает, не ценят ее по достоинству;

2) нелюбимого ребенка в семье, подвергающегося обидам и унижениям;

3) бедной и скромной женщины (девушки) которая связала свою судьбу с богатым и известным человеком;

4) человека, судьба которого или он сам резко изменились счастливым образом (Лингвокультурологический словарь 2004:197).

По мнению Н.Чхаидзе, функционирование этого прецедентного онима в настоящее время демонстрирует явное сужение значения в медиатекстах и так называемых «бульварных романах». Многочисленные произведения мастеров сентиментального жанра демонстрируют очень широкий ареал «распространения» Золушек: «Золушка из Палас-сити» Арлин Джеймс, «Золушка из Калифорнии» Лавсмит Дженет, «Золушка из Далласа» Ронда Бейс, есть даже «Золушка из Запрудья» или Самара-городок (кинофильм 2004 г., режиссер Павел Снисаренко), причем во всех этих прецедентах актуализируется третье и четвертое значение прецедента (замужем за богатым или резкое изменение судьбы к лучшему), редко встречается отголосок

второго (нелюбимый ребенок в семье, подвергающийся обидам и унижениям) и почти не встречается первое (тяжелый неблагодарный труд) (Чхаидзе 2014:98).

Являясь, несомненно, макроуниверсальной единицей, данный прецедент обнаруживает интересную динамику: если раньше первое значение было весьма активным (женщина/девушка), занимающаяся тяжелым трудом, за который она не получает никакой награды), то в настоящее время это значение встречается все реже и реже, тяжелый труд сегодня не в чести, зато вокруг много шансов *связать свою судьбу с богатым и известным человеком* (третье значение) или *резко изменить судьбу благодаря счастливому обстоятельству* (четвертое значение). По нашим наблюдениям, в некоторых случаях основная семема прецедента подчеркивается уже в заглавии многочисленных романов, являющемуся сильным текстовым знаком:

«Золушка для герцога» Мортимер Кэрол,

Или же в заголовке присутствует прямое указание на то, что это история современной Золушки:

а) уточняется временной период - «Золушка нового тысячелетия» Шульгина Анна (<http://www.rulit.me/tag/contemporary-romance/zolushka-novogo-tysyacheletiya-download-free-224736.html>);

б) используются современные реалии – «Золушка в бикини» Александрова Наталья (<http://bonread.ru/natalya-aleksandrova-zolushka-v-bikini.html>).

В некоторых случаях основная семема прецедента подчеркивается уже в заглавии:

«Золушка для герцога» Мортимер Кэрол, «Золушка для миллионера» Дарси Лилиан (см. материалы электронной библиотеки <http://www.ladylib.net>). Налицо явное сужение прецедентного образа, которое к тому же подкрепляется и изменившимся характером героини, вместо всем известной по тексту сказки милой, трудолюбивой и заботливой девушки мы находим ее современные варианты:

«Упрямая Золушка» (роман Юджинии Райли), «Золушка с характером» (роман Дженни Адамс), и даже «Золушка-грешница» (роман Кимберли Рэнделл) (см. материалы электронной библиотеки <http://www.ladylib.net>).

Изменение семантики прецедентного онима – длительный процесс, но чем интенсивнее протекает трансформация прецедента в массовой культуре, в текстах мультфильмов или романов, имеющих широкую аудиторию, в медиатекстах с их

обращенностью к массовой аудитории, тем с большей уверенностью можно говорить о сужении семантики анализируемого прецедента. Интересно отметить, что при функционировании в грузинском культурном пространстве анализируемый прецедент ни разу не встретился нам во втором значении - *нелюбимый ребенок в семье, подвергающийся обидам и унижениям*, что, по всей видимости, объясняется широко распространенным грузинским устойчивым сочетанием – *gerivit eqcevia* (в переводе с грузинского означает – относятся, как к падчерице).

В современной экономической науке весьма популярна метафора «Золушка экономики»: *Золушка глобальной экономики*

(<http://expert.ru/expert/2011/42/zolushka-globalnoj-ekonomiki/>);

Золушка экономики (Российская Бизнес-газета № 796 (14) 19.04.2011);

Еще тридцать лет назад экономикой была самой настоящей Золушкой экономической науки. И вдруг все перевернулось. Золушка стала принцессой

(Константин Сонин. Уроки экономики. Сонин.ru. Москва, 2011. <https://books.google.ge/books?id=-i-LWpynFe4C&pg=PA152&lpg=PA152&dq>).

К сожалению, в грузинской экономической литературе мы не нашли перевод данной метафоры на грузинский язык, зафиксированный в медиатекстах, но многие экономисты, опираясь на данные источники, используют метафору: *ekonomikis geri* (*падчерица экономики*).

На канале СТС в весьма популярной телепередаче «Шесть кадров» часто представляют скетчи, в которых с мягким юмором изображают знаменитых богатырей, запечатленных на полотне В.М.Васнецова «Три богатыря», но адресат этих скетчей – взрослая аудитория, которая понимает разницу между былинными героями и пародийными персонажами, поведение которых отражает реалии современной России.

С большим сомнением мы относимся к трансформации былинных героев (Ильи Муромца, Алеши Поповича и Добрыни Никитича) в современных анимационных фильмах, созданных компанией «Мельница» и предназначенных для детской аудитории. Эти три богатыря – главные действующие лица русского героического эпоса, в русской культуре они являются символом преданности Отчизне, непоколебимой стойкости в борьбе с врагами, в произведениях устного народного творчества прославляются их подвиги, совершенные во имя Родины, их бескорыстие.

Но авторы новой анимационной экранизации трех богатырей поменяли привычные правила игры в классической русской былине, они предложили современным зрителям совершенно иную трактовку известных классических литературных текстов. Создатели фильма использовали привычные сказочные образы в непривычной трактовке. Эти фильмы представляют собой очень интересное и талантливо выполненное сочетание русской старины и современной реальности, пронизанное юмором и смехом. Но необходимо отметить, что приключения русских богатырей в мультипликационных фильмах «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Алеша Попович и Тугарин Змей», «Добрыня Никитич и Змей Горыныч», «Три богатыря и Шамаханская царица» меняют представления юных зрителей об этих героях и окружающих их мифонимах. Так Змей Горыныч превращается в доброго друга Добрыни Никитича, он бросается спасать племянницу киевского князя красавицу Забаву, Алеша Попович думает больше о том, как прославить себя, а его богатырский конь Юлий в буквальном смысле заставляет Алешу возить его на себе. Юлий - эгоист и себялюбец, думает только о своем благополучии и комфорте.

В очень неприглядном виде предстает перед нами киевский князь Владимир Красно Солнышко, который отпускает Соловья-разбойника за деньги, а на справедливые упреки Ильи Муромца отбирает у него коня Бурушку. Да и сами богатыри предстают перед зрителями не совсем в виде былинных героев, они скорее осовремененные супермены, у которых (особенно у Алеши Поповича) мозгов меньше, чем силы (Чхаидзе 2015: 99).

В жизни все течет и все изменяется, но есть такие ключевые тексты культуры, восприятие которых оказывает сильное влияние на когнитивную базу данной лингвокультурной общности. Изменение значения прецедента – весьма интересный и малоизученный аспект важной лингвистической проблемы прецедентных феноменов, которые являются существенной составной частью языковой картины мира данного народа.

На рубеже века двадцатого с веком двадцать первым человек стал осмысливать пройденный путь через сложный и многогранный термин «культура». Культуры

объединяют людей, создавая единое знаково-символическое пространство, с которым идентифицируют себя определенные сообщества. Вместе с тем они разъединяют людей, проводя культурные границы, разделяя всех людей на «своих» и «чужих».

Процессы глобализации и интеграции актуализировали интердисциплинарные исследования коллективной культурной памяти и идентичности. Особенно интенсивно в настоящее время разрабатывается теория культурной памяти, в процессе формирования которой вырабатывается менталитет народа и которая в условиях всеобщей глобализации и интеграции является обязательным условием национальной идентичности. Чтобы осознавать себя единой социально-этнической общностью, люди должны знать кто они такие, кто их предки, откуда они пришли, что они пережили. Именно совместные переживания – ключ к пониманию национальной специфики данного народа.

Авторы монографии «Болгария глазами грузин» М.Арошидзе и Т.Путкардзе (2013) отмечают, что от осмысления своего прошлого культурного опыта во многом зависит сегодняшняя жизнь общества, его продвижение вперед. А по мере продвижения вперед культурный опыт народа переосмысливается заново, в свете новых обстоятельств и с высоты нового уровня знаний.

Очень точно и четко эту мысль выразил известный немецкий египтолог, автор теории культурной памяти – Янн Ассманн: «Прошлое заново «открывается» в настоящем, моделируется им в зависимости от существующих обстоятельств».

Благодаря трудам Э.Дюркгейма, А.Варбурга, М.Хальбвакса, Я.Ассманна и других ученых память перестала быть объектом изучения только естественных наук и в качестве социального феномена была перенесена в культуру. Настоящий „мемориальный бум“ начался в восьмидесятые годы двадцатого столетия, когда появляется целый ряд работ, в которых память рассматривается как социальный, культурный, коллективный феномен, непосредственно связанный с национальной идентичностью. Классические работы: книга Йозефа Йерушалми «Помни: еврейская история и еврейская память» (1982), многотомный проект исследования французской памяти и идентичности под руководством Пьера Нора «Места памяти» (1984-1992),

сборник статей «Изобретение традиции» под редакцией Э. Хобсбаума и Т. Рэнжера (1983 г.). Их дискуссия о степени пластичности памяти вылилась в «теорию политики памяти», в соответствии с которой политически доминирующие группы манипулируют образами исторического прошлого и внушают массам определенную концепцию истории, легитимизирующую их политические цели и господство. Подобный подход к механизмам социальной памяти созвучен с идеями М. Фуко о «контрпамяти» как форме сопротивления доминирующему комплексу «власть-знания» и с подходами представителей британской школы *cultural studies* (исследования культуры). В 1980-х годах исследования по этой теме проводились группой по изучению *popular memory* (массовая память) Центра современных исследований в Бирмингеме и касались в основном массовой памяти британцев о второй мировой войне. В отличие от М. Фуко, подчеркивавшего абсолютный приоритет официального властного дискурса, бирмингемские исследователи отмечали более сложный и диалектический характер взаимоотношений различных видов памяти.³

Культурная память — феномен коллективный, но коллективные воспоминания являются собой отнюдь не простую сумму индивидуальных воспоминаний. Мысль о том, что коллективная память создается определенной социальной группой и в ее возникновении участвуют разные факторы, впервые была высказана М.Хальбваксом. К таким факторам он относил, например сам процесс интерактивной коммуникации, традиции семей, особенно аристократических, где трепетно хранят память о славных деяниях и достоинствах великих предков, памятные традиции религиозных групп, например монашеских общин и т. п. Более того, даже память отдельных людей не в полном смысле «индивидуальна», ибо всякий индивид осознает себя членом определенной группы и «вспоминает» в контексте её памяти — память группы актуализируется в индивидуальной памяти её членов. Под коллективной памятью М.Хальбвакс подразумевал фактор, объединяющий группу, поддерживающий ее идентичность. Памятные места, герои, события объединяют группу, тем самым обозначая ее сущность и специфику. Прошлое постоянно реорганизуется в коллективной памяти.⁴

Сознание совместного прошлого сплачивает группу эмоционально. В 1882 г Э.Ренан, философ культуры, подчеркивал в своей речи, («Что такое нация?») что для существования нации необходимо как общие воспоминания, так и коллективное забвение определенных моментов прошлого. Коллективная память о совместном прошлом – основа идентификации группы, выражение коллективного опыта, объединяющего группу, объясняющего ей смысл ее прошлого, причины нынешнего совместного бытия и определяющего надежды на будущее. В процессе социализации индивид осознает тождество, то есть относит себя к конкретной этнической группе. Процесс социализации человека – это, прежде всего, процесс овладения культурной коллективной памятью, овладение тем символическим культурным кодом, который позволяет говорить о национально-культурной идентичности.

А.Г.Васильев анализирует проблему манипулирования коллективной памятью и считает, что эти манипуляции являются наиболее эффективными стратегиями в области «политики идентичности», позволяющими создавать или, напротив, уничтожать определенные идентичности, манипулировать культурным многообразием. Как отмечает А.Г.Васильев, положение о том, что образ прошлого является социокультурным конструктом, а не данностью, сегодня практически никем не оспаривается. Проблемой является, однако, степень податливости этого образа манипуляциям. Механизмы мемориализации и забвения играют важнейшую роль в формировании культурного ландшафта. При этом политика в области памяти и идентичности не может рассматриваться как абсолютно произвольное конструирование. Имеет место скорее игра в рамках определенных структурных ограничений, устанавливающих пределы социально-культурному проектированию.

Человека всегда интересовали механизмы памяти/забвения, но этот интерес обострялся в период судьбоносных перемен в жизни социальной группы, этноса, целого региона, всего человечества. Любые катаклизмы, природные или социальные, меняли привычный уклад жизни и оставляли неизгладимый след в памяти современников, которые передавали эти воспоминания своим потомкам. Особенно

остро запечатлеваются в памяти травмы: чем страшнее и масштабнее событие, тем тяжелее травматический опыт, влияющий на судьбу потомков.

Человечество пережило много кровавых событий, в его истории сменилась не одна социальная парадигма, но двадцатый век оказался наиболее насыщенным социальными потрясениями: первая мировая война, вторая мировая война с многочисленными лагерями смерти, Холокост, Херосима и Нагасаки, война во Вьетнаме, многочисленные террористические акты второй половины двадцатого века, техногенные катастрофы. Не менее страшным был процесс становления социализма: революция 1917 года, гражданская война, раскулачивание, насильственная коллективизация, Голодомор, репрессии, насильственная депортация народов, Великая Отечественная война, длительная экономическая разруха и нищета, архипелаг Гулаг, межнациональные проблемы периода перестройки и все тот же мировой терроризм и техногенные катаклизмы.

Не удивительно, что рубеж века двадцатого с веком двадцать первым обострил проблемы осознания своего прошлого, усугубил травматический шок, актуализировал интердисциплинарные исследования механизмов коллективной памяти. Советская парадигма ушла в прошлое, но память о ней по-прежнему актуальна и продолжает оказывать влияние на настоящее и будущее, причем не только стран постсоветского пространства, но и всего мира, что подчеркивает необходимость исследования механизма коллективной «памяти/забвения», в частности, механизма манипуляции коллективной памятью общества.

Процесс обновления социальной парадигмы на рубеже веков был ускорен еще и по причинам социально-экономического и технического характера: очередной виток технического прогресса, глобальные социально-экономические изменения общества в русле всеобщей глобализации, информационный бум, серьезные миграционные процессы конца XX в.- начала XXI в. – все это заставляет человеческую память «мчаться в бешеном беге», что приводит к высокой степени агномичности культурных концептов последующими поколениями.

Существует огромное разнообразие форм проявления культурной памяти. Это вещи, материальные сооружения, произведения изобразительного искусства, и т.д. и на этом фоне многообразных форм проявления, закрепления памяти, универсальным средством мемориализации любого важного события в жизни народа, является язык. Иначе говоря, основным, базовым, универсальным источником знаний о внутреннем мире, культуре людей, народов, наций - является язык.

Язык - одна из самобытных семиологических систем, являющаяся основным и важнейшим средством общения членов данного человеческого коллектива, для которых эта система оказывается также средством развития мышления, передачи от поколения к поколению культурно-исторических традиций и т. п.

Язык - сокровищница, кладовая, копилка культуры. Он хранит культурные ценности - в лексике, в грамматике, в идиоматике, в пословицах, поговорках, в фольклоре, в художественной и научной литературе, в формах письменной и устной речи.

Язык - составная часть культуры ее отражение, он является реальностью нашего духа, ликом культуры. Он фиксирует историю, культуру во времени, передавая информацию и ее качественную оценку от поколения к поколению. Человек, язык и реальность тесно взаимосвязаны друг с другом. Если глаза считаются зеркалом души человека, то язык - это зеркало его культуры.

Культурная коллективная память зафиксирована в многочисленных текстах, архивных материалах, произведениях устного народного творчества, мифах, в художественной и специальной литературе, в медиа-текстах, фотодокументах, кинофильмах, в произведениях изобразительного искусства и других видов искусства, в материальных памятниках, сооружениях и пр., в том числе и в языке. И опять встает вопрос о манипуляции коллективной памятью - одно и то же событие столь по-разному освещается и интерпретируется в средствах массовой информации, что подчас создаются полярно противоположные нарративы.

Изменения социально-политического характера меняют языковую ситуацию, а стремление власть имущих контролировать процесс формирования коллективной

памяти проявляется в смене языковой политики в разные периоды развития общества (например, в Грузии). Как отмечают И.Дзагания и М.Арошидзе, на протяжении своей многовековой истории Грузия пережила интереснейшие в языковом отношении периоды: на раннем этапе развития грузинского языка сильным было влияние латинского и греческого языков, особенно после принятия христианства, когда на грузинский язык переводилось большое количество богослужебной литературы. Закономерным результатом многочисленных попыток грузинского народа отстоять свою независимость в борьбе с захватчиками стали заимствования из восточных языков.

Известный исследователь грузинской культуры Иосиф Гришашвили назвал разговорную речь жителей Тбилиси «сплавом персидско-турецко-арабско-армянско-грузинских слов», но, в конце концов, «многие века кропотливо и осторожно оттачивал Тбилиси слова-алмазы чужих языков, сообщал им свою свежесть и солнечность, и они поддались, вписались в грузинскую речь».

С конца XVIII века, после принятия протектората России, грузинский язык стал испытывать влияние русского языка: билингвизм, насильственно насаждаемый в царской России, после образования Советского Союза сменился более тонкой и разумной политикой, провозгласившей русский язык «вторым родным языком». Большое количество русскоязычного населения, активные общественно-политические и культурные связи с Россией, высокий удельный вес русского языка как обязательного учебного предмета в сочетании с языковой средой позволяли активизировать приобретаемые навыки аудирования и говорения, что способствовало высокому уровню владения русской речью большей частью населения Грузии. Более того, русское телевидение, русская пресса, основательное изучение русской истории, культуры и литературы позволяло усваивать концепты русской культуры, реалии русской жизни, поэтому билингвизм языковой базировался на бикультуризме.

Эпоха НОМО SOVETICUS сблизила народы Советского Союза: общие радости и проблемы, совместные достижения, направляемые и регулируемые централизованной властью, формировали общую концептуальную базу, вырабатывали схожие языковые формы их фиксации в разных национальных языках: *БАМ* – *bami* (несмотря на то, что для грузинского языка не характерны аббревиатуры, это наименование закрепилось в

медиа-текстах того времени именно в этом виде, с добавлением на конце гласного – И: *baikal-amurismagistrali*; освоение целины – *yamilis athviseba* и др.

Резкая смена общественно-политического устройства Грузии после развала Советского Союза и периода перестройки, возникновение серьезных этноконфликтов в Абхазии и Осетии, отток русскоязычного населения, большое количество мигрантов и эмигрантов – все эти обстоятельства сильно изменили языковую ситуацию в Грузии.

Роль английского языка как медиатора международных отношений повсеместно выросла как следствие всеобщего процесса глобализации и интеграции, в современной Европе повседневной реальностью становится мультилингвизм, современный европеец – это человек, владеющий, как минимум, тремя языками, из которых один родной, а один из иностранных – чаще всего английский. Но если естественный переход от билингвизма к мультилингвизму обычно осуществляется добавлением к уже приобретенному языку нового языка (ведь каждый коллективный опыт усвоения языка – бесценен), то в Грузии произошло вытеснение русского языка английским в результате целенаправленной языковой политики: русский язык потерял статус обязательного предмета, в средних школах его еще выбирают в качестве второго иностранного языка, а в высших учебных заведениях почти повсеместно студенты изучают лишь один иностранный язык – английский. Общение на русском языке, ранее охватывающее все стороны общественно-культурной жизни, сосредоточилось в основном в сфере профессиональной, круг людей, для которых доступны телевизионные передачи на русском языке и Интернет, довольно ограничен, к этому необходимо добавить, что язык интернет-сайтов демонстрирует размывание и расшатывание норм на всех уровнях языка, засилье заимствованной и нецензурной лексики.

Результатом всех вышеперечисленных процессов стала сложная языковая ситуация, когда интенсивное изучение английского языка не базируется на мультикультуризме: часть русских культурных реалий и советизмов уже агнонимичны для подрастающего поколения, а реалии англо-американской культуры еще далеко не привычны. Более того, необходимо учитывать и тот факт, что в школах и вузах

молодежь изучает британский вариант английского, тогда как средства массовой информации и массовая культура тиражируют американизмы. Еще одним фактором, оказывающим влияние на складывающуюся в Аджарии языковую ситуацию стало повышение роли турецкого языка в силу активизирующихся турецко-грузинских взаимоотношений.

Как показывает практика, успешное манипулирование коллективной памятью опирается на механизм памяти/забвения: в каждую историческую эпоху какие-то события мемориализуются (о них много пишут в средствах массовой информации, отмечают юбилеи, воздвигают памятники, слагают стихи, поют песни, снимают фильмы и пр.), а другие предаются забвению (отменяются празднования юбилейных дат, накладывается запрет на определенные темы, демонтируются памятники и пр.). Все выше перечисленные средства манипуляции коллективной памятью, отмечает М.В.Арошидзе, многократно апробировались в разные эпохи и в разных государствах, в том числе и в Грузии: например, в июне 2010 года был взорван Мемориал воинской славы в Кутаиси, в мае 2012 года - демонстрирован памятник погибшим во время Великой Отечественной войны на набережной Батуми. Уничтожение памятников, в свою очередь, сопровождается забвением и утратой соответствующих языковых маркеров (например, *вечный огонь*), в том числе и прецедентов той эпохи (*Александр Матросов, Зоя Космодемьянская* и пр.).

Интересно также проследить смену языковых парадигм на материале «городских палимпсестов» - улиц и площадей, наименования которых вместе с вывесками расположенных на них торговых и бытовых объектов меняются в зависимости от того, кто стоит у кормила власти: по данным сайта BatumiOnline – справочник туриста (<http://www.batumionline.net/index.php?act=streets>) по смене названий некоторых улиц можно легко воссоздать историю города:

Морская, Интернациональная, Коминтерна, Сталина, Октябрьская, Свободы - ныне улица *Мемеда Абашидзе*;

Бебутова, Греческая, Зиновьева, Тельмана -ныне улица *Царя Парнаваза*.

В старых наименованиях присутствовало много советизмов, прецедентов советской эпохи:

Приморская, Бакинская, Лейтенанта Шмидта, Лаврентия Берия -нынеулица *Якоба Гогешвили*.

Три исторических пласта представлены в смене наименований батумской улицы имени Ираклия Абашидзе: сначала улица носила имя героя Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. *Скобелева*, затем после революции она была переименована в улицу *Воровского* (Wacław Worowski – Вацлав Воровский, российский революционер, один из первых советских дипломатов), после Великой Отечественной войны стало очень популярно братание городов и в честь болгарского города Благоевграда (побратима города Батуми) улица была переименована в *Благоевградскую*, ныне улица *Ираклия Абашидзе* (Арошидзе 2013:75).

Изменились вывески и наружная реклама (дорожные указатели, надписи, постеры): в силу вышеуказанных причин грузинские и дублирующие их русские надписи были изменены на грузинские и английские, а в районе турецкой мечети, где много турецких ресторанов и отелей - появилось весьма тревожное языковое новшество – наружная реклама и надписи выполнены только на турецком языке.

Бурные темпы общественно-политических изменений все еще сохраняются: 2013 год стал для Грузии весьма знаменательным в том плане, что приоритеты языковой политики стали меняться в сторону ориентации на потребительский рынок: развитие инфраструктуры туризма в Грузии, и, в частности, в Абхазии, возобновление экономических взаимоотношений с северным соседом способствовало проведению более гибкой языковой политики.

Краткий обзор языковых маркеров коллективной культурной памяти и механизма манипулирования официальной памятью еще одно свидетельство того, что языковая карта современной Грузии и «лингвистические иерархии» нуждаются в пристальном изучении, связанном с теоретическим исследованием таких вопросов, как языковое планирование, языковая политика, языковые маркеры культурной памяти, формирование поликультурной языковой личности; необходимо проведение

социолингвистических исследований коллективной культурной памяти и идентичности грузин с учетом смены общественных, культурных и языковых парадигм.

Необходимость данного исследования вытекает из проблем, возникающих в процессе межкультурной коммуникации, которые связаны с различием языковой картины мира у людей, осваивающих несколько языков, в частности у детей – мультилингвов. Главная цель мультилингвизма – это успешная коммуникация, адекватное понимание. Языковая картина национально – специфична. В любой культуре присутствуют специфические культурные значения, закреплённые в языке, но по словам А. П. Садохина, «языковая практика свидетельствует, что язык не является механическим придатком какой-либо культуры, поскольку в этом случае он был бы не в состоянии использоваться в многочисленных ситуациях межкультурного общения. В действительности одним из ведущих свойств языка является его универсальность, позволяющая человеку использовать его в качестве средства общения во всех потенциально возможных ситуациях, в том числе и по отношению к другим культурам. Именно универсальность языка позволяет ему осуществлять как внутрикультурное, так и межкультурное общение» (Садохин 2010:61). На вопрос, связаны ли культуры между собой, что больше в культуре – общее или специфическое, П. С. Гуревич отвечает следующим образом: «Если культуры непроницаемы..., значит, они развиваются автономно. Следовательно, множество культурных миров складываются сами по себе и не устремляются в единое, культурное русло. Тогда бессмысленно говорить о человечестве как универсальном понятии. Однако возможен и иной взгляд на множество культур. Да, они уникальны, но это вовсе не означает, будто они отгорожены друг от друга. Напротив, эти культурные миры тяготеют к единству. Возможно, образцом для них окажется какая-то культура, обладающая наиболее значительным совокупным опытом? А может быть родится некий совокупный синтез?» (Тхорик 2006:11). Наше исследование имеет цель проверить, насколько эти культуры остаются нетронутыми либо взаимно влияют друг на друга.

Считается, что чем старше человек, тем труднее он адаптируется к новой культурной системе, тяжелее и дольше переживает культурный шок, медленнее воспринимает модели новой культуры. Маленькие дети адаптируются быстро и успешно, легче воспринимают новации. Большинство детей, проживающих в нашем регионе, являются искусственными мультилингвами. Они осваивают языки через садики, школы, дополнительные уроки, телевидение и компьютер. Большой популярностью среди них пользуются англо-американские анимационные фильмы. В этой главе мы попытаемся показать, как эти фильмы и их версии, дублированные на грузинский и русский языки, влияют на процесс формирования концептуальной картины мира и метафорическое моделирование языковой картины мира детей – мультилингвов. «Как правило, в межкультурной коммуникации больше всего проблем возникает при переводе информации с одного языка на другой» (Садохин 2010:61). Учитывая данный факт, мы решили рассмотреть не только оригинальные сценарии, но и их переводы на грузинский и русский языки. Как раз в такой разнообразной форме, в большей или меньшей степени, сейчас они подаются нашим детям – на английском, грузинском и русском языках.

«Перевод - это ситуация двуязычной коммуникации, в основе которой лежит билингвизм» (Гарбовский 2004:316). Кроме контакта языков, перевод представляет контакт культур. Одну четырёхлетнюю девочку, чьи родители были выходцами из востока, звали Rong. Слово “wrong” на английском языке означает «ошибка, неправда, зло – всё, что не так» Англоязычные люди удивлялись, когда слышали её имя, но родители объясняли, что в переводе с их языка слово означает «покой и красота» (Миллс, Кроули 2000:128). В современном мире в условиях глобализации знание языков ведёт к сближению культур. В результате мир и наше миропонимание постоянно меняются, поэтому «картина мира не представляет собой законченного образа мира, она обладает особой пластичностью, подвижностью, поливариативностью» (Тхорик 2006:25).

Так как прецедентные единицы постепенно проникают в сознание членов лингвокультурного сообщества, одним из каналов их распространения являются

детские сказки, фильмы, в том числе и анимационные. Прекрасным источником рождения новых прецедентов или трансформации уже существующих в культуре прецедентных единиц являются детские англо-американские анимационные фильмы, которые пользуются в настоящее время большой популярностью среди детей. «Как и всякое другое, искусство постмодернизма отражает картину мира, здесь её распад...» (<http://files.school-collection.edu.ru>).

Мир меняется, рушатся «стандартные представления о мире. Известно, что постмодернистское видение мира – это, вообще, распад картины мира. Направление постмодернизма «обязано своим развитием множеству источников: ... лингвистике Фердинанда де Соссюра, постулировавшей произвольность связей между словом и предметом, знаком и означаемым» (Тарнас 1995:). Л. Витгенштейн писал о «языковых играх». В. И. Тхорик и Н. Ю. Фанян пишут об «играх в смысл, о смысле, со смыслами». Прецеденты, которые часто базируются на метафорах, – пример таких «игр», которые часто встречаются в современной кинематографии. Анимационный кинематограф конца XX века не вписывается в рамки классической культуры.

В большинстве случаев отрицательная коннотация символики осла в русском, английском и грузинском языках совпадает: «глуп, как осёл», «ослиное упрямство». „*virisagan wixli ar unda gewyinos*“, *ras hejeqi virze*“ (www.ka.wikiquote.org). Но в современных англо-американских фильмах о Шреке, рассмотренных И.Глонти (Глонти 2013), именно осел является образцом мудрости и здравого смысла. Классические метафорические зономы, несмотря на их стереотипную символику, характеризуются гибкостью образа, в зависимости от обстоятельств, конкретного периода, они способны менять коннотацию от положительной к отрицательной, и наоборот. Во время создания фильма о Шреке, ориентированного на аудиторию всех возрастов, встал вопрос: «Поймут ли его дети»? Но как раз дети легче и быстрее воспринимают новое, так как в их сознании ещё нет закреплённых штампов. Интересно отметить динамику данного зоонима в грузинской культуре, уходящего корнями в устное народное творчество. В популярном сборнике Сулхана-Сабы Орбелиани «Мудрость вымысла» осел выступает не просто как носитель положительных черт. Желая маленькому царевичу «*иметь силу муравья, верность собаки и мудрость осла*», визир Рукха так аргументирует свою здравницу: только муравей столь силен, что может поднять вес, в несколько раз превышающий его собственный, верность собаки – общеизвестна, а осел – настолько мудр, что ни за что не

пойдет тем путем, где встретился с проблемами. Лишь позже упорство, с которым осел отстаивает свое решение, постепенно превратилось в упрямство и обросло глупостью.

Подводя итог вышеизложенному, хочется отметить, что анализ метафорических образов, которые меняются под воздействием популярных анимационных фильмов, продемонстрировал механизм появления новых прецедентов или возможность изменения старых. Дело в том, что усвоенный новый или трансформированный метафорический образ ложится в основе прецедента, который по мере функционирования становится все более распространенным, когда же его коннотативное значение становится известным большинству носителей данного языка, можно признать появление нового прецедента.

Современная кинематография также входит в этот список. Анимационный кинематограф конца XX века не вписывается в рамки классической культуры. В качестве иллюстративного материала мы взяли тексты популярных англо-американских фильмов о Шреке, рассмотренных И.Глonti (Глonti 2013).

Создателям фильма «Шрек» удалось создать самую настоящую постмодернистскую сказку, которая поменяла привычные правила игры в классической сказке. Фильмы о Шреке представляют собой постмодернистское обыгрывание широко известных классических литературных сказок. Создатели фильма использовали в фильме привычные сказочные образы в непривычной трактовке. Фильм абсолютно не традиционен. Собрав в кучу абсолютно всех сказочных героев, до которых только можно было дотянуться, поставив на место главного героя вонючего огра по имени Шрек, а из принцессы сделав пародию на все, что угодно, кроме принцессы — авторы этого фильма ударили в десятку. Именно такого продукта не хватало современной анимации. «Шрек» получился удивительно удачной пародией на то, что всегда боялись пародировать — на классику. Вот что пишут об этом фильме: «Забавный, непочтительный и динамичный, он насмехается над классическими сказками, но по ходу дела создаёт свою собственную сказку! В целом порядка 90% отзывов на «Шрек» в 2001 году можно оценить как восторженные и восхищённые!» (www.prodisney.ru/index.php?page=shrek.php). Этот фильм взял Оскар. Такой успех как среди англоязычных, так грузиноязычных и русскоязычных маленьких зрителей не мог не вызвать лингвистический интерес.

Итак, что меняет эта постмодернистская сказка, и почему эти изменения заинтересовали нас. Начать нужно с персонажей. Как известно, каждый сказочный персонаж несёт определённый посыл, сказочные животные обязательно что-либо символизируют. Мы остановимся на некоторых ярких животных персонажах из фильма «Шрек». «Животная метафора всегда представляла наибольшую сложность для переводчика» (www.tisbi.ru/resourse/libelbook/TranslatTeor.htm). За каждым классическим образом животного стоит определённая языковая картина мира того или иного народа, в разных культурах существуют разные эмоционально-оценочные ассоциации, связанные с тем или иным образом животного. Возьмём, например, осла-животное, которое является символом упрямства и трудолюбия. В русском языке «осёл» в метафорическом смысле означает «упрямый дурак». В русском фольклоре и фразеологии осёл- символ глупости, упрямства, лени. Метафора осла принадлежит обиходно-бытовому представлению о повадках данного животного. В испанском языке “elburro” (осёл) называют трудолюбивого человека (www.krugosvet.ru). В древнейших памятниках осёл имеет божественную символику. В английском фразеологическом фонде есть пословица с положительным оценочным компонентом.

В большинстве случаев отрицательная коннотация символики осла в русском, английском и грузинском языках совпадает: “Anassisbutanass, thoughladeninagold”, «Глуп, как осёл», «Ослиное упрямство», «Ученье свет, а неученье – осёл» (www.absurdopedia.net/wiki/Осёл). „ვირისაგან წიხლი არ უნდა გეწყინოს“, „ვირი მოგებაზე წავიდა და ხალხებიც იქ დარჩაო“, „რა შეჯეკი ვირზე“ (www.ka.wikiquote.org) Все эти примеры и многие другие уже давно стали классическим примером метафоризации как средства создания языковой картины мира. На наш взгляд, постоянное видоизменяющееся отражение мира и миропонимание будет запечатлено в метафорических приёмах, использованных в сценариях этих фильмов, а также в их грузинских и русских переводах.

Как показывают вышеперечисленные примеры, классические «животные метафоры» несмотря на их стереотипную символику, характеризуются гибкостью образа, в зависимости от обстоятельств они способны менять коннотацию от

положительной к отрицательной, и наоборот. В современных англо-американских анимационных текстах это качество «животных» метафор усиливается, и они начинают проявлять достаточную гибкость: одни образы лишаются каких-то прежних качеств, вторые - приобретают новые, а третьи и вовсе меняют свой прежний посыл. Во время создания фильма о Шреке, ориентированного на аудиторию всех возрастов, встал вопрос: «Поймут ли его дети?» (www.prodisney.ru/index.php?page=shrek.php). Но как раз дети легче и быстрее воспринимают новое, так как в их сознании ещё нет закреплённых штампов. Успех фильма среди наших маленьких зрителей показал, что фильм ориентирован не только на аудиторию разных возрастов и поколений, но и разных культур. Вот при таких условиях, под влиянием современных англо-американских концептов происходит формирование концептуальной картины мира детей – мультилингвов.

В фильмах о Шреке образ осла имеет положительную коннотацию. Известно, что коннотация – это информация, которая отражает не сам предмет, а определённое отношение к нему. Сценарий фильма разрушил бытующий в русской и грузинской концептуальной и языковых картин мира стереотип осла как эталона глупого упрямства («ослиное упрямство»). Сегодня для маленьких зрителей образ осла ассоциируется с чем-то очень весёлым и смешным. Вот, что говорят об ослике дети: «забавный, много болтает, у него смешные шутки, он хороший друг, ослик – зануда, но без него было бы скучно». В результате влияния англо-американской языковой картины мира рождаются новые детские метафоры: «смешной, как ослик», «у тебя ослиные шутки» и т.п. Они стирают образное представление об осле как признаке упрямства, которое когда-то родилось в результате бытующего мнения о повадках этого животного. Старая чувашская поговорка: «Где смех, там и осёл» подошла бы в качестве характеристики нового анимационного образа осла. Весь смысл беседы с детьми об этом персонаже сводится к одному: «забавный, много болтает, у него смешные шутки, он хороший друг, ослик – зануда, но без него было бы скучно».

Образ дракона - это также противоречивый образ, который в разных культурах имеет разную символику, как с отрицательной, так и положительной коннотацией.

Драконы в современности — это фантастические существа, которые зачастую кардинально отличаются от мифологических. Популяризация образа дракона в последнее время значительно изменила его, хотя мифологические черты в несколько ином виде часто просачиваются в образ. Образ дракона пошёл в положительную сторону. Прежний статус носителя Абсолютного Зла был заменён на статус друга человека или, иной раз, вовсе домашнего животного. Драконы не только ничем не хуже человека, они — куда лучше по своим духовным, физическим качествам. Для сегодняшних детей схватка с Драконом не является неожиданной: Дракон взмахом хвоста забрасывает Шрека в башню Фионы и остаётся с Ослом один на один. В фильмах о Шреке Дракон вовсе не дракон, а Дракониша. Дракониша проникается к Ослу тёплыми чувствами, становится подружкой осла, у них даже рождаются общие дети! Интересен тот факт, что в Древней Греции осёл обладал стойкими сексуальными коннотациями. Итак, в фильме «Шрек» образ Дракона (точнее Дракониши) также как и образ осла имеет положительную коннотацию. Можно провести параллель между сценарием «Шрека» и версией Вольтера. Жанна д'Арк встречает верного спутника — крылатого коня (осла). Причём осёл появляется в самый ответственный момент, когда Жанне д'Арк был необходим боевой конь. В нашей ситуации в самый ответственный момент появляется крылатая Дракониша. В представлении современных детей образ Дракона (или Дракониши) ассоциируется с животным — помощником. Метафоры, которые создают дети, образуют новое положительное понятие: Дракон-признак верности и настоящей любви («влюбиться, как Дракониша в осла», «Быть верной помощницей и подружкой, как Дракониша» и т.п.) Противоречивость образа кота в разных культурах показана в «Шреке 2». В начале фильма Кот в сапогах предстаёт перед нами в роли убийцы, но он проваливает задание и становится верным другом Шрека. В представлении маленьких зрителей это милый трогательный котик: «Сначала он злой, а потом добрый».

Изменение концептуальной картины мира может отразиться и на языковой картине мира. С целью исследования особенностей перевода метафор мы проанализировали и распределили по группам согласно методам воспроизведения

метафор и по степени частотности их использования. В результате мы обнаружили разные возможности перевода английских метафор на грузинский и русский языки: «полные эквиваленты, частичные эквиваленты, семантические эквиваленты, описательный перевод...» (Тхорик 2006:193).

Подводя итог вышеизложенному, хочется отметить, что анализ метафорических образов, которые меняются под воздействием популярных анимационных фильмов, продемонстрировал механизм появления новых прецедентов или возможность изменения старых. Дело в том, что усвоенный новый или трансформированный метафорический образ ложится в основе прецедента, который по мере функционирования становится все более распространенным, когда же его коннотативное значение становится известным большинству носителей данного языка, можно признать появление нового прецедента.

А. В сценарии - оригинале есть немного примеров метафорических приёмов, которые при переводе на русский язык теряют свою метафоричность, т.е. исходное метафорическое значение теряется, и слово в русском переводе употреблено в прямом значении:

1. *I ain't the sharpest tool in the shed.* - *я не самый умный.*

Красивая английская метафора, которая означает «острый инструмент в сарае», в русской версии сценария исчезает.

2. *But that's why we gotta stick together.* Ну вот почему *мы должны держаться вместе.*

«Быть вместе и поддерживать друг-друга» означает метафорически употреблённая фраза “sticktogether”. Английское слово “stick” приклеить, прилипнуть.

1. *Why the long face?* Что у вас за печаль. По – русски “long face” – вытянувшееся лицо, описывает внешний вид расстроенного или огорчённого человека.

Цитата из старого английского анекдота про лошадь, которая пришла в бар и услышала о бармена “*Why the long face?*” Не смотря на то, что в русском языке существует фраза «*У него аж лицо вытянулось*», русская версия этой фразы в фильме следующая: «*Что у вас за печаль?*».

Б. Или, наоборот, русская версия перевода предлагает красивую метафору, в то время, как в оригинале она отсутствует. Таких примеров было найдено больше

1. *Many brave knights had attempted to free her from this dreadful prison, but none prevailed.*

Много храбрых рыцарей пыталось освободить её из ужасной темницы, но их всех ждала смерть.

В русской версии перевода метафора «ждала смерть» относится к такому типу метафор, когда человек мыслит явления природы или абстрактные понятия, как определённые константы, как лица или живые существа (например, «дождь идёт»).

2. *Shut ... up. Заткни ... хлебало.*

3. Известная английская фраза: “*Shutup*” или “*Shutit*” часто переводилась на русский как «*замолчать, заткнуться*» или говорят «*закрой рот*».

Русский перевод сценария предлагает глагол «захлопнись». Такой метафорический приём ещё более усиливает эмоциональную окраску и передаёт ещё большую раздражённость.

4. В фильме «Шрек Рождество» (“*Shrek The Halls*”) Шрек пытается организовать Рождество с помощью книги, которая называется “*Christmas for village idiots*”. В русском сценарии название этой книги звучит так: «*Рождество для сельских чайников*». Таким образом, чайник в русской языковой картине мира ассоциируется с идиотом.

8. Осёлпоётпесню “*Good morning*”:

В. Кроме того, есть примеры, когда «встречаются» две языковые картины мира, то есть совпадают. Причём наиболее часто в сценариях использован этот последний способ полного воспроизведения исходного метафорического значения (Глонти 2013).

Новые метафоры, обогащающие детскую языковую картину мира, имеют коммуникативную значимость. Дети не только слышат новую метафорическую единицу, они легко усваивают её концепт. Всё это говорит о том, что дети – мультилингвы легче и быстрее воспринимают новации.

Влияние англо-американских фильмов на формирование детской концептуальной картины мира, преобладание в детской речи метафор с универсальным способом концептуализации действительности говорят о том, что мы

стоим на пороге распада старой языковой картины мира и создания новой универсальной картины мира ребёнка.

В фильме очень редко встречаются примеры разного способа организации действительности. Они составили первую группу. Например, «*ботан*» в современном молодёжном дискурсе означает человека скучного, занудного, полностью увлечённого учёбой. В оригинале употреблены языковые единицы в прямом значении: *intellectualdweeb*.

Таким образом, в языке-переводе происходит усиление признака.

Во вторую группу вошли примеры метафор, которые присутствуют как в английской, так и в русской картинах мира. Поэтому при переводе мы наблюдаем полное воспроизведение исходного метафорического образа.

1. Сказочные метафоры «*палка-выручалка*» и «*волшебная палочка*» под влиянием фильма трансформируются, в результате чего появляется новое значение:

Forget-MeStick. Палка-Забывалка

Например, языковая единица «*ржаветь*», встречающаяся в русской картине мира «*за мной не заржавеет*», которое означает обещание отблагодарить за оказанную услугу, под влиянием англо-американского фильма меняет синтагматику:

Анализ эмпирического материала позволил выделить в особую группу такие метафорические конструкции, в которых при переводе сохраняется метафорический приём, но меняется способ его выражения:

Детские англо-американские мультипликационные фильмы являются одной из причин сближения разных картин мира, формирования современной концептуальной картины мира, создания новой универсальной языковой картины мира. Всё это является предпосылкой для рождения новой для нашего общества мультикультурной личности, ребёнка, способного освоить сразу несколько языков, личности с качествами языковой толерантности и культурной адаптации. Выход в свет «Мегамозга» послужил толчком для нашего дальнейшего исследования. Название фильма символичное, как будто само за себя говорит о беспредельных возможностях мультилингвизма

Таким образом, можно сделать вывод, что для англо-американских сценариев анимационных фильмов характерны метафорические выражения, основным принципом перевода которых на русский язык является полное воспроизведение исходного метафорического образа. Эти примеры и успех фильмов среди маленьких зрителей разных национальностей, на наш взгляд, говорят о том, что языковая картина мира склоняется больше в сторону универсального способа концептуализации действительности, нежели национально-специфичного.

Как отмечалось выше, И.Глonti рассмотрела также грузинские переводы анимационных фильмов и сопоставили их с английским и русским переводами. В следующих примерах можно встретить, как минимум, одну метафорическую единицу:

1. A: *There's really good-looking one I've got my eye on currently.*

G: *არის ერთი ძალიან ლამაზი გოგო რომელსაც სწორედ ახლა დავადავ თვალში.*

P: *Есть одна красotka, на которую я положил глаз.*

Необходимо отметить, что передача метафорических конструкций средствами другого языка всегда сопряжена со своеобразной трансформацией – иногда плана выражения, иногда плана содержания. Так, например, английское выражение - *alittleslow* – было перенесено средствами грузинского языка как - *გაბრუებულია*, а в русском языке наиболее близким по смыслу оказался сленговый глагол - *тормозит*.

A: *He's a little slow this morning.*

G: *ამ დღით რაღაც გაბრუებულია.*

P: *Сегодня утром он немного тормозит.*

Случаи замены литературных выражений сленговыми оборотами очень часты, что наводит на мысль о более заниженном стиле русской разговорной речи по сравнению с английской. Так вместо - *Let me spell it out for you* – в русском языке употреблено выражение – *разжевать* (широкий контекст – *разжевать и в рот положить, лишь проглотить останется*).

Интересно отметить, что в русских метафорических конструкциях чаще встречаются эллиптические конструкции, зато шире представлен фоновый материал.

Так, например, в английском выражении - *Justiceisanon-corrosivemetal* – уточняется, что справедливость – это особый металл, не поддающийся коррозии. Грузинская метаформа очень схожа как в плане выражения, так и в плане содержания:

სადასტოლოებობა უჯახო ლოობობა

Но в русском языке мы имеем эллиптическую конструкцию - *Справедливость не заржавеет*.

Тем не менее, при ее восприятии не возникает никаких проблем, ибо современный русский разговорный дискурс изобилует подобными конструкциями, но цепочка опущенных лексем легко восстанавливается, не удивительно, что в русском языке много конструкций с подобным компонентом:

За мной не заржавеет.

Что-то ты ржавеешь начал.

В когнитивных исследованиях метафора понимается как концептуальный феномен, способ концептуализации абстрактной или незнакомой сферы сквозь призму конкретной или интуитивно понятной сферы. Метафорические утверждения, по мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, могут столь же правдиво отражать реальность, как и неметафорические, буквальное выражения (Лакофф 1990:387).

Концептуальная метафора рассматривается как концептуальный механизм мышления, базирующийся на установлении ассоциативных связей, сходств и различий между явлениями мира и создающий на этой основе новые личностные смыслы, которые представляют субъективное отношение индивида к миру, его видение, его трактовку определенного фрагмента действительности. Являясь феноменом мышления и языковым явлением, концептуальная метафора обладает особым гносеологическим статусом, поскольку включается в процесс познания и отражения реальности. Метафора является языковым отражением важных аналоговых процессов, а также ключевым элементом концептуализации и категоризации действительности.

Причина распространенности и высокой степени конвенционализации отдельных метафор заключается в том, что именно эти метафоры содержат адекватные проекции на уже существующие культурные модели: проекция происходит только при

высокой степени подобия между элементами и связывающими их отношениями из области цели и элементами и связями в культурной модели.

Основы понимания сущности концептуальной метафоры в современной когнитивистике, теоретический фундамент исследования метафоры заложили труды многих зарубежных ученых (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, А. Барселона, А. Вежбицкая, М.Джонсон, Ю.Н. Караулов, Э. Кассирер, Дж. Лакофф, А.П. Чудинов, Й. Цинкен и др.).

Большой интерес представляет теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Исходной точкой в изучении метафоры, положившей начало отдельному направлению в когнитивной лингвистике, стала книга Дж.Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» («Metaphors We Live by» 1980). Американские исследователи полагают, что «метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь» и что «наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична». Система общепринятых концептуальных метафор неосознаваема: «в повседневной деятельности мы чаще всего думаем или действуем автоматически, в соответствии с определенными схемами» (Лакофф 1990:421).

Сущность концептуальной метафоры, отмечает В.Н.Телия, «состоит в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода». Концептуальная метафора способствует более полному уяснению сущности культурной модели, приводит к появлению логических следований и сложных умозаключений. Следует отметить, что концептуальные метафоры возникают в рамках общепринятой системы ценностей, опираются на традиционные для данного общества понятия и правила. Концептуальная метафора представляет собой смысловой стержень, организующий семантическое пространство текста, который рассматривается как целостный комплекс языковых, речевых и интеллектуальных факторов, в их связи и взаимодействии. Следовательно, концептуальная метафора является компонентом, способным обеспечить связность текста, его «организующий стержень».

Сила концептуальных метафор заключается в их постоянном бессознательном использовании: «все, на чем мы основываемся постоянно, неосознанно и автоматически, настолько сжилось с нами, стало частью нас самих, что мы не можем этому противостоять, часто просто потому, что это проходит незамеченным». Характерной чертой метафор является то, что они не исчезают, но остаются в человеческом сознании. Логические следствия их действия проявляются в особенностях нашего понимания мира». Кроме того, концептуальные метафоры системны, актуальной и перспективной является моделирующая или схематизирующая функция метафоры (функция создания определенной картины мира), представляющая собой комплексное функциональное явление, в котором реализуются когнитивная, и номинативная, и инструментальная и прагматическая функции (Телия 1996:158).

Метафора как один из основных приемов познания объектов действительности является неотъемлемым элементом семиотического пространства любой культуры. Метафора изучается философией и лингвистикой, психологией и математикой. Когнитивная лингвистика рассматривает метафору как фундаментальный когнитивный агент, который организует мысли человека, оформляет его суждения и структурирует язык. Творческое сознание автора преобразовывает конкретные представления об окружающем мире. Опыт взаимодействия с миром отражается на языковом уровне. Представляя собой вербализованный способ мышления, концептуальная метафора образует согласованные системы, в терминах которых мы осмысливаем опыт. Любой системообразующий фактор начинается с субъективного восприятия действительности. Метафорические основы человеческого мышления предполагают не только системность во взаимодействии элементов семантических полей, но и прагматические модификации.

Языковая картина мира тесно связана с метафорой как одним из способов ее создания и представляет собой не зеркальное отображение мира, а именно картину, т.е. интерпретацию, зависящую от призмы, через которую совершается мировидение. Являясь по своей сути когнитивным явлением и важным элементом концептуальной картины мира, метафора «поставляет» для нее призму видения и познания, как

правило, мало изученных или недоступных непосредственному наблюдению вещей. Метафорические выражения языка не только отражают и эксплицируют метафорическое восприятие действительности, но и во многом формируют его, поскольку означаящим или вспомогательным субъектом метафоры становятся явления, уже концептуализированные и отраженные в значениях слов. Поэтому изучение системности метафорических переносов в рамках различных сфер опыта позволяет проникнуть в структуры человеческого мышления и понять, каким образом мы представляем себе окружающий мир и свое место в нем. Метафору можно рассматривать как инструмент исследования картины мира.

Анализ англо-американских анимационных фильмов позволяет утверждать, что инокультурные метафорические модели, благодаря высокой популярности текста-источника, распространяются в грузинской и русской языковой среде и оказывают сильное влияние на формирование языковой и концептуальной картины мира детей-мультилингвов. Если при изучении иностранного языка уже сложившейся языковой личностью наблюдается процесс наслаивания инокультурных концептов на национальную картину мира, то в случае, когда реципиентом, принимающим новую /или новые культуры, является формирующаяся детская языковая личность, в этом случае складывается новая поликультурная концептуальная система. В этой системе появляется больше новых универсальных значений, которые одинаково осознаются детьми – мультилингвами. Всё это создаёт почву для успешной межкультурной коммуникации.

Итак, нашу третью главу мы посвятили исследованию процесса формирования концептуальной картины мира и метафорическому моделированию языковой картины мира детей – мультилингвов на материале детских англо – американских анимационных фильмов и их версий, дублированных на грузинский и русский языки. Проанализировав некоторые «животные метафоры», мы показали, как под влиянием современных англо-американских концептов формируется, или меняется концептуальная картина мира детей – мультилингвов, что позволяет говорить о фактах трансформации концептуальной метафоры.

Подводя итог вышеизложенному, хочется отметить, что мир бесконечен и загадочен для человека, а человек конечен и ограничен в своих познавательных возможностях. Тем не менее «говорить об ограниченности самих человеческих (познавательных) возможностях так определённо не стоит, так как сами человеческие ресурсы не до конца изучены и познаны» (Тхорик, Фанян 2006:55). В.И. Постовалова отмечает: «Вместо определения человека как *homo sapiens* (человек разумный), *homo faber* (человек созидающий), *homo loquens* (человек говорящий), *homosociologicus* (человек социологический), *homo psychologicus* (человек психологический) М.С.Каган предлагает определение человека как *homo agens*-человек действующий» (Тхорик, Фанян 2006:44). Всякий творящий (созидающий) есть действующий. «Креативность, рождающаяся в рамках моделирования и нарушения правил, вследствие этого устанавливающая новые правила в виде исключения из правил, представляется важным фактором в жизни языковой личности» (Тхорик, Фанян 2006:45).

Мышление богаче языка: «процесс мышления заключается в образовании всё новых связей между различными представлениями и понятиями, для него характерна постоянная «текучесть» (Тхорик, Фанян 2006:51). Отсюда, концептуальная картина мира, отражённая в голове человека, представляется богаче языковой картины мира. Сложность, непостоянство, вариативность, «текучесть», «размытость и нечёткость» картины мира дают возможность развития и бесконечного изменения (Тхорик, Фанян 2006:51). Конечно, взаимопонимание людей достигается с помощью общих элементов картины мира, общих представлений о мире. Но что происходит, когда меняются глобальные картины? «Новое умо-зрение даёт новую оче-видность (выражение С. Е. Никитиной), т.е. когда смена интерпретативного ключа приводит к новым интерпретациям мира...» (Тхорик, Фанян 2006:52).

Новые интерпретации мира выражаются в метафорах. Конечно, метафора входит в языковую компетенцию, в языковую картину мира, но её необходимо узнать, понять, интерпретировать: «А что же такое интерпретация как не объяснение» (Тхорик, Фанян 2006:54). Согласно Б.А. Серебренникову, объяснение представляется понятием

концептуальной картины мира. Итак, наряду с языковой компетенцией возникает необходимость признания концептуальной компетенции.

При таком подходе мы рассмотрели метафоры из текстов современных англо-американских фильмов, пользующихся большой популярностью среди детской аудитории. Основанные на принципах постмодернизма, рушащего стандартные представления о мире, эти фильмы демонстрируют если не распад картины мира, то её новую интерпретацию.

Вернёмся к вопросу о том, что происходит при изменении глобальной картины и ответим распространённой фразой: «разрыв в понимании» (Тхорик, Фанян 2006: 51). Путь к пониманию или взаимопониманию нелёгкий. Для многих учёных все эти изменения, несовпадения картин мира послужили материалом для анализа. Цель одна - подчеркнув национальную специфику и оригинальность картины мира, обеспечить «пересечение духовных миров людей» (Тхорик, Фанян 2006:51), сблизить людей, их миры и культуры, создать успешную межкультурную коммуникацию. В конце концов, всё, что когда-то было новым или чуждым становится хорошо знакомым, легко объяснимым. Как отмечает Н. С. Автономова, «первые мыслительные схемы, логические фигуры силлогизмов были поначалу различны у разных народов. Однако постепенно эти мыслительные схемы унифицировались» (Тхорик, Фанян 2006:55).

Наше исследование, проводимое в данном русле, берёт немного другой угол. В. И. Постовалова выделяет разные типы картин мира, среди них детская картина мира, которую противопоставляет картине мира взрослого человека. ДЯКМ – это особый способ концептуализации действительности, так как процессы познания, освоения и переработки информации идут наиболее активно в детском возрасте. Идея антропоцентризма очень важна для развития лингвистики детской речи, особенно в изучении ДЯКМ. Ребёнок- это особый тип языковой личности, формирующий свой особый взгляд на мир. На наш взгляд, в наши дни невозможно говорить о специфике детской логики определённого народа. Ещё более особый взгляд на мир представляет концептуальная картина мира ребёнка-мультилингва, осваивающего два или несколько языков. Образ мира, запечатлённый в языке детей - мультилингвов, во многом

отличается от картины мира детей - монолингвов. Это объясняется свойствами мышления детей - мультилингвов, своеобразием их мироощущения и мировосприятия, особенностями языковой личности ребёнка мультилингва. Поэтому, нас заинтересовала специфика формирования языковой картины мира у детей - мультилингвов, а также влияние их языков на образное мышление и способы самовыражения многоязычного ребёнка.

Как отмечалось выше, феномен метафоры относится не только к сугубо языковой, но и концептуальной компетенции. Исходя из этого, мы рассмотрели, с одной стороны, метафоры животных (концепт осла, дракона и т.д.), как изменилась их классическая символика в анимационных фильмах и интерпретацию животных метафор, то есть, как объясняют их дети. С другой стороны, мы провели языковой анализ метафорических приёмов, использованных в анимационных текстах в свете их перевода с английского языка на грузинский и русский языки.

Определённая динамика, трансформация наблюдались и при анализе метафорических приёмов в анимационных текстах. Известная метафора «воздушный поцелуй» под влиянием зарубежной анимации видоизменяется и звучит следующим образом – «Буду присылать тебе авиапоцелуи каждый день».-“I'll send you air mail kisses every day” (из фильма о Шреке) Можно заявить, что родилась новая метафора «авиапоцелуй». Классические сказочные метафоры «палка-выручалка» и «волшебная палочка» под влиянием фильма трансформируются, в результате чего появляется новое значение: *Forget-MeStick. Палка- Забывалка* (фильм Мегамозг).

Итак, картина мира ребёнка-мультилингва - это образ, складывающийся из разных миров, культур, традиций и языков. Точки соприкосновения ведут к рождению и процветанию «нового мифического гибрида с новой языковой картиной мира, которую будет весьма любопытно изучать» (Тхорик, Фанян 2006:165).

В условиях современного общества любые изменения, «любое внешнее отступление от логики, зигзаги и повороты» (Тхорик, Фанян 2006:56) представляют большой интерес и неиссякаемый источник, который служит для нас благодарным материалом для анализа. В результате влияния англо-американских анимационных фильмов мы заметили некое видоизменение символика животных метафор. Дети, как

никто другой с большой охотой и лёгкостью воспринимают любые новации. Новые или старые метафоры, звучащие в фильмах в новом контексте и обогащающие детскую языковую картину мира, имеют коммуникативную значимость. Дети не только слышат новую метафорическую единицу, они легко усваивают её концепт.

Вышеприведенный анализ метафорических образов, которые меняются под воздействием популярных анимационных фильмов, продемонстрировал механизм появления новых прецедентов или этапы изменений старых. Дело в том, что усвоенный новый или трансформированный метафорический образ ложится в основе прецедента, который по мере функционирования становится все более распространенным, когда же его коннотативное значение становится известным большинству носителей данного языка, можно признать появление нового прецедента.

Глава III

Прецедентные феномены грузинского культурного пространства и особенности их перевода

3.1 Макроуниверсальные прецеденты

Выдвигая критерии отнесенности текста к прецедентному тексту, Ю.Н. Караулов говорил о том, что к прецедентным текстам нельзя отнести: 1) заявление об отпуске («этот жанр не обладает эмоциональной и познавательной значимостью, хотя является повторяющимся»); 2) текст газетного фельетона (этот текст характеризуется кратковременностью его жизни, недостаточной одновременной информативностью для членов общества); 3) тексты специальных работ («для ученого не должны считаться прецедентными тексты специальных работ – по тем же причинам») (Караулов 2007: 216).

Прецедентные тексты Ю.Н.Караулов характеризовал через понятие «хрестоматийность», которое распространяется не только на художественные тексты известных классиков литературы, которые включены в общеобразовательный курс литературы. Для представителей русской культуры такими хрестоматийными текстами, вне сомнения, будут произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя и др. В круг прецедентных текстов также входят тексты, существующие до художественной литературы «в виде мифов, преданий, устно-поэтических произведений», а также «библейские тексты и виды устной народной словесности (притча, анекдот, сказка и т.п.) и публицистические произведения историко-философского и политического звучания». В число хрестоматийных текстов, таким образом, не обязательно входят тексты, включенные в программу общеобразовательной школы, в них также входят тексты, о которых «говорящие так или иначе знают» (Караулов 2007:216).

Следствием хрестоматийности и общеизвестности прецедентных текстов является их «реинтерпретируемость», в результате которой прецедентные тексты «перешагивают рамки словесного творчества, где исконно возникли, воплощаются в

других видах искусств (драматическом спектакле, поэзии, опере, балете, живописи, скульптуре)» (Караулов 2007:217).

Таким образом, к определяющим характеристикам прецедентных текстов Ю.Н. Караулов относит: хрестоматийность и общеизвестность; эмоциональную и познавательную ценность; реинтерпретируемость, проявляющуюся в их многократной интерпретации (вопроизводимости) в различного рода текстах и дискурсах, что в итоге ведет к тому, что такие тексты становятся «фактом культуры» (Караулов 2007:217).

Выдвигая критерии отнесенности текста к прецедентному тексту, Ю.Н. Караулов говорил о том, что к прецедентным текстам нельзя отнести: 1) заявление об отпуске («этот жанр не обладает эмоциональной и познавательной значимостью, хотя является повторяющимся»); 2) текст газетного фельетона (этот текст характеризуется кратковременностью его жизни, недостаточной одновременной информативностью для членов общества); 3) тексты специальных работ («для ученого не должны считаться прецедентными тексты специальных работ – по тем же причинам») (Караулов 2007: 216).

Термин «прецедентный текст» оказался востребованным в среде ученых, в результате чего данный термин в ходе своего эволюционного развития, о котором пойдет речь в настоящей статье, приобрел множество «терминов-собратьев», включающих в свой состав определение «прецедентный»; наряду с узким толкованием получил широкую трактовку; явился объектом дифференцированного подхода к его изучению; расширил свое изначальное терминологическое значение за счет уточнения понятийных составляющих термина.

Термин «прецедентный текст» оказался весьма плодотворным в плане создания множества производных терминов, которую даёт в своём статье «эволюция прецедентных текстов» Н.В.Петрова: среди которых «прецедентное имя» (Красных 1998; Гудков 1999; Сергеева 2003; Прохоров 2004; Вацковская 2008), «прецедентные онимы» (Фомин 2003), «прецедентный топоним» (Березович 2002); «прецедентное высказывание» (Красных 1998; Гудков 1999; Прохоров 2004), «прецедентная ситуация» (Красных 1998; Гудков 1999; Прохоров 2004), «прецедентные феномены» (Красных

1998; Гудков 1999; Прохоров 2004; Смирнова 2008), «прецедентный жанр» (Проскурина 2004), «прецедентный мир» (Красных 1998; Слышкин 2000; Балашова 2008), «прецедентный образ» (Чумак-Жунь, 2005) и некоторые другие (Н.В.Петрова 2010:177).

Термин «прецедентный феномен» получил родовое значение по отношению к терминам «прецедентный текст», «прецедентное высказывание», «прецедентная ситуация» и «прецедентное имя» (Красных 1998; Гудков 1999; Прохоров 2004). Далее приведем дефиниции данных терминов по Ю.Е.Прохорову, при этом заметим, что его трактовки перекликаются с определениями Д.Б.Гудкова и В.В.Красных. Под прецедентным текстом понимается «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, (поли)предикативная единица; сложный знак», знакомый «любому среднему члену лингвокультурного сообщества»; «обращение к нему многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом высказывания и символы». Прецедентное высказывание – это «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, которая может быть и не быть предикативной». Типичным прецедентным высказыванием является цитата. Прецедентная ситуация – это «некая «эталонная», «идеальная» ситуация с определенными коннотациями». Примером прецедентной ситуации может служить ситуация предательства Иудой Христа, которая понимается как эталон предательства вообще. Прецедентное имя – это «индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных (например, Обломов, Тарас Бульба), или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (например, Иван Сусанин, Колумб)» (Прохоров 2004:150–152).

Термин «прецедентный феномен» достаточно емкий. Как к родовому термину к нему следует причислить и такие термины, как «прецедентные онимы», «прецедентный топоним», которые к тому же входят в качестве гипонимов в понятие «прецедентное имя», а также термин «прецедентный жанр» и «прецедентный образ»; последний является гипонимом термина «прецедентный текст».

Известен термин «прецедентный мир» (Красных 1998; Слышкин 2000; Балашова 2008). Под прецедентным миром понимаются «комплексные лингвоконцептологические образования, интегрирующие отдельные прецедентные феномены» (Балашова 2008:4). Так, можно говорить о прецедентном мире «Детство» (Балашова 2008), прецедентном мире отдельного художественного произведения, идиостиля, литературного направления, прецедентном мире политического дискурса и т.п.

В соответствии с уровнями языковой личности или, точнее, уровнями сознания языковой личности, выделяются уровни прецедентности: автопрецедентный, социумно-прецедентный, национально-прецедентный и универсально-прецедентный уровни. Для каждого уровня, как отмечает Ю.Е. Прохоров, характерны свои прецедентные феномены (Прохоров 2004:148).

Национально-прецедентному уровню свойственны национально-прецедентные феномены, которые «известны любому среднему представителю того или иного в лингвокультурном сообществе и входят в когнитивную базу этого сообщества» (Прохоров 2004:149). Универсально-прецедентный уровень представлен универсально-прецедентными феноменами, которые «известны любому современному полноценному *homo sapiens* и входят в универсальное когнитивное пространство человечества» (Прохоров 2004:149).

В.В. Красных, в отличие от Ю.Е. Прохорова, выделяет три типа прецедентных феноменов: социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные (Красных 1998:96)

Несколько иную трехуровневую классификацию прецедентных текстов, входящих в «интертекстуальную энциклопедию», предлагает Г.В. Денисова (Денисова 2003:148).

Г.В. Денисовой различаются три типа интертекстуальной энциклопедии: универсальная, национальная и индивидуальная. Универсальная интертекстуальная энциклопедия включает тексты мировой литературы, известные представителям

разных лингвокультурных сообществ. Национальная интертекстуальная энциклопедия представлена текстами национальной культуры, общими для представителей одной лингвокультурной общности.

Классификация прецедентных единиц в научной литературе производится по разным признакам. Большой интерес представляет собой выделение структурных и тематических групп прецедентных единиц (прецедентные имена, зоонимы, прецедентные высказывания, прецедентные тексты). Часто прецедентные единицы противопоставляют по степени их распространенности в разных культурах.

По ареалу их функционирования прецеденты обычно делят на две противопоставленные группы, так называемых общечеловеческие и национальные прецеденты, мы хотим обосновать неточный характер первого термина и предложить три группы прецедентных единиц:

- а) макроуниверсальные (характерные для большинства культур);
- б) региональные (ограниченные рамками общественно-политической общности или геополитического региона);
- в) национальные, характеризующиеся особой культурной самобытностью.

Термин «макроуниверсальный» был предложен профессором Д.З.Гоциридзе не случайно. Дело в том, что многие прецедентные единицы, которые в научной литературе именуются общечеловеческими, невозможно так назвать в силу условности самого термина. Трудно представить себе, чтобы в каком-либо европейском языке не было бы известно прецедентные имена Гамлет, Офелия, прецедентное высказывание – *Быть или не быть, вот в чем вопрос!* Но для целого ряда племен Африки эти имена ни о чем не говорят, также. Как и для аборигенов Австралии. Поэтому термин макроуниверсальный представляется нам более удачным. К макроуниверсальным прецедентам мы относим:

- 1) Мифологемы (*нить Ариадны, Гордиев узел, Домоклов меч* и пр.);

2) Библиизмы/исламизмы, ареал распространения которых очень широк в силу надэтнического характера христианской и исламской религий (*Адам и Ева, змей-искуситель, Иуда, Земля обетованная, Мохамед, Али и пр.*);

3) Макроуниверсалии литературного происхождения (из произведений таких метров, как Шекспир, Драйзер, Гейге, Гете и пр.);

4) Макроуниверсалии общественно-политического характера (*президент, Петр Первый, Гитлер, Сталин, Белый лис и пр.*);

5) Макроуниверсалии из мира спорта (*Пеле, Марадонна, кубок УЕФА и пр.*);

6) Макроуниверсалии из мира шоу-бизнеса (*Мадона, Майкл Джексон и пр.*).

Что касается региональных и национальных прецедентов, о которых речь пойдет в следующих параграфах данной главы, то необходимо отметить, что региональные можно понимать двояко:

1) в качестве гео-политического региона, или только географического (например, прецеденты разных народов, населяющих тундру, или горы);

2) прецеденты, ограниченные рамками общественно-политической общности – именно к таким прецедентам относятся единицы, распространенные в пятнадцати национальных республиках, с входящими в них национальными автономными республиками и областями. Условно мы будем называть эти прецеденты единицами эпохи НОМО SOVIETIKUS.

Огромное поле подобных прецедентов можно условно поделить на следующие группы:

1) Прецедентные единицы из русских фольклорных текстов, которые распространились во всех союзных республиках (*Илья Муромец, три богатыря, в ногах правды нет, семь бед – один ответ и пр.*);

2) Прецедентные единицы литературного происхождения (из произведений русских и советских мастеров слова: *Любви все возрасты покорны, Обломов, Мертвые души, засаленная трешка, отец народов и пр.*);

3) Прецедентные единицы общественно-политического характера (*Аз есмь царь, Иван Грозный, Хрущев, Борис Ельцин, политбюро и пр.*);

4) Прецедентные единицы из мира спорта (*Яшин, чемпион СССР, Санаев, Каспарови пр.*);

5) Прецедентные единицы из мира шоу-бизнеса (*Алла Пугачева, Райкин, кавказская пленница, и пр.*).

Естественно, что прецеденты второй группы различаются периодом своего существования, ибо прецедентные единицы советской эпохи после развала Советского Союза, хоть и употребляются в языках государств постсоветского пространства, но все реже и реже, тогда как общие прецеденты, вызванные географической близостью, навсегда вошли в уклад народов, там проживающих, например, прецедентные единицы, характерные для населения Кавказа (хотя Северный Кавказ и Южный Кавказ имеет разное политическое деление), как например:

джигит, джигитовать, горный козел, аксакал, папаха.

Прецеденты всех разновидностей обладают большим объемом свернутой информации представляют определенные сложности при переводе, но особые трудности возникают в связи прецедентными единицами, характеризующимися национально-культурной спецификой.

3.2 НАЦИОНАЛЬНЫЕ ФЕНОМЕНЫ ГРУЗИНСКОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

У каждого народа, каждой нации есть свои собственные представления об окружающем мире, о людях, о представителях другой культуры. Каждый язык по-своему членит мир, имеет свой способ его концептуализации. В обществе складываются определенные стереотипы – как относительно самих себя, относительно поведения и традиций в пределах своего культурного пространства, так и относительно представителей другого языкового и культурного пространства. В работах многих исследователей национальный характер предстает как специфическая совокупность реальных черт нации. Отмечая национальную специфику каждого народа, в нее включают: самосознание, привычки, вкусы, традиции, связанные с национальными чувствами, национальную культуру, быт, национальную гордость и национальные стереотипы в отношении к другим народностям. Выяснилось, что у большинства людей существуют весьма устойчивые стереотипы по отношению к определенному национальному характеру, т. е. убежденность, что представители одних наций демонстрируют достаточно стойкие представления о существовании у других наций конкретных комплексов черт. Важно, что часто эти стереотипы зависят от того, как эта нация "себя ведет" в данный временной период.

Одним из средств представления эмоциональной оценки в тексте служат прецедентные единицы, метафорическая природа которых лингвистами связывается с эмотивностью. Отталкиваясь от точки зрения исследователя эмоционально-оценочной лексики Н.А.Лукияновой, мы относим прецедентные тексты к лексическим средствам выражения эмоциональной оценки (Лукиянова 1986:186). Как известно, прецедентные тексты являются неотъемлемым компонентом когнитивной базы языкового коллектива, отражают различные аспекты чувственного восприятия мира. Прецедентные тексты представляют собой «готовые формулы», в которых закреплена многовековой опыт человечества, результат его познавательной деятельности. С помощью них раскрывается внутренняя и внешняя жизнь народа со всеми ее проявлениями, дается ее оценка. Мы также учитываем возможность отображения в прецедентных текстах особенностей национального характера, которые прослеживаются при анализе прецедентных текстов, изъятых из грузинских публицистических текстов.

Прецедентные тексты употребляются грузинскими журналистами в различных материалах и ситуациях, с различными целями, и при этом, проникая в текст, они каждый раз наполняются конкретным содержанием, обусловленным конкретным контекстом. Прецедентные тексты используются авторами чаще в тех случаях, когда журналисты хотят передать неординарность ситуации, что, в свою очередь, невозможно без выражения оценки. По словам Е.В. Дегтевой и М.А. Ягубовой, оценка является «собственно человеческой» категорией: «с одной стороны, она позволяет говорящему выразить отношение к любому жизненному факту, событию, лицу и т.д., с другой стороны, она ярко характеризует самого оценивающего человека» (Е.В.Дегтевой, М.А.Ягубовой 1999:192). Поэтому оценка относится к важнейшим средствам выражения доминанты газетной речи, осуществляет воздействующую функцию публицистического текста.

В результате анализа исследуемого языкового материала (извлеченных в результате сплошной выборки из газет «Аджара P.S.», Квирис палитра», «Тбилисская неделя», Ахали таоба», Схели шоколади») с эмоционально-оценочной точки зрения нами были выделены прецедентные тексты с отрицательной и положительной коннотацией. Самую многочисленную группу из общего числа всех прецедентных текстов, собранных нами в исследуемых СМИ, составляют прецедентные тексты с отрицательной коннотацией (около 80 %), тогда как прецеденты с положительной коннотацией составили лишь около 15 % (около 5 % составили прецеденты с нечеткой коннотацией).

Как показывают результаты анализа, самый большой разрыв между количеством прецедентных текстов, выражающих противоположную коннотацию, оказался у вышеупомянутых изданий. Данные факты свидетельствуют о том, что прецедентные тексты с отрицательной коннотацией наиболее часто используются в материалах социально-политического и экономического характера, каковыми и являются вышеупомянутые издания. Для выражения положительных эмоций прецедентные тексты грузинскими журналистами используются крайне редко.

В этом аспекте также можно выделить две немаловажные цели использования грузинскими журналистами прецедентных текстов: одобрение и порицание

(осуждение) – так называемые «эмоционально-оценочные регулятивы». Как отмечает Л.Г.Бабенко, «этот тип речевых оценочных высказываний характеризуется ориентацией на собеседника, включает при этом все виды похвал и оскорблений. Основное средство их манифестации – коннотативно-эмотивная лексика, ярче всего обнажающая межличностные отношения» (Л.Г.Бабенко 1989:122).

Вторая группа многочисленнее, что еще раз подтверждает наш вывод относительно преобладания отрицательной оценочности в текстовом поле региональных СМИ. Данные функции (одобрение и порицание) соотносятся, по нашему мнению, с воздействующей функцией. Как считает М.А.Кормилицына, автору важно выразить свое эмоциональное состояние прежде всего для того, чтобы вызвать подобное же чувство у читателей (М.А.Кормилицына 2005:19): выражая положительную оценку поступков, поведения героев материала, автор рассчитывает вызвать у адресата положительную эмоциональную реакцию, и наоборот. В основе одобрения лежит интерес и внимание к объекту, в основе порицания – отрицательное отношение к нему:

– *«Дом стал яблоком раздора»* (Десяток семей незаконно вселились недостроенный дом в Диди Дигоми - Тбилисская неделя 2013 №3).

– «Газета TheTimes извинилась за «утку» (О катарской лиге чемпионов (Тбилисская неделя 2013)).

Посредством прецедентных текстов авторы дают оценку действиям представителей разных социальных слоев, в частности, чиновников. Каждому автору присущи свои речевые обороты, определенный стиль, что характерно и для единиц, выражающих эмоциональную оценку. Остановимся подробнее на «интенциональной функции» прецедентных текстов. Мы имеем в виду использование их в качестве средства создания образа самого автора. Содержание текста, как известно, является для его создателя одновременно и объектом изображения, и объектом сопереживания. Анализ изучаемых языковых единиц позволяет глубже раскрыть идеи и мысли автора, осознать авторское мировоззрение. Как нам представляется, употребление прецедентных текстов, обнаруженных нами в исследуемых материалах, связано прежде

всего со стремлением авторов к образности, точности изображения. Насыщенность некоторых материалов разнообразными прецедентными текстами свидетельствует об образованности создателей текстов, их прекрасном владении фоновыми знаниями. Здесь считаем уместным обратиться к такому термину, как «языковая личность» (термин Ю.Н. Караулова), проблему которой рассматривают сейчас современные направления филологии. Т.И.Ерофеева, ссылаясь на многочисленные исследования, справедливо заметила, что «язык индивида – это не только язык человека определенной профессии или возраста, это речевой стиль личности как таковой» (Т.И.Ерофеева 1990:103).

Таким образом, многие прецедентные тексты характеризуют не только героев текстового материала, на которых прецедентные тексты направлены, но и авторов этого текста. Исследуемые языковые единицы «помогают читателю легко определить эмоциональное состояние автора». В результате, как отмечает М.А.Кормилицына, формируется единое эмоциональное пространство автора и читателя (М.А.Кормилицына 2005:23). По тому, как журналист пишет, какие дает оценки, мы судим о его интеллекте, моральных нормах. Как отмечает Т.Ю.Колясева, некоторые отрицательно-оценочные наименования «выполняют функцию своеобразного зеркального отражения» (Т.Ю.Колясева 2008:52). Эти негативные оценки очень часто оказываются удивительно точными.

Рассмотрев данные оценочные единицы, мы имеем возможность определить систему ценностей автора, его мировоззрение. Именно в использовании анализируемых языковых единиц репрезентуется внутренний мир журналиста. Изображая предметы и явления окружающей действительности, журналист вводит адресата своих текстов в свой внутренний мир, раскрывая свой психологический портрет.

Грузинские журналисты используют прецедентные тексты не только как средство образной характеристики, зачастую с их помощью высказывают свои мысли, мнение о происходящем в регионе, выражая при этом свои эмоции, часто иронизируя над тем, что происходит в окружающем мире:

– «Rac mtrobas daungrevia» Статья о войне в Грузии 2008г. (Аджара P.S. 2011წელი, 16 აგვისტო, #20 (616)).

Необходимо также отметить стимулирующую функцию (Н.Д. Арутюнова) прецедентизмов:

– «gogolis pelage TbilisSi, troas Cxeni baTumSi, brejnebis unitazi da wisqvilis virebi...». (статья посвящена критике президента грузии)

- «*mkvdari sulebi tbilishi* (Мертвые души в Тбилиси),
- *troas cxeni batumshi* (Троянский конь в Батуми)»

Говоря о функциях прецедентных текстов, нельзя не упомянуть интерпретационную функцию (Л.Г. Бабенко), посредством которой автор дает эмоциональную оценку мира, действительности. Данная категория достаточно объемная, назовем ее самые распространенные группы:

1) характеристика персоналий

– «СЕРЫЙ КАРДИНАЛ» Путина посетил Грузию (Тбилисская неделя №29 2013г; Статья посвящена визиту мульти-милардела Виктора Векселберга в Грузию).

2) характеристика взаимоотношений героев:

– «zurabzviadaurissaxls13 tyviaesroles, xevsurulivendettaaxmetaSi (ახალითაობა3 /01/2013г, №1 (6002))

Добавим, что оценка реальных событий может быть, как основной, так и сопутствующей целью высказывания. В первом случае она служит непосредственному выражению оценочного отношения к излагаемому. В данном случае оценка имеет характер дополнительной информации, накладывающийся на основное содержание, поэтому различают собственно-оценочные и несобственно-оценочные высказывания (Г.Н.Иванина1984:102).

Объясняя причину какого-либо события, явления с помощью прецедентного текста, автор неосознанно дает характеристику сообщаемому факту, но в некоторых случаях активизируется эстетическая функция; в этом случае анализируемые языковые единицы призваны исключительно украшать речь.

3) эстетическая функция; в этом случае анализируемые языковые единицы призваны исключительно украшать речь:

– Звезда компьютерного счастья Одри Хепберн возродили в рекламных роликах (Тбилисская неделя 2013 №10,11).

вывод, умозаключение:

– «Комсомолка, спортсменка, красавица... и так уже 40 лет»
(Тбилисская неделя 2013 №12)

В целом среди прецедентных текстов преобладает антропоцентрическая оценка (окружающий мир в восприятии человека), которая с особой силой проявляется единицах, порожденными фольклорными жанрами, в частности, широко используются в речи, в том числе и рекламной, поговорки. В.И.Даль определяет поговорки как «складную, короткую речь, ходящую в народе, но не составляющую полной пословицы; поучение в принятых, ходячих выражениях; слово или реченье, которое приговаривают кстати или некстати, по привычке» (В.И.Даль 1995:155). Дав такое определение, В.И.Даль акцентировал внимание на специфических чертах малого фольклорного жанра: краткость; острота и актуальность; определенная частотность употребления.

Таким образом, в материалах грузинских журналистов прецедентные тексты выполняют целый ряд различных функций: помимо эмоциональной оценки, они также уточняют, конкретизируют ту информацию, которая была дана выше. При этом можно добавить, что в целом среди прецедентных текстов преобладает антропоцентрическая оценка (окружающий мир в восприятии человека), что обусловлено, конечно же, природой жанров исследуемых материалов.

Являясь одним из древних фольклорных жанров, поговорки широко используются в речи, в том числе и рекламной. Так, В.И.Даль определяет поговорки как «складную, короткую речь, ходящую в народе, но не составляющую полной пословицы; поучение в принятых, ходячих выражениях; слово или реченье, которое приговаривают кстати или некстати, по привычке» (В.И.Даль 1995:155). Дав такое определение, В.И.Даль акцентировал внимание на специфических чертах малого фольклорного жанра:

- краткость;
- остроту и актуальность;
- определенную частотность употребления.

Пословицы и поговорки, по свидетельству В.Гиляровского, активно использовались в рекламных текстах. Очевидно, что они широко представлены и в других рекламных текстах, существующих уже не одно столетие, — припевах и призывах корабельников, текстах к лубочным картинкам, в поэтике рекламного и политического плаката. Таким образом, употребление поговорок в рекламном тексте повышает частотность их употребления и, как следствие, делает их более широко известными. Схожими признаками обладают и тексты, которые в 1986 году Ю.Н.Караулов назвал прецедентными. Он определил их как тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» (Ю.Н.Караулов 1987:33), а также обозначил фольклор как один из источников прецедентных высказываний: «В самом общем смысле можно было бы сказать, что состав прецедентных текстов формируется из произведений русской, советской и мировой классики, имея в виду, что сюда входят и фольклорные шедевры» (Ю.Н.Караулов 1987:35).

Употребление в рекламном тексте пословиц и поговорок, часто являющихся прецедентными высказываниями, связано с ассоциациями с определенной речевой

ситуацией — продолжая свое существование без первоисточника, они цитируются «к месту», являются «репродуцируемым продуктом речемыслительной деятельности, законченной и самодостаточной единицей, которая может быть или не быть предикативной»(Д.Б. Гудков 2003:114). Например, в современных рекламных текстах народные поговорки, ставшие прецедентными высказываниями, представлены очень широко: Здоровье не купишь, Здоровью цены нет. Авторы рекламных текстов представляют поговорку как непреложную истину. Частой формой высказывания, в которую включен фольклорный жанра является «очевидно, что», «всем известно / известно, что» и др.

Как самостоятельный текст пословица представляет собой завершенный отрезок общения и обладает текстовыми функциями, находящимися в следующих иерархических отношениях: 1) кумулятивная, 2) моделирующая, 3) оценочная, 4) директивная и 5) орнаментальная. Текстовые функции и прецедентный характер пословицы обуславливают специфику ее употребления в речи. Пословица как прецедентное высказывание всегда употребляется «к месту» в речевом отрезке, произносимом в конкретной социальной ситуации при решении поставленных практических задач для достижения определенного результата, необходимого для того, кто употребляет пословицу, т.е. в различных типах дискурса, в частности, при аргументировании:

– «Gadaxda unda valsao» (kviris palitra11-17/03/ 2013N°11)

В названиях рекламных статей часто встречаются прецедентные высказывания, ориентированные на другой источник - литературно-художественный. В грузинской публицистике часто цитируются афоризмы из известной каждому грузину поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре»:

- *Кто себе друзей не ищет, самому себе он враг;*
- *Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны;*
- *Что находится в кувшине, то и льется из него.*

Важнейшим структурным и семантическим элементом рекламного текста является рекламное имя. Находясь «над» текстом, оно является относительно самостоятельным, реализует основные ключевые функции языка — общение, сообщение, воздействие. Коммуникативная функция рекламных имен реализуется в их

способности участвовать в цепочке: Адресант—Сообщение—Адресат. В современном рекламном дискурсе широко представлены названия, построенные по разным принципам. Так, сохраняется традиция прямой номинации, при которой адресат получает всю необходимую ему информацию о виде и сфере деятельности компании полностью и не завуалированно. Не менее интересной формой названий представляются и рекламные имена, построенные по принципу речевой игры. Прецедентность является важной формой речевой игры в современном языке рекламы. Отсылая адресата к источнику прецедентного высказывания и формируют таким образом его представление об оказываемой услуге.

Продолжение традиции персонификации владельца в современном языке рекламы вылилось в создание ряда говорящих имен, являющихся названиями. Обладая скрытым смыслом, на котором построена игра слов, и организованные по морфологическим нормам грузинского языка, говорящие имена позволяют передать потребителю сообщение о достоинстве предлагаемых услуг, их качестве и обеспечивает речевое воздействие. Многие имена собственные являются прецедентными рекламными именами, игра слов в которых основана на дополнительных смыслах и вызываемых ассоциациях, а сама говорящая фамилия является широко известной. Например, название ресторана Бухарин. В нем, с одной стороны, обыгрывается значение жаргонизма бухать — употреблять спиртные напитки. С другой — звучная фамилия Бухарин не является результатом речетворчества, а принадлежит известному историческому деятелю, не связанному с ресторанным бизнесом. Источниками прецедентных высказываний могут стать и формулы речевого этикета, обыгранные в названиях известных фильмов. Проигрывая рекламным именам, построенным по принципу речевой игры в лаконичности и броскости, прецедентные названия в большей мере воздействуют на потребителей, поскольку в их восприятии задействованы фоновые знания адресата.

Так в 2011 году на одном из британских политических веб-сайтов Михаил Саакашвили был назван *«современным Давидом Строителем»* (<https://kularuli.wordpress.com/2011/02/01>).

В заголовке статьи Тото Цецхладзе (2013-03-20 09:25:37) – *“ginda iyo giorgi saakadze, raata unda gawiro”* (Хочешь быть Георгием Саакадзе – должен пожертвовать Паатой) использование прецедентных имен базируется на большом объеме фоновой информации из истории Грузии.

Очевидно, что при всей самостоятельности торговое имя является также важным компонентом рекламного текста, в котором оно неоднократно называется, что повышает частотность употребления имени собственного, и обыгрывается. Одна из задач рекламного имени — подготовка к прочтению всего текста в целом. Определений текста в отечественной лингвистической школе существует множество. Так, М.М.Бахтин считает текстом «знаковый комплекс, относящийся к высказываниям и имеющий те же признаки, что и высказывание» (М.М.Бахтин 1986:310). Ю.М.Лотман утверждает, что текст есть «сложное устройство, хранящее многообразные коды, способные трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как трансформационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» (Ю.М.Лотман 1998:130). П.Я.Гальперин определяет текст как «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» (И.Р.Гальперин 1981:18). Е.С.Кубрякова предлагает называть текстом «информационно самостоятельное речевое сообщение с ясно оформленным целеполаганием и ориентированного по своему замыслу на своего адресата» (Е.С.Кубрякова 2001:76). В связи с этим нельзя не уделить внимания группе рекламных имен, которые являются аллюзиями.

Источниками прецедентных высказываний в данном случае стали поговорки и формулы речевого этикета, обыгранные в названиях известных фильмов. Проигрывая рекламным именам, построенным по принципу речевой игры в лаконичности и броскости, прецедентные названия, однако, в большей мере воздействуют на адресата, поскольку в их восприятии задействованы фоновые знания адресата.

Важная для средств массовой информации направленность на экспрессивность образов и доступность изложения заставляет искать соответствующие языковые средства, позволяющие наиболее лаконично, ярко, быстро и эмоционально воздействовать на читателя. Поэтому для публицистики особенно характерна интертекстуальность, одним из вариантов проявления которой является использование прецедентных феноменов.

В течение многих лет пословица являлась самостоятельным объектом исследования, но до сих пор не существует единого мнения по вопросу о том, какие языковые единицы следует относить к разряду пословиц. При разрешении данного вопроса принимались во внимание культурологические характеристики пословиц, проблема их авторства, форма и структурная завершенность, автосемантичность и особенности реализации плана содержания (значения), а также функции и прагматические установки.

Пословицы – это широко известные краткие народные изречения, передаваемые из поколения в поколение, имеющие форму замкнутых предложений и обладающие способностью автосемантического прагматически ориентированного функционирования. В них в обобщенно прямом или образно переосмысленном виде отражен жизненный опыт народа, представленный через констатацию свойств людей и явлений, их оценивание и предписание определенного образа действия.

В изолированном виде данные народные изречения существуют только в словарях, между тем они очень часто употребляются в речи. Для того чтобы понять природу функционирования пословицы в речи необходимо ответить на вопрос: является ли пословица фразеологизмом или самостоятельным текстом. В диссертационном исследовании поддерживается точка зрения, согласно которой пословица занимает срединное положение между фразеологизмом и текстом, сочетая в себе характеристики и тех и других единиц.

Как самостоятельный текст она представляет собой завершенный отрезок общения и обладает текстовыми функциями, находящимися в следующих

иерархических отношениях: 1) кумулятивная, 2) моделирующая, 3) оценочная, 4) директивная и 5) орнаментальная.

Основным свойством фразеологических единиц является их воспроизводимость. Пословица, так же как и фразеологизмы, вводится в речь в готовом виде. Воспроизводимость пословицы связана с ее существованием как прецедентной единицы в структуре языковой личности, отражающей ее жизненное кредо. Пословица обладает потенциальной способностью выступать в качестве прецедентного текста, так как она 1) легко запоминаема из-за ритмически организованной формы и образного наполнения; 2) обладает свойством универсальности; 3) способна быть значимой для языковой личности, поскольку выражает ее жизненную доминанту и поэтому часто используется в речи; 4) имеет сверхличностный характер, т.е. известна и узнаваема широким кругом людей, так как является текстом межпоколенной передачи; 5) составляет неотъемлемую часть культуры народа и в силу этого имеет культурную значимость.

Текстовые функции и прецедентный характер пословицы обуславливают специфику ее употребления в речи. Пословица как прецедентное высказывание всегда употребляется «к месту» в речевом отрезке, произносимом в конкретной социальной ситуации при решении поставленных практических задач для достижения определенного результата, необходимого для того, кто употребляет пословицу, т.е. в различных типах дискурса, в частности, при аргументировании.

Несмотря на довольно большое число работ по различным аспектам аргументации, не представляется возможным говорить о наличии целостной теории. Проблема аргументации продолжает оставаться одной из самых сложных в логике и почти незатронутой в лингвистике. Естественно-языковая аргументация сравнительно недавно стала предметом изучения. Сложность определения и построения теории аргументации заключается в комплексном характере последней. Поэтому дать определение аргументации, которое бы в равной мере устроило всех специалистов, вряд ли возможно.

Аргументирование представляет собой форму деятельности человека, в которой он реализует себя как языковая личность и в которой оказываются задействованными его знания и представления, система ценностей и здравый смысл, коммуникативные навыки и логическая культура, его эпистемическое и эмоциональное состояния, социальные параметры аргументативной ситуации. Все это свидетельствует о сложной природе аргументации как процесса и объясняет интегральный характер теории аргументации.

Аргументация реализуется как аргументативный дискурс, определяющими особенностями которого становятся: противоречие, выражающееся в когнитивном или аксиологическом конфликте, в столкновении мнений, и противопоставление как когнитивное моделирование сообщения, как техника убеждения. Аргументативный дискурс – это социальное действие, выполняемое пользователями языка в процессе общения друг с другом в социальных ситуациях, требующих убеждения одного из участников коммуникации в чем-то, и осуществляемое в рамках того или иного общества и культуры в целом.

Вербальная деятельность человека в процессе аргументации подразумевает формулирование аргументативной речи на основе единиц вербально-семантического, лингвокогнитивного и мотивационного уровней его языковой личности, отношений между ними и стереотипов их образования. Одной из составляющих языковой личности является набор прецедентных текстов и высказываний, к которым относятся и пословицы.

Речевая деятельность участников коммуникации направлена на выполнение соответствующих вербальных задач, заключающихся в изменении точки зрения или модели поведения. Функциональной единицей аргументативного дискурса является РА аргументации, иллокутивной целью которого является воздействие на реципиента – побуждение к действию или модификация его убеждений.

Упоминание пословицы в аргументативном дискурсе оказывает воздействие на человека на культурологическом, социальном и психологическом уровнях. Пословица как средство убеждения используется в практическом аргументировании, включающем

ситуации повседневного бытового общения и публичные дискуссии устного и письменного характера. Аппелляция к прецедентному тексту пословицы в аргументации базируется на его персуазивной функции. Персуазивные свойства прецедентного текста пословицы позволяют ей выступать в аргументативном дискурсе в качестве 1) аргумента к традиции, 2) аргумента к авторитету общественного мнения и 3) аргумента к здравому смыслу. Функционирование пословицы в качестве перечисленных типов аргументов нацелено на регуляцию поведения членов общества, осуществляемую на основе представленных в пословицах норм поведения.

В рамках аргументативного дискурса пословица формирует собственное контекстуальное пространство, в которое входят контекст культуры, контекст ситуации и речевой контекст. Контекстуальное пространство пословицы представляет собой ту часть аргументативного дискурса, в которой в полной мере раскрываются значение, смысл и прагматическая установка пословицы.

Важная для средств массовой информации направленность на экспрессивность образов и доступность изложения заставляет искать соответствующие языковые средства, позволяющие наиболее лаконично, ярко, быстро и эмоционально воздействовать на читателя. Поэтому для публицистики особенно характерна интертекстуальность, одним из вариантов проявления которой является использование прецедентных феноменов.

Феномены могут быть как вербальными так и невербальными: « к первым относятся разнообразные вербальные единицы, тексты как продукты речевой деятельности, ко вторым – произведения живописи, архитектуры, музыкальные произведения» (Красных 2002: 46).

«Прецедентный феномен хорошо известен всем представителям, поскольку последние знают (как минимум) о его существовании и имеют некий общий, обязательный для всех носителей данного ментально-лингвального комплекса, национально-детерминированный, минимизированный инвариант его восприятия» (Красных 2003: 170).

3.3 ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПРЕЦЕДЕНТОВ

Как уже было продемонстрировано в предыдущих главах, прецедентные единицы несут в себе в свернутом виде большой объем важной текстовой информации, причем часто эта информация имеет национально-культурную специфику и представляет собой трудности в процессе перевода на другой язык. Многие исследователи не выделяют прецедентные феномены в отдельную группу явлений, а причисляют их к реалиям. Для передачи реалии необходимо фактическое знание действительности. Чем более чужда и далека эта действительность с ее деталями, тем легче возникают ошибки, неточность понимания и приблизительность перевода.

Практика перевода показывает, что неправомерно приравнивать прецедентные единицы к реалиям. Реалии не обладают всеми признаками ПЕ. Значение реалии не воссоздается посредством привлечения целого ассоциативного комплекса, при переводе прецедентных единиц происходит обратное. В этом, на наш взгляд, кроется главное отличие реалий от прецедентного феномена.

Нельзя приравнивать прецедентные феномены и реалии. Реалии не обладают всеми признаками ПФ. Перевод реалий и прецедентных феноменов требует отдельного решения на перевод. Значение реалии не воссоздается посредством привлечения целого ассоциативного комплекса, при переводе прецедентного феномена происходит обратное. В этом наш взгляд кроется главное отличие реалий от прецедентного феномена.

Само понятие «перевод реалий» условно, так как реалии, как правило, непереводимы (по крайней мере, на 5 уровне эквивалентности по В.Н. Комиссарову) и чаще всего они передаются в контексте не путем перевода, что можем сказать и о прецедентных единицах. Однако же «нет такого слова, которое не могло бы быть переведено на другой язык, хотя бы описательно, то есть распространенным сочетанием слов данного языка» (Федоров 1983: 182).

Перевод прецедентных единиц является довольно непростой задачей. Для адекватного перевода нужно обладать достаточными знаниями. При переводе прецедентных феноменов следует учитывать, что они неразрывно связаны с культурой

той или иной страны, и соответственно, получатель перевода может не обладать тем же необходимым для полного восприятия текста объемом фоновых знаний или фоновой информации, т.е. той общей для коммуникантов информацией, которая обеспечивает взаимопонимание при общении (Виноградов 2006: 35).

Выделяются следующие причины, по которым переводчики сталкиваются с трудностями при передаче прецедентных феноменов:

1. Отсутствие предмета или явления в реальной действительности языка перевод, а в связи с этим, отсутствие в языке перевода языкового знака, называющего этот предмет, ситуации или явление.

2. Необходимость передать не только предметное значение (то есть денотат), но и сохранить национальный колорит данного понятия.

Незнакомые, чужие, то есть внешние прецедентные единицы чаще всего вводятся автором для описания новой для носителей данного языка действительности. Эти незнакомые слова требуют такой подачи, чтобы читатель мог без затруднений воспринимать данный предмет или явление и ощущать «аромат чуждости».

Как отмечают учёные, переводческий опыт передачи реалий с одной стороны предоставляет большое количество способов и приемов передачи реалий, а с другой – является постоянным поводом для споров в каждом конкретном случае. Прецедентные феномены похожи на реалии и в чём та похожи, например, как и реалии прецедентные феномены носят в себя, этнонациональные особенности, обычаи, обряды, а также исторические факты или процессы, обычно не имеющие лексических эквивалентов в других языках.

При переводе прецедентных единиц следует учитывать, что они неразрывно связаны с культурой той или иной страны, и соответственно, получатель перевода может не обладать тем же необходимым для полного восприятия текста объемом фоновых знаний или фоновой информации, т.е. той общей для коммуникантов информацией, которая обеспечивает взаимопонимание при общении (Виноградов 2006:35). В.С.Виноградов определяет фоновую информацию как «социокультурные сведения, характерные лишь для определенной нации или национальности, освоенные

массой их представителей и отраженные в языке данной национальной общности» (Виноградов 2006:37). Вся фоновая информация народа делится на долговременную и кратковременную.

Первая составляет основу национальной духовной культуры и передается из поколения в поколение.

Вторая является «словесной разменной монетой времени, которая быстро входит в употребление, но так же быстро забывается и именно поэтому не находит отражения в словарях» (Виноградов 2006:43). В отличие от кратковременной информации, лексические единицы, содержащие современную и историческую долговременную фоновую информацию, не создают особых препятствий для восприятия текста, так как они включены в самые разнообразные лексикографические пособия: толковые, двуязычные, энциклопедические, идеографические и прочие словари (Виноградов 2006:44).

Существует несколько классификаций, которые предоставляют переводчику определенные наборы приемов передачи прецедентных феноменов.

При помощи транскрипции прецедентных единиц невозможно передавать потому что транскрипция предполагает механистическое перенесение реалии из ИЯ в ПЯ графическими средствами последнего с максимальным приближением к оригинальной фонетической форме, кроме прецедентных имён, как например:

Геракл-ჰერაკლე (herakle)

Геркулес-ჰერკულესი (herkulesi)

Перевод прецедентных единиц (или замена, субституция) как прием передачи ее на ПЯ применяют обычно в тех случаях, когда транскрипция по тем или иным причинам невозможна или нежелательна.

1. Введение неологизма – путь сохранения содержания и колорита переводимой прецедентна: путем создания нового слова (или словосочетания) иногда

удается добиться почти такого же эффекта. Такими новыми словами могут быть кальки и полукальки.

2. Кальки – заимствование путем буквального перевода (обычно по частям) слова или оборота. Например англ. skyscraper – рус. Небоскреб груз. catambrieni (в отличие от «высотного здания»; благодаря этому противопоставлению чувствуется «западный колорит» кальки).

1.1 Полукальки – своего рода частичные заимствования, тоже новые слова или (устойчивые) словосочетания, но «состоящие частью из своего собственного материала».

а. Освоение – адаптация иноязычного прецедента, т.е. придание ей на основе иноязычного материала обличье родного слова.

б. Семантический неологизм – условно новое слово или словосочетание, «сочиненное» переводчиком и позволяющее передать смысловое содержание прецедентного феномена. От кальки его отличает отсутствие этимологической связи с оригинальным словом.

в. Приблизительный перевод применяется для передачи предметного содержания прецедентного феномена, но колорит почти всегда теряется, т.к. происходит замены ожидаемого коннотативного эквивалента нейтральным по стилю, т.е. словом или словосочетанием с нулевой коннотацией.

Принцип родо-видовой замены позволяет передать (приблизительно) содержание прецедентного феномена единицей с более широким (очень редко – более узким) значением, подставляя родовое понятие вместо видового (генерализация/конкретизация).

Функциональным аналогом выступает элемент конечного высказывания, вызывающего сходную реакцию у читателя. Этот путь перевода позволяет, например, незнакомую читателю перевода игру слов заменить знакомой.

Описание, объяснение, толкование – прием приблизительного перевода, применяемый тогда, когда понятие, не передаваемое транскрипцией, необходимо объяснить.

Термин «контекстуальный перевод» обычно противопоставляют «словарному переводу», указывая, таким образом, на соответствия, которые слово может иметь в контексте в отличие от приведенных в словаре.

Выбор приёма передачи прецедентных единиц зависит от нескольких предпосылок: 1) от характера текста, 2) от значимости прецедента в контексте, 3) от характера самой прецедентного феномена, её места в лексических системах ИЯ и ПЯ, 4) от самих языков - их словообразовательных возможностей; и 5) от читателя перевода (по сравнению с читателем оригинала).

Считается, что перевод обязательно предполагает максимальную верность оригиналу. Переводчик действительно стремится, как можно полнее воспроизвести оригинал. «Известно, однако, что в других случаях переводчику вменяется в обязанность обеспечить воспроизведение в переводе коммуникативного эффекта оригинала, того воздействия, которое автор оригинала хотел оказать на получателей сообщения с целью вызвать у них определённую реакцию. И, действительно, переводчики подчас идут на сознательные отклонения от оригинала во имя достижения желаемого воздействия на рецепторов перевода. В таких случаях ориентация на оригинал дополняется, а порой и заменяется ориентацией на определённый тип получателей» (Комиссаров 1984:65).

Как мы уже отмечали реалии и прецедентные феномены похожи, тем что они носят культурный концепт и по С. Влахову и С. Флорину (Влахов, Флорин 1986:94 – 104) выбор приёма передачи реалий зависит от следующих факторов; такой же приём можно использовать при передаче прецедентных единиц:

I. Выбор в зависимости от характера текста делают с учётом жанровых особенностей соответствующей литературы: в научном тексте реалия чаще всего является термином и переводится соответственно термином. В публицистике, где, по данным некоторых исследователей, чаще прибегают к транскрипции, и в художественной литературе выбор зависит от самого характера текста. Например, в обычной прозе, транскрибируя, можно рассчитывать дать пояснения в сноске, что в принципе невозможно для драматического произведения; при переводе рассказа

решение может быть иным, чем при переводе романа; «в детской повести следовало бы максимально воздерживаться от транскрипции или, вводя в текст чужую реалию, тут же пояснять её; в приключенческом романе транскрипция может оказаться хорошим решением - элемент экзотики, присущий этому жанру, - но, опять-таки, это не должно быть самоцелью; в научно-популярном произведении уместны были бы и достаточно исчерпывающие комментарии в соответствии с познавательной направленностью произведения» (Влахов, Флорин 1985:94).

II. Выбор в зависимости от значимости реалии в контексте. При выборе между переводом и транскрипцией большое значение имеет та роль, которую играет реалия в содержании. В зависимости от того, сосредоточено на ней внимание читателя или же является незаметной деталью в тексте оригинала, по-разному будет решаться вопрос о выборе. А это, в свою очередь, нередко зависит от того, своя это для оригинала реалия или чужая.

Своя реалия ставит перед переводчиком значительно более сложные задачи в отношении распознавания и выбора между транскрипцией и переводом в данном конкретном тексте. При транскрипции реалии в ПЯ выпадают из общего лексического окружения, отличаются своей чужеродностью, а значит, привлекают к себе усиленное внимание - это нарушает равновесие между содержанием и формой, которыми отличается адекватный перевод, т.е. «воссоздание единства содержания и формы подлинника средствами другого языка» (Миньяр-Белоручев 1996:188). При передаче реалий иным путём теряется характерная окраска, носителем которой они являются, исчезает частица национального или исторического колорита. «Трудности при переводе в значительной степени связаны именно с передачей национального характера того или иного произведения: чем ярче оно отражает национальную жизнь, чем более характерные ситуации освещает, тем труднее переводчику найти соответствующие, адекватные функциональные изобразительные средства». Это значит, что транскрипция будет более уместна в том случае, если на ней сосредоточено внимание в оригинале.

Часто нет необходимости вводить реалию в перевод из-за соображений количества - чтобы не перегружать перевод избыточным количеством реалий, что затрудняет понимание и восприятие.

III. Выбор в зависимости от характера реалии предполагает учёт ряда ее особенностей как единицы в лексических системах соответствующих языков и том числе таких показателей, как ее знакомость/незнакомость, литературная и языковая традиция, ее отнесение к тому или иному классу по предмету, времени, месту:

а) знакомость. Наиболее высокой степенью знакомости для носителя ПЯ обладают интернациональные реалии, вслед за ними - региональные. Но и здесь нет четких границ. Например, якобинец и термидор могут оказаться неизвестными для читателей, но рубль, тореадор, миля, рейхстаг, скорее всего, не затруднят никого, не потребуют толкования и могут быть спокойно транскрибированы;

б) незнакомость

Из этих реалий обычно транскрибируются те, которые обладают стилистической яркостью, национальным колоритом. Чужие реалии должны получать то или иное объяснение, например, обозначающие местные названия, не фигурирующие в словарях ПЯ, достаточно индивидуализированного объекта, и содержание которого раскрывается в тексте самим автором (при помощи другой интернациональной или словарной реалии), например, в грузинской культуре весьма распространено употребление прецедентных имен в составе устойчивых сравнений:

как великий Илья (имеется в виду великий грузинский писатель и общественный деятель Илья Чавчавадзе);

наш Акакий (великий грузинский поэт Акакий Церетели) и пр.

в) традиция. Есть реалии, которые транскрибируются по традиции, несмотря на то, что у них есть полноценные соответствия в других языках.

IV. Выбор в зависимости от ИЯ и ПЯ, от их грамматических и словообразовательных особенностей, от культуры речи и традиционного для них принятия или непринятия реалий:

а) «Есть грамматически обусловленные группы единиц, которые обычно не транскрибируются, а передаются иными приёмами. Так подавляющее большинство

реалий - имена существительные, очень редко встречаются транскрибированные слова, принадлежащие к другим частям речи. Это объясняется отчасти тем, что образованные от реалий-существительных прилагательные нередко в той или иной мере утрачивают колорит» (Влахов, Флорин 1985:100). Например, прилагательное от существительного «богатырь» - «богатырский» приобретает переносное значение, и мы скорее склонны переводить его - «могучий, сильный, несокрушимый», чем транскрибировать;

б) существует неодинаковое «отношение» разных языков к иностранным заимствованиям, каковыми в языке или в речи являются чужие реалии любой степени освоения. Английский язык легко «впитывает в себя» иностранные слова, в т.ч. и реалии, но сравнительно труднее принимает славянские реалии. Чем менее знаком нам быт, культура ИЯ, тем больше будет количество отображающих его реалий;

в) желательная лаконичность при передаче реалии также зависит от ПЯ. Средствами любого языка можно передать любую реалию, но нужно при этом добиться максимальной сжатости. Важную роль играет возможность языка выразить лаконично то или иное понятие, при переводе на английский язык нужно опираться на односложность, а при переводе на русский - на гибкость грамматики, огромные ресурсы суффиксального и префиксального словообразования и свободный порядок слов;

г) «Иногда выбор зависит от «субъективного» фактора... чаще транскрибировать, склонны переводчики с родного языка на иностранный, а также «двуязычные» переводчики, в том числе и обжившиеся в стране ИЯ» (Влахов, Флорин 1985:102).

V. Выбор в зависимости от читателя перевода. Здесь очень важно определить «среднего носителя» ПЯ по сравнению с носителем ИЯ. Если транскрибированные в тексте реалии остались за пределами его восприятия, то значит, что коммуникативная цель перевода не достигнута. Если реалии переданы другими средствами и утрачен колорит, то эффект тот же.

Все средства передачи прецедентных единиц в переводе нужно связывать с тем, в какой степени они известны читателю, если они незнакомы, то существует ли подсказка в контексте, если нет, то какого характера пояснения необходимы. Интересно проследить

миграцию общечеловеческих имен-символов, которая сопровождается определенного рода трансформациями, причем иногда трансформируется коннотативное значение онима, чаще же изменяется лишь его внешний облик. Так, например, ставший уже стереотипным образ трудолюбивой бедной сиротки из сказки Шарля Перро «Золушка» в русской культуре приобрел следующие коннотации: трудолюбивая, прилежная, добрая и пр., в грузинской культуре коннотации данного онима весьма схожи, но план выражения онима изменен (*konkia*). Дело в том, что в русском языке в основе данного онима лежит корень «зол» (см. слово зола), в болгарском языке использован корень «пепел», поэтому героиню зовут Пепеляшка. Но в грузинском языке данная семема “*pasari*” оказалась «занятой». В Грузии очень популярна сказка «Нацаркекия», герой которой стал настоящим грузинским культурным прецедентом. Коннотация данного образа совершенно иная – он хитрый и сообразительный лентяй, который тягается силой с огромным девам и побеждает его силой своего разума. Поэтому для онима Золушка в грузинском языке была использована форма Конкия (что буквально означает девушка, одетая в старье).

Интересна переводческая трансформация прецедентного имени *Мальчик-с-пальчик* - грузинский вариант «*Церодена*» уточняет, что это мальчик, величиной с большой палец (по-грузински - *цери*). Не удивительно, что всем известная Дюймовочка была трансформирована в *Намцецу* (в переводе с грузинского - Малышка).

Мальчик-с-пальчик - груз. «Церодена»

Thumbolina (большой палец) – Дюймовочка

Каждый язык по-своему членит мир, имеет свой способ его концептуализации. У каждого народа, каждой нации есть свои собственные представления об окружающем мире, о людях, о представителях другой культуры. В обществе складываются определенные стереотипы – как относительно самих себя, относительно поведения и традиций в пределах своего культурного пространства, так и относительно представителей другого языкового и культурного пространства. Актуальность темы вызвана интересом исследователей к вопросам взаимодействия языка, культуры, психологии народа.

На современном этапе развития лингвистики большое внимание уделяется исследованию взаимосвязи языка и культуры. Ученые определили, что за языковой единицей всегда стоит какой-то культурный концепт, какое-либо культурологическое

понятие. Основным каналом трансляции культуры является язык, и на начальном этапе социализации культура транслируется в том числе в виде фольклорных текстов, детской литературы (например сказок, песен, стихов и т.д.), приобщение к которым делает человека личностью, представителем той или иной культуры. В первую очередь следует говорить о тех единицах, которые входят в когнитивную базу и „ядро” культурного пространства и которые авторы словаря «Русское культурное пространство» определяют как ментефакты – это прецедентные феномены, стереотипы, духи, артефакты (Русское культурное пространство. Москва. 2004).

Костомаров и Верещагин утверждают, что язык в силу своей кумулятивной, то есть накопительной функции в свернутом виде содержит очень много сведений о культуре, быте, истории данного народа. Текстовыми проводниками такой культурной информации Костомаров считает лексемы, фразеологизмы, составные наименования, клишированные выражения.

В результате взаимодействия человека с миром складывается его представления о мире, формируется некоторая модель мира, которая в философско-лингвистической литературе именуется картиной мира. Картина мира – одно из фундаментальных понятий, описывающих человеческое бытие. Понятие картины мира строится на изучение представлений человека о мире.

Концептуальные картины мира у разных людей могут быть различными, например, у представителей разных эпох, разных социальных, возрастных групп и т.д. Люди, говорящие на разных языках, могут иметь при определенных условиях близкие концептуальные картины мира, а люди, говорящие на одном языке – разные. Следовательно, в концептуальной картине мира взаимодействует общечеловеческое, национальное и личностное.

Концептуальная картина мира гораздо богаче, чем языковая картина мира: „Картина мира – то, каким себе рисует мир человек в своем воображении, – феномен более сложный, чем языковая картина мира, т.е. та часть концептуального мира человека, которая имеет „привязку” к языку и преломлена через языковые формы” (Е.С. Пубрякова)

Основным каналом трансляции культуры является язык, и на начальном этапе социализации культура транслируется в том числе в виде фольклорных текстов, детской литературы (например сказок, песен, стихов и т.д.). Но приобщение к чему, освоение и усвоение чего делают в конце концов человека личностью и представителем той или иной культуры, В первую очередь следует говорить о тех единицах, которые входят в когнитивную базу и „ядро” культурного пространства и которые авторы словаря определяют как ментефакты – это прецедентные феномены, стереотипы, духи, артефакты.

Одним из древнейших сказочных персонажей является Баба -Яга(1); выступает как стереотипный образ(2); может употребляться для характеристики человека (3).

1. Б.-Я. – лесная старуха-волшебница (ведьма), хозяйка зверей и лесного пространства, высшее лесное божество. Образ Б.-Я. многозначен. Она может выступать не только как воительница, похитительница детей, пожирательница людей, но и как помощница положительного героя сказки – указывает ему дорогу в царство Кощея и дарит различные волшебные предметы (клубок, гребень, камень и т.д.), которые помогают герою в пути.

2. Б.-Я. – старуха, сторбленная, худая, у нее большой, загнутый вниз, крючковатый нос, костяная нога, она одета в старые рваные лохмотья; живет в избушке на курьих ножках; умеет колдовать, владеет тайнами приготовления различных снадобий; летает в ступе, управляя помелом.

3. Современные русские могут называть Бабой Ягой или обращаться к образу Б.-Я. для характеристики:

- очень некрасивой, уродливой женщины (девушки); при этом может предполагаться, что эта женщина (девушка) отличается недобрым характером, злая: Она с кряхтением стала взбираться обратно на печь и... отозвалась оттуда о себе:

- Ох, свежий человек поглядел бы: и правду баба-яга, ни кожи, ни рожи! (В. Распутин, Прощание С Матерой)

Стоит только женщине прийти в политику, как она тут же из Василисы Прекрасной превращается в Бабу Ягу (МК 1996)

-Иди сам разговаривай с этой Бабой Ягой: мало того, что страшна, так еще и слова доброго не скажет.

- старой неприятной женщины, которая напоминает этого мифологического персонажа внешне или по роду занятий – напр.: владеет секретами магии (синонимичным является выражение „старая ведьма”):

- Я-то расстроилась, - говорит Анастасия Ивановна. – Она мне сперва не понравилась: высокая, сутулая, худющая, седая – прямо ведьма какая-то. Баба-яга. Несимпатичная. (В. Швейцер, Быт и Бытие Марины Цветаевой). (Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. М., 2004).

Пользуясь языком, мы ежедневно сталкиваемся с „говорящими онимами” (собственными именами.) Они служат для наименования людей, географических и космических объектов, различных объектов материальной и духовной культуры. К именам собственным относят имена как реально существующих или существовавших людей, городов, рек, созвездий и т.п., так и наименования предметов, созданных фантазией человека: богов, демонов, имена персонажей художественной литературы и фольклора и т.д. Под именами собственными вслед за О.И. Фоняковой, мы понимаем "универсальную функционально-семантическую категорию имен существительных, особый тип словесных знаков, предназначенный для выделения и идентификации единичных объектов (одушевленных и неодушевленных), выражающих единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа" (цитируется по И.А.Петровой 1996:3)

Подробному описанию отраженных в языке знаков русской культуры (реальных предметов, явлений, действий, абстрактных объектов, архетипических образов, мифологических сюжетов и т. д.) уделяется внимание в теоретических исследованиях А. Афанасьева, Ю. Лотмана и др.

Безусловно, к прецедентным знакам любой национальной культуры в первую очередь относятся имена собственные, обладающие богатыми ассоциативно-семиотическими возможностями. Некоторые из таких знаков перерастают в подлинные

символы. В частности, семиозис культуры отчетливо проявляется в топонимических наименованиях, ибо они представляют собой «типичные описания языковых знаков в их назывательной функции». Одним из таких наиболее существенных символов русской истории и культуры выступает река Волга. В грузинской культуре схожую функцию выполняет река Кура (по-грузински *Мтквари*).

В частности, семиозис культуры отчетливо проявляется в топонимических наименованиях, ибо они представляют собой «типичные описания языковых знаков в их назывательной функции». Одним из таких наиболее существенных символов русской истории и культуры выступает река Волга.

Очевидно, название Волги в славянских языках восходит к понятию «волглый», т. е. влажный.

С древнейших времен на Руси образ великой реки актуализируется в топонимических мифах. В этих сказаниях Волга обретает человеческий облик. Она — сестра нетерпеливой Вазузы и лукавой Западной Двины. У красавицы Волги есть братья — бурный Днепр и глубоководное Ильмень-озеро.

Общерусские тексты, издавна бытовавшие на Волге, характеризуются духом вольности, удалства. Уже в исторических песнях XVI в. отражается расширение границ пространственного мышления средневекового русича, появление масштабного взгляда на историю своего этноса. С этого времени Поволжье становится отправной точкой для последующего приращения Русского государства (походы Ермака в Сибирь, завоевания Петра I и др.)

В одически-возвышенной поэме «К Волге» поэта XVIII в. И. Дмитриева звучит торжественный гимн в честь великой реки, символизирующей историческую славу россов и красоту русской природы.

Народная память сохранила предания о Степане Разине, окутала его имя ореолом бессмертия.

Волга и Поволжье вдохновляли к созданию произведений на подлинно русские сюжеты Г. Державина, К. Рылеева, И. Крылова, М. Салтыкова-Щедрина, Н. Островского, Н. Чернышевского, М. Горького, А. Толстого, В. Хлебникова, В. Шукшина и др. отечественных авторов.

Пребывание на Волге вызвало множество впечатлений и у А. Чехова с И. Левитаном.

Из всех городов, основанных на берегах великой реки, особое место в истории России XX века занимает Волгоград. Возникший в XVI в. как город-крепость, Царицын был сначала сторожевым городом, затем промышленным центром. Победа 1943 г. под Сталинградом явилась переломным моментом в ходе Второй мировой войны. Именно в те суровые для Отечества времена родился призыв, обращенный к глубинам исторической памяти россиян: „За Волгой для нас земли нет”.

Образ Волги как пограничная зона или как один из наиважнейших центров русской культуры, а также как символ единства всех этносов, проживающих в России, мыслится уже в народных эпосах средневековья и в литературных сочинениях современных национальных поэтов.

В лирике национальных поэтов России XX столетия нерушимость дружественных уз с русским народом олицетворяют притоки Волги — Ока, Кама, Волго-Донской канал, пейзажи, сходные с картинами природы поволжского края.

Вышеприведенные примеры из литературы, фольклора и изобразительного искусства подтверждают историко-культурную и эстетическую природу ментально-«географического» знака отечественной действительности — реки Волги. В произведениях художественной литературы и изобразительного искусства явление топонимики превращается в многосмысловой знак — емкий образ. Река Волга символизирует мощь и красоту самой России.

Сегодня „говорящие онимы” (собственные имена) представляют собой своеобразную лексико-грамматическую категорию, которую можно исследовать в разных аспектах: в языке и речи, в диалектной и литературной сферах. За последнее время особенно усилился интерес к специфике ономастики разных родов литературы эпического, драматического, лирического. Это связано с тем, что собственные имена в художественном тесте имеют свою специфику. Подобно другим средствам языка, собственные имена, будучи использованными в контексте художественного произведения, начинают жить и восприниматься в "сложной и глубокой образной

перспективе-перспективе художественного целого". Каждый из писателей употребляет собственные имена в соответствии со своим творческим методом и конкретными идейно-художественными задачами, стоящими в том или ином произведении. "На употреблении имен лежит печать определенной эпохи, литературного направления классовой позиции автора. Одно и то же имя может служить разным целям". (В.Н.Михайлов 1966:54). Поэтому перевод подобных единиц, отражающих базовые культурные концепты, должен быть очень тщательным и продуманным.

В связи с этим в 50-60-е гг. XX в. сформировалась особая отрасль знания - литературная ономастика, изучающая функционирование онимов в текстах художественной литературы." Литературную (неэтическую) ономастику можно определить как субъективное отражение объективного, как осуществляемую писателем "игру" обще языковыми ономастическими нормами" (Ю.А.Карпенко 1986:34-40).

"Литературная ономастика - это часть понятия "художественное целое" способ отражения мира посредством именованья, одна из составляющих проблему художественности, ее магии и секретов" (Т.В.Немировская 1988:112).

Имена собственные в художественном тексте отличаются от общезыковых и функционально, и семантически. Так, в реальной жизни нет внутренней связи между именем и его носителем. Подчеркивается отсутствие у имен собственных лексического значения, их семантическая опустошенность. В противоположность именам нарицательным, они ограничиваются одной функцией - обозначения, что позволяет им только различать, опознавать обозначаемые объекты. Но в художественном произведении связь между именем и носителем вполне может быть установлена волею автора. "Имена собственные, не имеющие в языке своего предметно-логического или коннотативного значения, в художественном тексте приобретают семантический и эмоциональный потенциал, который накапливается в процессе разворота текста через авторские и персонажные характеристики обозначаемого объекта - носителя имени" (Л.А.Автеньева, Т.В.Бакастова 1988:163).

Взаимовлияние художественного текста и имени собственного имеет двунаправленный характер: "С одной стороны, обозначая, единый денотат, имена

собственные выполняют роль текстовой скрепы, и наделено, таким образом, текстообразующей функцией. С другой стороны, имя собственное, по мере продвижения в тексте приобретает собственно-семантическую структуру" (Т.В.Бакастова 1984). Для литературных онимов, в отличие от ономастики общеязыковой, "коннотативное значение становится обязательным и часто выходит на первый план, обуславливая особый аспект функционирования имен собственных в художественной литературе". (Л.М.Буштян 1984)

Особенно актуальным сегодня представляется анализ специфики употребления имен собственных в поэтических текстах, т.к. «поэтика имен собственных - область словеснообразных средств, чрезвычайно мало еще исследована» (Э.Магазанник 1967). В тоже время, имя собственное, становясь материалом поэзии, играет особую роль- становится точкой отсчета ....при актуализации гармонии поэтического текста" (К.Б.Жоги́на 1997:2). Кроме того - стремление писателя максимально использовать возможности имен собственных в поэтическом тексте приводит к тому, что они становятся одним из важнейших средств для создания ярких, неожиданных образов.

Благодаря кумулятивной (накопительной) функции языка в каждой лингвокультурной общности накапливаются языковые единицы, в которых отражаются национальные представления об окружающем мире, о существах, населяющих мир (как реальных, так и мифологических). Важное место в системе славянских мифических образов занимают духи, к которым относятся водяные, русалки, кикиморы, домовые, лешие.

Под "лешим" подразумевается какое-то мифическое существо, живущее в лесу, имеющее вид человека, но мохнатое (т.е. покрытое шерстью), гораздо более рослое и сильное, с мощными руками, со сверкающими глазами... Большую часть времени лешие проводят на деревьях; качаться и "дурачиться" для них - самое любимое занятие. При приближении человека они хохочут, бьют в ладоши, а если увидят женщину, то норовят затащить ее к себе... Если мы попытаемся придать этим мифическим существам более конкретный образ, то нам не трудно будет придти к предположению,

что в преданиях о леших сохранилось какое-то смутное воспоминание о больших антропологических обезьянах, с которыми человеку, может быть, приходилось вести некогда борьбу за свое существование.

В древнееврейском оригинале русским “лешим” соответствует слово “сэирим” (буквально “косматые”), - “имеется в виду род демона или сверхъестественного существа”, которое, согласно древнееврейскому фольклору, обитает в пустынных местах. В старославянском тексте “Ветхого завета” древнееврейским “косматым” и русским “лешим” соответствует слово “бесы”, а в латинском тексте Библии и в текстах целого ряда западноевропейских языков для передачи того же понятия используется слово “сатиры”. Сатиры, они же “лесняки косматые” - подобны людям, но “не суть человеки”.

Лешие, бесы, сатиры, фавны, дивы, насносы, косматые демоны горных перевалов - все это, в общем-то, одна компания. С одной стороны, это вроде бы злые духи и сверхъестественные существа, а с другой, они же - “особый род человека, которого ставили в середине между человеческим и звериным родом”, существа, которых Бог создал в спешке и не довел до кондиции человека.

В Вологде распространена легенда: крестьянский сын спросил отца: “Тятык! Што это такое - дьявол, шут, черт, леший, домовый, окаянный? Какое различие между ними?” - “Различия почти меж ними нет никакого, а только названия разны”, ответил отец и поведал сыну легенду, которую я привожу здесь в ее вологодском варианте: Был на земле только Бог и дьявол. Бог сотворил человека, и дьявол попробовал сотворить, но сотворил не человека, а черта, и как он ни старался, ни трудился, все же не мог сотворить человека, все у него выходили черти. Бог увидел, что дьявол уже сотворил нескольких чертей, рассердился на него и велел Архангелу Гавриилу свергнуть сатану и все нечистую силу с неба. Гавриил свергнул. Кто упал в лес - стал леший, кто в воду - водяной, кто на дом - домовый. “Вот почему их зовут по-разному. А они все бесы одинаковы”.

Образы подобной нечисти характерны не только для верований славянских народов, в том или ином облики они встречаются у всех народов

мира: у таджиков это гуль, который любит подражать охотникам, в Мордовии это мэнкава, который подражает крику разных птиц. Абхазский “лесной человек” - абынуавы (он же абнаое) - “высокого роста, весь покрыт шерстью. На лице его шерсть образует подобие бороды. И даже уши заросли его, только ладони рук голые”. В коми-зырянском фольклоре лешего обычно называют “мохнатоухим”, а человека “голоухим”. Но не все тело демона покрыто волосами, кое-где “замечаются голые места”, а, значит, и цвет кожи в этих местах. Да и у славян лешие очень разнятся: в карачаевских и брянских лесах лешего “видят с огромной рябиной в руках”. Согласно сообщению из Архангельской губернии, леший переходит дорогу “в образе высокорослого мужика с огромною дубиною в руках”.

Особый интерес представляет тот факт, что Леший, по тонкому замечанию В.Даля, «разговору не обучен». Даль в "Толковом словаре" пишет: "Леший нем, но голосист". Один из характерных звуков, присущих лешему, - свист. Это своего рода позывной сигнал нечистой силы. Зеленин упоминает народную примету: "в лесу свистеть опасно: обидится леший". Другой автор приводит слова русской крестьянки: "В избе нельзя свистать и в лесу нельзя свистать. Это леший свистит только". Издали доносящейся "болтовне" лешего можно придать любой смысл, а уж когда столкнешься с хозяином леса нос к носу, становится ясно, что языку он необучен. Чтобы устранить все сомнения Даль записал: "Всякая нежить бессловесна (домовой, леший, водяной и пр.)". "Леший повторяет действия человека". Есть в словаре Даля и еще одно выражение: "Леший подходит греться к кострам, но прячет рожу".

Намекая на зеленую окраску «хозяина леса» русский поэт К.Кальмонт писал: «Что же касается изумрудного самодура лесов, любящего кружить прямолинейных людей, о нем существует народное слово, являющееся обворожительным и красноречивым противоречием: "Леший нем, но голосист".

По мнению авторов лингвокультурологического словаря «Русское культурное пространство», леший, как древнейший русский мифологический персонаж, выступает в виде стереотипного образа:

1. Леший – лесной дух, воплощение леса как враждебной, чужой человеку части пространства. Облик Л. указывает на его потустороннюю природу: у него могут быть рога и копыта, левый лапоть надет на правую ногу, а правый – на левую. В народных представлениях Л. наделяется противоречивыми свойствами. С одной стороны, его причисляют к нечистой, опасной для человека силе, уподобляя черту. С другой стороны, Л. воспринимают как лесного хозяина и покровителя зверей, который изначально не враждебен человеку и может его наказать (в том числе и смертью) только в том случае, если человек нарушает правила поведения в лесу (напр: идет в лес, не благословясь, без креста или забудет «попроситься» у Л.). Таким образом Л. оберегает свое пространство и мстит за него. Существует поверье, что Л. может увести/унести и навсегда оставить у себя ребенка, которого родители поругали словами «понеси тебя леший».

2. Л. – мужчина или старичок, одетый в старую шкуру (покрытую листьями и мхом), с длинными лохматыми спутанными волосами, с бородой; он может менять свой рост и облик, например, становиться выше деревьев или принимать вид дерева, пня, коряги. Он может кричать, хохотать, пугая путника, мешать продвижению, хватая руками-ветками за одежду; он сбивает с пути, водит кругами по одному и тому же месту, может завести в лесную чащу, из которой трудно найти дорогу.

Образы леших и прочей нечисти часто встречаются в сказках, народных поверьях, былинках и других произведениях устного народного творчества, они представляют серьезную проблему для переводчика, так как поиски соответствующих персонажей в иных культурах обнаруживают лишь поверхностное сходство. Несмотря на то, что в грузинской мифологии также популярны образы нечистой силы, обитающей в лесах, грузинские очопинтре, ткашмапа (лесная царица), каджи, алкаджи, очокочи, они и выглядят иначе, и ведут себя по-другому, даже среда обитания у них иная. Так грузинская али отличается от русской русалки тем, что живет только в реках, имеет рыжие волосы. Хотя у них много общего: они завлекают беспомощных перед их красотой мужчин и губят их.

Грузинская ткашмапа (лесная царица), встретив в лесу мужчину, "объясняется с ним мимикой, без произнесения слов". Леший очокочи ("громадное косматое человекоподобное существо"), пересев у костра охотника, "рукой показал, что он голоден". В то же время очокочи может свести человека с ума "своей болтовней". Противоречие"? Ничуть: если можно петь без слов, то почему бы не "болтать без слов", т.е. произносить невнятные, нечленораздельные звуки, каковые и "сводят человека с ума".

Грузинский очокочи просит храброго охотника Джвибу, убившего оленя, дать ему кусочек оленьего мяса". „В другой раз на охоте встретил Джвиба очокочи, только маленького роста. Они просили у него мяса, но он бросил в них пылающей головней, после чего очокочи удалились”.

Народный юмор обыгрывает, например, бессловесность демона, влюбленного в человека, как это видно в демонологической „байке" грузин:

Каджи-мужчину величают лесным царем, а каджи-женщину — лесной царевной. ... Лесная царевна, встретив человека (мужчину), выставляет ему обе ладони и показывает на пальцах, на сколько лет она приглашает его в сожительство с нею: покажет десять пальцев, значит приглашает на десять лет: человек, не произнося в ответ ни слова, должен отрицательно кивнуть головой, да и поступать так до тех пор, пока каджи, постепенно уменьшая число пальцев на один и, следовательно, годы сожительства на столько же, не дойдет до показания половины мизинца, что означает полгода сожительства. Тут уж человеку нельзя не согласиться, а иначе лесная царевна убьет его".

Духи, домовые ведут себя по-разному, в зависимости от того, представителями какой культуры они являются. И это не удивительно, ибо человек всегда моделировал воображаемые мифические существа по своему образу и подобию.

Ареал распространения духов отнюдь не ограничивается фольклорными произведениями. Эти образы весьма популярны и в современной литературе.

Мир русской народной сказки всегда привлекал поэта Вл. Высоцкого. Но он не копировал сказочные сюжеты, а придумывал свои, оставляя от традиционной сказки нескольких героев. Потому песни-сказки Высоцкого наполнены духом старины и духом современности одновременно. Это единство ограничено и глубоко характеризует менталитет русского человека «Сказочные» обзоры, создаваемые поэтом, занимают особое место в его творчестве. Только у Высоцкого они могут заключать в себе юмористические, комические, сатирические характеристики. Например: Водяной Высоцкого рассказывает о себе следующее:

Я старый больной, озорной Водяной,
Но мне надоела, квартира
Лежу под корягой простуженный, злой,
А в омуте мокро и сыро. (313)

У Лешего обязательно есть Лешачка:

Нету мочи, нету сил, -
Леший как-то недопил –
Лешачку свою бил и вопил...(113)

Вряд ли традиционный сказочный персонаж мог допустить такие «вольности» в своем поведении.

В довольно неприятную ситуацию попал у поэта Оборотень:

Привет, добрый тень, я так – Оборотень
Неловко на днях обернулся
Хотел превратиться в дырявый плетень,
Да вот посередке запнулся.(312)

Комическое обыгрывание сказочных персонажей является неотъемлемой характерной чертой живой разговорной речи. Русская идиоматика сохраняет огромное количество фразеологизмов, устойчивых сравнений, опирающихся на образ лешего:

Современные русские могут называть лешим или обращаться к образу Л. при характеристике:

*замкнутого, угрюмого, нелюдимого человека с бородой, как правило, живущего одиноко: «Даже Василий, которого в деревне прозвали Лешим за его одинокий оураз жизни и скрытый характер, пришел посмотреть на выступление заезжих артистов.» (Н.Наметов, Закат).

*человека, во внешнем облике которого обнаруживается сходство с Лешим:

«Он оказался почти человеком-невидимкой: его телесная одежда была усеяна каким-то мелкими зелеными листиками и островками густого черного мха, а лицо скрывалось за просторным капюшоном. Несколько секунд я судорожно соображал, что ему ответить, - если уж выяснилось, что этот «леший» собирается решать, пропустить меня или нет». (М. Фрай, Гнезда Химер).

«Фандорин решил, что ослышался – вряд ли этот непривлекательный, бородатый субъект, похожий на лешего из сказки, мог всерьез предлагать ему свои услуги» (Б.Акунин, Алтын-толобас).

Современные русские также могут вспоминать лешего, когда имеют в виду собственно мифологический персонаж, то есть духа леса, нечистую, враждебную человеку силу.

«А вот, дедуля, неужели не боишься по дорогам ходить, Как же ночью-то, Не встречал ли лешего, - Ой, встречал!.. – А Расскажи, дедушка, какую еще нечисть в лесу видать. (Т. Толстая. Кысь).

Иногда даже образом лешего «злоупотребляют», сваливая на него все свои ошибки и неудачи:

*Меня леший попутал – я неумышленно, не специально, не нарочно сделал что-то плохое; говорится в ситуации, когда человек совершил поступок, противоречащий общепринятым нормам поведения.

- «Ну, зачем ты наговорил ему столько грубостей, зачем обидел, - Да не знаю, леший попутал»(реч.).

«В моем путеводителе написано, что в Бомбее не меньше дюжины телеграфных пунктов. Отправить телеграмму с одного на другой в пределах города – это же так

просто». «И за каким лешим ему понадобилось посылать такую телеграмму?» «Чтобы завладеть кораблем». (Б. Акунин. Левиафан).

Анализ грузинских фольклорных текстов продемонстрировал, что грузинский Очопинтре является более позитивным образом, он скорее охраняет лес, чем губит людей, вероятно, этим фактом объясняется почти полное отсутствие негативных характеристик этого персонажа, или же они не зафиксированы в языке.

Мифологические персонажи являются яркой специфической чертой каждой национальной культуры, тем более интересной, что они бытуют в современной литературе и прочно обосновались в языке в виде устойчивых сравнений и метафорических образов.

Перевод подобных прецедентных единиц требует особых усилий от переводчиков, ибо при переводе прецедентных имен недостаточно транскрибировать имя собственное, необходимо передать важный компонент коннотативного значения прецедента, которое характерно для данной культуры. Переводческая практика демонстрирует разные подходы к данной проблеме, решение о выборе наиболее удачного варианта принимает сам переводчик. Исходя из объема фоновых знаний своего нового адресата, из сопоставления культуры, которую представляет оригинальный текст и культуры, к которой принадлежит переводный текст.

По нашему мнению, самыми продуктивными переводческими решениями данной проблемы являются:

1) Замена прецедента исконной культуры схожим по своему коннотативному значению прецедентов другой культуры, для представителей которой переводится данный текст, например, русский Обломов может быть в определенных случаях заменен грузинским Луарсабом, хотя необходимо признать, что полностью эти прецеденты не взаимозаменяемы.

2) Чаще всего коннотативное значение прецедента передается описательно-образными средствами, причем здесь также можно выделить два подхода:

а) описание включается в ткань повествования, становясь его органической

частью (например: *По утрам они обязательно ели хаггис, традиционное национальное блюдо шотландцев* – подчеркнуто нами);

б) в тексте дается сноска, и описание национально-культурного прецедента приводится в примечаниях или в конце страницы (например, в русском переводе рассказов Джерома Клапки Джерома или в переводах стихотворений В.Высоцкого на английский язык).

Резюмируя материалы данной главы, хотелось бы отметить, что языковая картина мира каждого народа представляет собой большое мозаичное панно, важной частью которого являются прецедентные единицы. Представленные как макроуниверсальными, региональными, так и национально-культурными прецедентами, несущими большой заряд текстовой информации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении нашего исследования мы пришли к следующим выводам.

Наша страна стремится влиться в общеевропейское пространство, для которого уже давно стали нормой интеграция и всеобщая глобализация. Эти процессы стимулировали многочисленные междисциплинарные исследования языкового сознания и языковых картин мира отдельных народов, так как поликультуризм, ставший в современной Европе уже нормой, влияет на формирование когнитивной базы молодых европейцев. Важной составной частью когнитивной базы каждого народа являются прецедентные единицы, функционирование и трансформация которых заслуживают самого пристального внимания лингвистов, в первую очередь это касается грузинского языка и грузинского культурного пространства.

Исследование семиотической природы прецедентных единиц продемонстрировало своеобразие прецедентов с точки зрения теории номинации, которое заключается в сочетании номинативного компонента с оценочным компонентом и ярким эмоциональным фоном данных единиц. Исследование этих особенностей прецедентных единиц приобретает особую важность на современном этапе лингвистики, который характеризуется все возрастающей ролью метафоризации и языковой игры.

Особую популярность, в силу указанных причин, использование прецедентных единиц приобрело в медиа-текстах, и это не удивительно, ибо прецеденты реализуют большой пласт фоновой информации, обладают особой выразительностью и выражают ментальность носителей данного языка, привлекая внимание потенциальных читателей или слушателей/зрителей. Интересно отметить, что русские прецедентные единицы, часто употребляемые в русскоязычной грузинской прессе, все еще встречаются и в грузиноязычной прессе, что свидетельствует о сохранении ряда культурных концептов предыдущих эпох.

С точки зрения источников возникновения прецедентные единицы весьма разнообразны как в русской, так и в грузинской культуре: это может быть классическая мировая и национальная литература, крылатые фразы, пословицы, поговорки, высказывания исторических персоналий, общественных деятелей, очень большой пласт прецедентов имеет источником популярные телепередачи, программы, кинофильмы, анимационные фильмы и пр. Главное, что все эти единицы не представляют трудностей

при восприятии представителей современного грузинского социокультурного пространства.

Типология прецедентных единиц основывается на очень емкой и четкой классификации Ю. Караулова. По ареалу функционирования прецедентные феномены обычно делят на две противопоставленные группы, так называемых общечеловеческие (или универсальные) и национальные прецеденты, мы хотим обосновать не совсем точный характер первого термина и предложить вместо него термин «макроуниверсалия» (термин Д.З.Гоциридзе). По нашему мнению, ни библеизмы, ни мифологемы, ни известные прецеденты Шекспира неправомерно называть общечеловеческими, так как всегда найдутся такие племена и народности (например в Африке), которые с ними не знакомы, поэтому более точным термином нам представляется номинация – макроуниверсалии.

В научной литературе часто можно встретить деление прецедентных единиц на три группы (I – общечеловеческие, II – региональные, III – национальные), но к региональным прецедентам обычно относят единицы, распространенные в данной геополитической общности, мы считаем, что существование Советской империи было уникальным примером особого гео-политического и общественно-политического единства, поэтому во второй группе считаем правомерным выделение двух подгрупп:

а) региональные (ограниченные рамками общественно-политической общности, например: советизмы, вошедшие во все языки входящих в Советский Союз республик);

б) региональные (ограниченные рамками геополитического района, например: аксакал, бурка – т.е. слова, характерные для определенных регионов СССР).

Таким образом, с учетом внесенных изменений классификация приобретает следующий вид:

I - Макроуниверсальные (характерные для большинства культур);

II - Региональные прецеденты:

а) ограниченные рамками общественно-политической общности;

б) ограниченные рамками геополитического региона;

III - Национальные, характеризующиеся особой культурной самобытностью.

Прецеденты всех трех уровней характеризуются единством противоположностей: с одной стороны, они статичны, передаются из поколения в поколение (в рамках одной

культуры или большого числа культур), но, с другой стороны, они представляют собой открытую динамичную систему, которая характеризуется общеязыковыми процессами неологизации и архаизации. Являясь составной частью национальной картины мира прецеденты меняются вместе с ней, отражая закономерные процессы обновления общественно-политической парадигмы.

Одним из факторов, влияющих на изменение коннотативных значений, выраженных прецедентами, являются популярные телепрограммы, кинофильмы, анимационные фильмы и пр. Анализ метафорических образов, которые меняются под воздействием популярных анимационных фильмов, продемонстрировал механизм появления новых прецедентов или этапы изменений старых. Дело в том, что усвоенный новый или трансформированный метафорический образ ложится в основе прецедента, который по мере функционирования становится все более распространенным, когда же его коннотативное значение становится известным большинству носителей данного языка, можно признать появление нового прецедента.

С динамикой прецедентных единиц связан еще один интересный аспект изучения языка – агнонимичность, обновление общественно-политической парадигмы происходит в настоящее время столь стремительными темпами, что некоторые прецеденты русской культуры уже непонятны для молодого поколения, а прецеденты английской культуры еще пока не понятны. использование прецедентов в языке медиатекстов требует от читателей определенной языковой и культурной компетентности, развивает их интерпретирующие способности и логическое мышление. обогащает их словарный запас.

Прецедентные единицы представляют собой особую переводческую проблему, так как при трансформации прецедента из одной культуры в другую необходимо передать не только языковое воплощение прецедента, а его скрытое коннотативное значение.

По нашему мнению, самыми продуктивными переводческими решениями данной проблемы являются:

- 1) Замена прецедента исконной культуры схожим по своему коннотативному значению прецедентов другой культуры, для представителей которой переводится данный текст.

- 2) Чаще всего коннотативное значение прецедента передается описательно-изобразительными средствами (или прямо в ходе повествования или в специальных сносках).

Анализ эмпирического материала продемонстрировал, что языковая картина мира каждого народа представляет собой большое мозаичное панно, важной частью которого являются прецедентные единицы. Представленные как макроуниверсальными, региональными, так и национально-культурными прецедентами, несущими большой заряд текстовой информации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Апресян 2004: Апресян Ю.Д. Интерпретационные глаголы: Семантическая структура и свойства. // Русский язык в научном освещении.. – №1 (7).
2. Ахманова 1966: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М. 1966.
3. Арошидзе 2013: Арошидзе М., Путкарадзе Т. Болгария глазами грузин. Тбилиси.
4. Ассманн 2004: Ассманн Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.
5. Арнольд 2004: Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык.
6. Баженова 2006: Баженова Е.А. Интертекстуальность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.
7. Балашова 2008: Балашова Л.В. Метафора и языковая картина мира носителя слэнга (на материале прецедентного мира «Детство») // Вестник ИГЛУ. Сер. Филология. № 2.
8. Березович 2002: Березович Е.Л. Прецедентный топоним в русской языковой традиции: механизмы формирования и функционирования // Ономастика Поволжья: тез. докл. IX междунар. конф. Волгоград.
9. Вацковская 2008: Вацковская И.С. Прецедентное имя в политическом дискурсе // StudiaLinguisticaXVII. Язык и текст в проблемном поле гуманитарных наук. СПб.
10. Бондарко 2006: Бондарко А.В. Категоризация в системе функциональной грамматики // Вопросы филологии – №1 (22).
11. Васильев 2009: Васильев А.Г. Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия//Фундаментальные проблемы культурологии. М.

12. Васильев 1998: Васильев Л.М. Общий взгляд на лингвистику XX века // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. – Вып.11. – Воронеж.
13. Веккер 2001: Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. Москва.
14. Виерзбицка 1997: Wierzbicka. Anna. Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. New York: Oxford University Press.
15. Выготский 1934: Выготский Л.С. Мышление и речь. Москва.
16. Гришаева 1998: Гришаева Л.И. Арминий, Барбаросса, ведьмы с Брокена и другие: Немецкий язык и культура через призму немецких прецедентных текстов. / Л.И. Гришаева. – Воронеж : Воронеж.гос. ун-т.
17. Гришашвили 1989: Гришашвили И. Литературная богема старого Тбилиси. Тбилиси.
18. Горелов 2007: Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. Москва.
19. Гудков 1999: Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.
20. Дзагания 2012: Дзагания И., Арошидзе М. Формирование языковой личности в Грузии и феномен межкультурного общения//историко-филологические изыскания. №8.
21. Дейк Ван 1989: Дейк Ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Москва.
22. Денисова 2003: Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод. М.,
23. Жинкин 1998: Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество. Москва.
24. Залеская 1999: Залеская. А.А. Введение в психолингвистику. Москва.
25. Иванов 2004: Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 3: Сравнительное литературоведение. Всемирная литература. Стихотворение. М.

26. Караулов 2003: Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.
27. Караулов 2007: Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.
28. Караулов 2010: Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.
29. Караулов 2002: Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Москва.
30. Караулов 1987: Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов; Отв. ред. Д.Н. Шмелев.- М.: Наука
31. Костомаров 1996: Костомаров В.Г. Прецедентный текст как редуцированный дискурс / В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова // Язык как творчество. К 70-летию В.П. Григорьева: Сб. науч.тр.- М.
32. Костомаров 2005: Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. – М.
33. Красных 1998: Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М.
34. Кубрякова 1977: Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование // Языковая номинация. Виды наименований. М.
35. Кубрякова 2004: Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики. // Известия Академии Наук. Серия литературы и языка. – Т. 63.
36. Лаенко 2004: Лаенко Л.В. Пословица есть прецедентное высказывание?// Феномен прецедентности и преемственности культур / под общ.ред.: Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой, В.Т. Титова. – Воронеж : Воронежский государственный университет – (Серия «Монографии», вып. 8).
37. Леонтьев 1975: Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. Москва.
38. Лукин 2005: Лукин В.А. Художественный текст: основы лингвистической теории. Аналитический минимум. М.
39. Матезиус 1967: Матезиус В. О системном грамматическом анализе // Пражский лингвистический кружок. – М.

40. Олянич 2004: Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. – Автореф. ... д-ра филол. наук. – Волгоград.
41. Пелевин 2001: Пелевин В.О. Generation «П» / В. О. Пелевин.- М.: Вагриус.
42. Привалова 2005: Привалова И.В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность (теоретико-экспериментальное исследование). АДД. Москва.
43. Петрова 2005: Петрова Н. В. Интертекстуальность как общий механизм текстообразования (на материале англо-американских коротких рассказов): дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград.
44. Проскурина 2004: Проскурина А.А. Прецедентные тексты в англоязычном юмористическом дискурсе: автореф. дис. канд. филол. наук. Самара.
45. Прохоров 2004: Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. М.
46. Радбиль 1999: Радбиль Т.Б. Прецедентные тексты в языковой картине мира / Т.Б. Радбиль // Языковая картина мира в синхронии и диахронии: Межвуз. сб. науч. тр.- Нижний Новгород.
47. Рубинштейн 1998: Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Санкт-Петербург.
48. Сакун 2001: Сакун Ю.П. Культурные символы // Философия. Краткий тематический словарь. Ростов н/Д,
49. Сергеева 2003: Сергеева Г.Г. Аспекты функционирования прецедентных имен в молодежной среде // Филологические науки. № 2.
50. Слышкин 2004: Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.
51. Слышкин 2000: Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.
52. Смирнова 2008: Смирнова У.В. Прецедентные феномены как инструмент манипуляции // Вестник ИГЛУ. Сер. Филология. № 2.
53. Стернин 2002: Стернин И.А. Коммуникативное и когнитивное сознание. С любовью к языку. Москва-Воронеж..

54. Симонов 1987: Симонов П.В. Мотивированный мозг. Высшая нервная деятельность и естественнонаучные основы общей психологии. Москва.
55. Сулимов 2006: Сулимов В.А. Когнитивное описание языка и его культурологическая интерпретация: когнитивные трансформации // Филологические науки.
56. Телия 1988: Телия В.Н. Метафоризация и её роль в языковой картине мира // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М.
57. Тамли 1985: Talmy L. Force dynamics in language and thought. – Chicago Linguistics Society – 21, Pt. 2: parasession on Causatives and Agentivity.
58. Тарасов 2000: Тарасов Е.Ф. 2000 Язык как средство трансляции культуры. Москва.
59. Тер-Минасова 2000: Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.
60. Толстой :1995 Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Москва.
61. Уфимцева 2002: Уфимцева Н.В. Взаимодействие культур и языков: теория и методология. Встречи этнических культур в зеркале языка. Москва.
62. Ушакова 2004: Ушакова Т.В. Понятие языкового сознания и структура речемыслительной деятельности. в Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: Сб. научных трудов под ред. Н.В.Уфимцевой. Москва – Барнаул
63. Уайтхед 1990: Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М.
64. Филиппова 2007: Филиппова С.Г. Интертекстуальность как средство объективизации картины мира автора: дис. ... канд. филол. наук. СПб.
65. Фомин 2003: Фомин А.А. Прецедентные онимы в художественном тексте // Ономастика и диалектная лексика. Вып. 4. Екатеринбург.
66. Хальбвакс 2005: Хальбвакс М. Коллективная и историческая память// Неприкосновенный запас. М.
67. Хализев 2000: Хализев В.Е. Теория литературы. М.

68. Чумак-Жунь 2005: Чумак-Жунь И.И. Функционирование прецедентного образа в поэтическом дискурсе // Художественный текст и языковая личность. Томск
69. Чхаидзе 1999 Чхаидзе Н. Прецедентные имена в русском и грузинском дискурсах. Батуми.
70. Щерба 1974: Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и эксперименте в языкознании. в Языковая система и речевая деятельность. Москва.
71. Шьшдт 1996: Schmidt W. Grundfragen der deutschen Grammatik. Eine Einführung in die funktionale Sprachlehre. – Berlin